(Годъ сорокъ четвертый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906

3.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1906.

Изданіе Великаго князя Николая Михаиловича. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій.

Томъ 1. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ 1905. (Тоже заглавіе, какъ и всѣ жизнеописанія, по-французски). Большая 4-ка. 8 нен., съ указателемъ лицъ, жизнеописанія которыхъ помѣщены и со спискомъ художниковъ (большею частью иностранцевъ, писавшихъ портреты этихъ лицъ), 194 и 4 неп. стр.

Въ составленіи біографическихъ очерковъ участвовали слѣдующіе сотрудники: К. А. Военскій, А. А. Голомбіевскій, С. Н. Казнаковъ, Б. Л. Модзалевскій, Н. П. Чулковъ, Е. С. Шумигорскій.

Вѣрна общенародная пословица: „лице есть зеркало души" и въ тоже время портретъ вызываетъ желаніе узнать, какова была жизнь лица.

Въ „Русскомъ Архивѣ" уже былъ отзывъ о первыхъ двухъ выпускахъ этого монументальнаго изданія (продаваемаго по безпримѣрно-дешевой цѣнѣ). Имъ не уступаютъ нынѣ появившіеся выпуски третій и четвертый. Тутъ не налюбуешься и прекрасными портретами, и мастерствомъ въ умѣніи передать вкратцѣ существенныя жизненныя черты изображеннаго лица. Это удивительная, своеобразная хроника Русской жизни (конечно не полная).

Исторію творятъ немногія лица, подъ воздѣйствіемъ которыхъ находится большинство современниковъ. Личныя свойства государя отражаются въ дѣятеляхъ его царствованія. Оказывается напримѣръ общность Павла Петровича съ графомъ Растопчинымъ и Обольяниновымъ, Александра Павловича со Сперанскимъ, княземъ А. Н. Голицынымъ и Карамзинымъ; Александра Николаевича съ графомъ П. А. Валуевымъ и съ княземъ В. А. Долгорукимъ. Поэтому для историка такъ важны живыя біографіи главныхъ дѣятелей, а характеръ ихъ очень часто отражается во внѣшнемъ обликѣ.

Многое можно замѣтить о появившихся теперь жизнеописаніяхъ. Относительно Павла Петровича біографическая страница въ четвертомъ выпускѣ настоящаго изданія, по нашему мнѣнію, не вѣрна. Откуда взято, что гр. Н. И. Панинъ, въ бесѣдахъ своихъ съ нимъ, не щадилъ его матери? Екатерина, избранница народа (котораго представителями были духовенство, оберегавшее православіе противъ Петра III-го, уже построившаго лютеранскую церковь въ Зимнемъ дворцѣ, и гвардія, гдѣ служили люди всѣхъ сословій), съ раннихъ поръ хорошо знавшая своего сына, готовила себѣ преемника въ старшемъ своемъ внукѣ, и въ этомъ одно изъ правъ ея на благодарность потомства. Павломъ Петровичемъ, съ устраненіемъ Порошина, завладѣли Нѣмцы, чему не-

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ АННИНСКИХЪ.

Письма А. П. Волынскаго къ Бирону*).

1.

Сіятельный графъ, превосходительный господинъ оберъ-камергеръ и кавалеръ, премилостивый государь мой патронъ. Всепокорно доношу, каковъ нынѣ посылаю репортъ въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества.

Въ которыя мѣста посланы для осмотру и описи и сочиненія ландкартъ, съ того для извѣстія вашему высокографскому сіятельству при семъ прилагаю копію; а до сего времени, хотя и много было труда, токмо, милостивый государь, репортовать было невозможно ни по какому образу: понеже по присланнымъ вѣдомостямъ изъ Каморъ-коллегіи и изъ Дворцовой Канцеляріи многія были затрудненія, а паче о земляхъ и о сѣнныхъ покосахъ. И для того принужденъ былъ дѣлать вновь справки, приводя къ тому, чтобъ можно было подлиннѣе узнать, гдѣ сколько земель и сѣнныхъ покосовъ. Токмо въ нѣкоторыхъ написаны сѣнные покосы десятинами, а индѣ писцовыми, индѣ укосными волоковыми, а въ другихъ мѣстахъ дворцовыми мѣрными копнами; въ томъ числѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показано, поскольку собирается сѣна окладнаго съ дворцовыхъ крестьянъ, а что́ въ укосѣ бываетъ и по писцовымъ книгамъ, о томъ и вѣдомостей здѣсь нѣтъ. Также и земли индѣ по дачамъ написаны все что́ есть, а индѣ одна только дворцовая пашня показана, а что́ всей земли въ дачахъ, о томъ извѣстія нѣтъ же. Однако, сколько можно для исчисленія, какъ зе́мли, такъ и сѣнные покосы, исчисля по мѣстамъ, положатъ; только за подлинно еще утвердиться нынѣ невозможно, пока посланные офицеры освидѣтельствуютъ. Однакожъ,

*) Писано въ годъ переѣзда Анны Ивановны въ Петербургъ изъ Москвы, гдѣ она жила послѣ своего избранія на престолъ. Переѣздъ замедлялся до тѣхъ поръ, пока не конченъ былъ Ладожскій каналъ. Биронъ, будучи сыномъ конюха, доставлялъ хорошихъ лошадей еще императрицѣ Екатеринѣ Первой. Теперь онъ взялъ въ руки дворцовое хозяйство. Волынскому принадлежало прославившееся впослѣдствіи при графѣ Растопчинѣ Вороново подъ Москвою, и тамошніе пруды вырыты при немъ. П. Б.

милостивый государь, видится, уже и теперь безъ сумнѣнія имѣю надежду, что столько сыщется удобныхъ мѣстъ для заводовъ, сколько заводить лошадей Ея Императорское Величество соизволитъ, чему я безмѣрно радъ.

Еще жъ, милостивый государь, немалыя вотчины здѣсь подмосковныя и въ другихъ губерніяхъ патріарши, гдѣ есть довольно сѣнныхъ покосовъ; а нынѣ патріарха нѣтъ, для того и лошадямъ тамъ быть нужда не требуетъ ихъ. И такъ вижу, что оныя сѣна идутъ между рукъ, также и въ городѣхъ въ Московской губерніи многіе луга изъ канцелярій отдаются въ наймы за малую цѣну, а прежде сего на конюшни Ея Императорскаго Величества принуждены были сѣна покупать великою цѣною, и то былъ напрасный убытокъ. Того ради подалъ я здѣсь въ Сенатъ о томъ доношеніе, чтобъ какъ о патріаршихъ вотчинахъ, такъ и объ отдаточныхъ въ городахъ лугахъ приказали сочинить вѣдомости обстоятельныя, гдѣ, надѣюся, немало сыщется сѣнъ, которыя пропадаютъ напрасно.

Итакъ видится, что нужнаго дѣла здѣсь есть; надѣюся въ дней десять исправить, а прочее велю и безъ себя дѣлать; а какъ поѣду по заводамъ и, конечно, нынѣшнею осенью все осмотрю, и что́ гдѣ надлежитъ поправлю; понеже сіе невеликаго моего труда требуетъ. Трудно было мнѣ выбираніе мѣстъ; къ тому жъ, какъ вижу, и офицеровъ мало такихъ, на которыхъ можно положиться въ описи и осмотрѣ мѣстъ; и для того, милостивый государь, немногихъ оставлю у себя для оной посылки, выбравъ изъ нихъ которые пообыкновеннѣе къ дѣламъ. И хотя и попродолжительнѣе будетъ оный осмотръ, однакожъ могутъ поаккуратнѣе сдѣлать; а прочихъ, которые къ тому неспособны, отошлю назадъ, откуда требовалъ.

Впрочемъ, милостивый государь, вручаю себя въ неотмѣнную вашего высокографскаго сіятельства отеческую милость и пребываю со всякимъ почтеніемъ и искренною вѣрностью, сіятельный графъ, премилостивый государь, мой патронъ, вашего высокографскаго сіятельства всепокорный и нижайшій слуга Артемій Волынскій.

Изъ Москвы, Сентября 13 дня 1732 года.

2.

Сіятельный графъ, превосходительный господинъ, господинъ оберъ-камергеръ и кавалеръ, премилостивый государь, мой патронъ.

Всепокорно вашему высокографскому сіятельству милостивому го-

сударю доношу, что я въ Даниловской волости, осмотря и разобравъ лошадей, сюда пріѣхалъ; тамъ выбралъ изъ 113 кобылъ только 30 годныхъ быть въ заводѣ. Здѣсь, милостивый государь, пробуду я недѣли двѣ для исправленія коммиских и канцелярскихъ нуждъ, которыхъ безъ меня накопилось немало. Между тѣмъ хотѣлъ я совершенно вѣдать, что́ по конюшенной канцеляріи на волостяхъ конюшенныхъ и прочей доимки до вступленія моего въ правленіе запущено, которую въ небытность мою велѣлъ всю выписывать, и нынѣ о томъ подали мнѣ рапортъ, по которому, милостивый государь, явилось по несчастію моему, съ 130,000 р., что́ меня зѣло опечалило. Правда, есть такая доимка, что оную, конечно, править не надлежитъ, только вошла въ конюшенную канцелярію одною неочисткою отъ дворцовой канцеляріи; а другая есть и надлежащая доимка, которую сначала дворцовая канцелярія запустила, а потомъ уже и конюшенная канцелярія не взыскивала; и такъ теперь накопилось, что никакъ уже нельзя всю выбрать.

Впрочемъ, милостивый государь, по коммиссіи моей, по милости Господней, имѣю надежду, что дѣло мое будетъ небезполезно, понеже здѣсь первый изъ посланныхъ для описи и сочиненія ландкарты гвардіи поручикъ Сабуровъ двухъ селъ подмосковныхъ зе́мли, села Хорошева и Павшина, ко окончанію привелъ и нашелъ столько сѣнныхъ покосовъ, что прежде сего въ обоихъ селахъ невозможно было на тамошнемъ сѣнѣ содержать больше 100 лошадей, а нынѣ, надѣюсь, что безъ нужды можно будетъ содержать до 200 лошадей; а и въ прочихъ мѣстахъ, какъ уже видится, вездѣ можетъ сдѣлаться немалый прибавокъ. И еще сверхъ того, что нынѣшняго лѣта во всѣхъ конюшенныхъ волостяхъ предъ прошлыми годами поставлено сѣна прибавочнаго больше 500 копенъ мѣрныхъ (въ каждой вѣсу по 95 пудъ), и то сдѣлалось отъ того, что закащиками были у меня гвардіи солдаты.

Милостивый государь, что́ надлежитъ до прилежности моей, въ томъ клянусь Богомъ, что безъ всякой моей страсти и сколько постижетъ смыслъ мой, столько хочу показать рабское мое усердіе Ея Императорскому Величеству, всемилостивѣйшей Государынѣ, и поистинѣ ни о чемъ такъ какъ о томъ пекуся, и симъ окончавъ, предаю себя въ неотъемлемую вашего высокографскаго сіятельства милость и пребываю со всякимъ почтеніемъ, сіятельный графъ, премилостивый государь, мой патронъ, вашего высокографскаго сіятельства всепокорный и всенижайшій слуга Артемій Волынскій.

Изъ Москвы. Ноября 28 дня 1732 года.

3.

При семъ вашему сіятельству, милостивому государю моему и патрону, съ покорностію доношу. Получилъ я изъ Кабинета Ея И. Величества съ указу Ея Императорскаго Величества, каковъ состоялся на доношеніе мое и за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки, въ Военную Коллегію посланъ о неопредѣленіи въ Сербскій полкъ изъ Слободскихъ полковъ, а объ укомплектованіи изъ Сербовъ же и въ дополнку изъ Малороссійскихъ казаковъ, которые сами пожелаютъ, копію, на которое вашему сіятельству, милостивому государю моему и патрону, съ покорностью моею доношу.

Ежели оный Сербскій полкъ вскорѣ надлежитъ укомплектовать, то можно оной укомплектовать изъ Малороссіи изъ полковъ гетманскаго регимента, которые называются компанейскіе; понеже и они такую жъ службу служатъ, какъ и Сербы; и люди при немъ были не худы, токмо жалованье получаютъ меньше Сербовъ. И надѣюсь, что они и сами охотно пойдутъ; однакожъ, ежели не будетъ присланъ указъ точно, чтобъ изъ нихъ выбрать, то не будетъ ли удержанія отъ ихъ командировъ? Такожъ здѣсь на Украйнѣ имѣются Волохи, которые служили въ Волоскихъ ротахъ, какъ офицеры, такъ ихъ товарищество, которымъ и деревни даны, въ томъ числѣ есть и въ Слободскихъ полкахъ, а службы никакой они нынѣ не служатъ, а надѣюсь, что у нихъ есть дѣти и свойственники. Того ради, не повелѣно ль будетъ оныхъ генералу и кавалеру господину фонъ Вейсбаху пересмотрѣть и годныхъ офицеровъ опредѣлить къ тѣмъ Сербамъ въ офицеры, а товарищество ихъ и дѣтей ихъ и свойственниковъ въ Сербы, о чемъ я и въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества къ ихъ сіятельству Андрею Ивановичу Остерману и князь Алексѣю Михайловичу Черкасскому представлялъ *).

4.

Сіятельный графъ, превосходительный господинъ, господинъ оберъ-камеръ-геръ и кавалеръ, премилостивый государь мой.

Въ надеждѣ вашего высокографскаго сіятельства ко мнѣ милости прилагаю при семъ короткой на Нѣмецкомъ языкѣ экстрактъ для извѣстія всему тому, что́ здѣсь въ прежнюю мою бытность сдѣлано и всенижайше прошу, когда вашему высокографскому сіятельству между дѣлъ свободное будетъ время, тогда оной по милости своей приказать прочесть, а потомъ всепокорно прошу при случаѣ, что́ потребно изъ того

*) Года не означено, какъ и при слѣдующемъ письмѣ. П. Б.

будетъ, *о томъ милостиво внушить Ея Императорскому Величеству, Всемилостивѣйшей Государынѣ; понеже, что посылано и подавано въ Кабинетъ, и то въ разныя времена писано пространно, а нынѣ нарочно я собралъ все въ одинъ экстрактъ* и какъ можно короче сдѣлалъ, чтобы ваше сіятельство, милостиваго государя, не утрудить тѣмъ, а о всемъ бы, какъ милостивому патрону моему, извѣстно было. Нынѣ, милостивый государь, при пріѣздѣ моемъ, жеребцовъ, кои по заводамъ, также которые и здѣсь годные есть на конюшняхъ, оныхъ къ припускамъ росписалъ и опредѣлилъ, къ которому сколько какихъ кобылъ по мнѣнію моему разсудилось, прописавъ реэстры съ нумерами всѣмъ кобыламъ и жеребцамъ именно, и съ половины сего Апрѣля начну припускать (для того поздно, что студено нынѣ время).

О строеніяхъ доношу, что фуражный дворъ и остоженную конюшню дѣлаютъ, и надѣюсь недѣли черезъ три нужные покои отдѣланы будутъ, куда съ потѣшнаго двора переведу лошадей и въ Кремлѣ конюшни, гдѣ надлежитъ, буду разбирать и ломать своды, а въ прочихъ мѣстахъ пробирать стѣны и чинить то, чтобъ нынѣшнимъ лѣтомъ отдѣлать, также и запасный каменный дворъ буду дѣлать.... (дальше говорится, что Волынскій поѣдетъ по заводамъ въ тѣ мѣста, гдѣ вновь надобно дѣлать конюшенные дворы «оные при себѣ заложу, какъ надлежитъ имъ быть построеннымъ»). И сіе доношу, предая себя въ неотъемлемую вашего высокографскаго сіятельсква милость и пребываю со всѣмъ почтеніемъ, сіятельный графъ, премилостивый государь, мой патронъ, вашего высокографскаго сіятельства всепокорный и нижайшій слуга Артемій Волынскій.

Изъ Москвы Апрѣля, 9 дня 1733 г.

(Подлинникъ въ „Государственномъ Архивѣ“ № 331).

Изъ писемъ отъ неизвѣстнаго лица къ Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину.

1.

Monseigneur.

Вашему превосходительству имѣю честь поздравить съ высокою милостію Ея Императорскаго Величества, съ пожалованіемъ васъ въ дѣйств. тайные совѣтники. Ея Величество изволила объявить сего 25 дня о повышеніи вашемъ, а заподлинно знаю, что указъ по васъ посланъ, чтобъ быть сюда къ двору; а куда васъ, то несумнѣнно (какъ прежде о томъ мнѣ извѣстно), да и вамъ, уповаю, что дано знать; прошу оное въ конфиденціи сообщить. Килникъ *) весьма боленъ въ своемъ здоровьѣ,

*) Килникъ—вѣроятно страдавшій отъ грыжи, килы. П. Б.

и скоро нѣчто объ немъ знатное объявится. Bonté проситъ на него сатисфакціи; исторія велика, только нынѣ въ томъ вамъ нужды нѣтъ, и безсумнѣнно надобно ему стремглавъ летѣть. Боже, да помози! Хотя по должности христіанской и не надлежало, только онъ за грѣхи наши былъ намъ въ наказаніе. Сколько я ради тебя, столько же и сожалѣю, dans qu'elle vaste mer vous vous exposez et à de tempête la plus terrible et combien d'ennemis à combatre, je frémis; а когда уже на то воля Божія, въ истинномъ сантиментѣ и въ христіанской должности Богъ вамъ да поможетъ; votre santé est faible pour soutenir un fardeau aussy pésent [1]), да ужъ быть такъ. Изволь отписать, какъ поѣдешь, одинъ или со всѣми сюда, куда пріѣхать, гдѣ жить, и тако, что́ могу тебѣ ко услугамъ твоимъ здѣсь чинить, я во всемъ душою радъ. Не безъ труда тебѣ оттуда и выѣхать по твоему достатку; не худо бы, ты отозвался въ Коллегію Адмиралтейскую или въ Кабинетъ прямо, что когда нынѣ лѣтомъ пойдутъ корабли отъ города [2]) сюда, чтобъ всѣ свои тягости положить, а кораблей много, а именно 5 военныхъ, 2 флейта, и то выгода.

Пріятели твои рады, а непріятели, чаю, что помолчатъ. Chaméleon противъ Килника много наряжался и искалъ оказіи показать его худое дѣло; только нынѣ, хотя и есть оказія, да молчатъ о немъ. Я мню, что не станетъ ли молчать, сумнѣваясь, что у васъ прежде было несогласно; однако, напрасно: система иная, нежели при васъ была, и тако и вамъ инако надобно быть; все оное требуетъ изустнаго разсужденія. А въ ваше мѣсто объявленъ Корфъ, камеръ-геръ, который радъ и третьяго дня благодарилъ; а какъ скоро поѣдетъ, о томъ еще ему не объявлено. По счету вашему денегъ 924 р. выдано сполна, изъ которыхъ 500 р. къ родителю вашему чрезъ Москву и отправляются, по его письму; а о достальныхъ ожидаю вашего повелѣнія; я вторично просилъ его сіятельство, гр. Остермана, и онъ тотчасъ приказалъ выдать на прошедшей недѣлѣ. Родитель вашъ, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ; а что́ онъ съ Грицкимъ прислалъ, того я за благо не разсудилъ и не для чего къ вамъ послать; да Грицкаго такожде не пошлю и Малаго, а удержу ихъ до вашего пріѣзду. Немало родителя вашего порадовало, какъ свѣдалъ о братѣ, о его повышеніи. Я сегодня нарочнаго къ нему отправилъ о васъ и о прибытіи вашемъ, которое наипаче его порадуетъ въ такой его старости и скукѣ, чего они всегда

---

[1]) Въ какое обширное море вы пускаетесь, страшнѣйшая буря вамъ предстоитъ и сколько одолѣть враговъ. Я трепещу. Ваше здоровье слабо, чтобы выдержать столь великую тяжесть.

[2]) Т. е. отъ Архангельска, который въ старину назывался просто „городомъ“? П. Б.

нестерпимо желаютъ, и послѣднее ваше къ нему письмо весьма обнадежило, что вы будете, ибо нынѣ ко мнѣ пишетъ, чтобъ я васъ не оставилъ, а я разсудилъ, чтобы ты меня не оставилъ. Je vous attande comme mon libérateur de toutes les meaux que je soufre [1]).

Я въ замѣшаніяхъ свой мысли не знаю, что́ къ вамъ и писать. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать вашего письма, какъ вы поѣдете и въ какой надеждѣ; однимъ словомъ сказать, о всемъ. Боюся я Matrone, не очень ей любъ твой пріѣздъ. Ненадобно долго ѣхать, ежели надобно поспѣшать. Я чаю, что тебѣ въ указѣ именно написано. Bonté и министрамъ чужестраннымъ сказывалъ, что онъ просилъ сатисфакціи на Килника .... чаю, что все слѣдствіе поручено будетъ Chaméleon. Болѣе писать до васъ не буду, развѣ что́ отмѣниться можетъ, или что́ чрезвычайное и то, что́ въ короткихъ дѣлахъ можетъ произойтить. Adieu, Monseigneur, portez bien.

St. P. Burg., 29 Марта 1740 года.

2.

Еще при своей пастѣ 2, только ожидаютъ его Décadance [2]), и Bonté уже свое представленіе написалъ о его кондуитѣ и при томъ прошеніе о сатисфакціи, только еще дѣйство по оному не произведено; да не тѣ и дни. Отъ брата вашего получилъ письмо, отвѣтъ на мое къ нему поздравленіе, гдѣ пишетъ: рескриптъ получилъ за собственною Ея И. Величества рукою въ такихъ милостивыхъ терминахъ, что весьма ему пріятно и паче чаянія его. Болѣе писать до васъ не буду и нельзя, не застанетъ, и сіе въ Гамбургѣ получить изволите. Для вашей памяти: здѣсь лошадей сыскать купить не можете, а изъ такой земли ѣдите, гдѣ они хороши; хотя лишнюю пару купить, накладу не будетъ, хотя вамъ не нужны будутъ.

Господинъ Попъ писалъ въ Гамбургъ, что его братіи всякія услуги показали, и безъ того, думаю, что вы на нихъ благонадежны. Ваши остальные 424 р. думалъ перевесть и потомъ разсудилъ, что можете вексель на меня дать и въ такой инсерситюдѣ при томъ и остался. Корфа высылаютъ, только онъ для своихъ нуждъ перепросилъ, чтобъ могъ пробыть до 10-го сего мѣсяца, которое ему и акордовано; помогъ ему и помогалъ всегда Густавъ Биронъ. О присланномъ вашемъ письмѣ думаютъ, что отсюда было прислано, только что напечатать, а я раз-

---

[1]) Я васъ жду, какъ моего освободителя отъ всѣхъ золъ, которыя терплю.

[2]) Т. е. своей должности, и ожидаютъ его паденія.

судилъ изъ вашего письма, что вы его и сочиняли. Зятю вашему деньги 4000 р. выданы и деревню выкупили, и затѣмъ осталось 700 р., и графиня Ягужинская процентовъ не взяла, да и взять ей было нельзя, ибо отъ лица Ея И. Величества чрезъ гофъ-коммиссара были посланы. Ожидаю вашего прибытія нестерпимо; есть и пребуду toute à vous.

St. P. Burg, la 5 April 1740.

3.

Monseigneur.

Два ваши письма, одно отъ 13-го, а другое отъ 17-го прошедшаго мѣсяца получилъ чрезъ графа Головина, отъ 13-го чрезъ Курбатова, и письмо его сіятельству гр. Остерману вручилъ, который приказалъ въ Кабинетѣ счетъ отыскать и себѣ доложить, и чаю, что скоро резолюцію получу. Господину Липману ваше письмо, и съ приложеніемъ, отдалъ, только онъ мнѣ никакой резолюціи не далъ, а послѣ не видалъ, понеже на другой день уѣхалъ въ Петергофъ. Ея И. Величество сего 10-го изволила въ Петергофъ пойтить, и думаютъ, что до 20 Іюля изволятъ тамъ пробыть. Я весьма удивился, что нескоро изволили собраться, а какъ изъ письма къ родителю вашему, такъ и изъ счетовъ къ Липману усмотрѣлъ, въ какомъ состояніи вашъ оттуда выѣздъ, то управи Господи путь вашъ. Я по письму вашему о вашихъ долгахъ по выбору и въ которыхъ людяхъ сообщилъ, а многимъ за благо не разсудилъ, дабы прежде пріѣзду вашего изъ того предосудительныхъ вамъ консеквенцій не учинили, а къ защищенію справедливости едва ль найдутся. Вашъ пріѣздъ можетъ все оное, елико ваше счастье будетъ, къ поправленію лучшему привести можетъ. Единогласно всѣ въ томъ мнѣніи, что васъ посадятъ въ Кабинетъ, только при дворѣ не слышно. Bon Hotte мнѣ сказывалъ по нѣсколькомъ времени, съ Bonté говоря объ Avantir, что, имѣя столько ума, но своею лѣнью и невоздержательнымъ житіемъ себя помянутаго мѣста лишаетъ; по что бы другихъ выписывать, ежели бъ онъ прилежность имѣлъ. Chameleon на хорошихъ ногахъ при нынѣшнихъ конъюктурахъ (о которыхъ я не распложаю); говорилъ Bon Hotte Chameleon, что вы будете и при разговорахъ включилъ, что у васъ старое несогласіе, но Bon Hotte обнадеживалъ, что съ вашей стороны крайнему забвенію предано будетъ, въ чемъ за васъ можетъ, почитай, поручиться Aveugle. Худы по нынѣшнимъ конъюктурамъ. Matrone велика. Не распространяю ни о чемъ, но желаю васъ самихъ видѣть и по приказу вашему я выѣду навстрѣчу, и пристойнѣе въ Касковѣ, нежели въ Нарвѣ; можно лишніе часы пробыть тамъ, только бы мнѣ дали знать, къ которому часу вы туда будете: ибо я не свободенъ, понеже я въ

своей экспедиціи одинъ нахожусь. Сколько есть моего дому, все до вашихъ услугъ, а безъ всякой мнѣ тѣсноты, 3 покоя до вашихъ услугъ готовы. Когда уже надобно быть, пожалуй, не мѣшкай долго, помни вашу пословицу: куй покуль горячо, ne donné point le temps à vos enemy de se metre en bon posture. Доношу вамъ, что сего 8 дня даровалъ мнѣ Богъ сына Алексѣя.., что того году и мѣсяца я буду имѣть честь васъ обнять, яко милостивца и искренняго себѣ друга, et je suis avec la vénération votre très humble et très fidelle serviteur [1]).

St-Pétersbourg, le 14 Juny 1740.

4.

Monseigneur.

Ваше отъ 18 прошедшаго Марта исправно получилъ и съ приложенными печатными письмами, которыя по приказу вашему вручилъ при вашемъ поклонѣ; взаимно васъ велѣли увѣрить своимъ почтеніемъ. О извѣстномъ къ вамъ указѣ я до васъ писалъ отъ прошедшаго 29, и нынѣ прошу дать мнѣ знать о вашемъ пріѣздѣ и повелѣніи, что могу до услугъ вашихъ, къ пріѣзду вашему могу исправить; я не знаю, гдѣ вамъ жить. Мой домъ, каковъ есть, до услугъ вашихъ. Прежде писалъ, что тягости ваши могутъ положены быть на Россійскихъ корабляхъ, которые отъ города [2]) сюда поѣдутъ, о чемъ съ гр. Головинымъ говорилъ, который сказалъ, что безъ всякаго требованія можетъ своимъ ордеромъ повелѣть, ежели указъ имѣете скоро ѣхать. Не надобно мѣшкать, ибо помни свою пословицу (о желѣзѣ); къ тому жъ многіе тому не рады, что вы сюда ѣдете, и разсужденій разныхъ весьма много. N'importe, notre nation est toujours de meme [3]) Килшикъ.

(Изъ Государственнаго Архива, XI, № 331).

Сообщено профессоромъ А. Н. Филипповымъ.

Анна Ивановна, какъ дочь старшаго изъ сыновей царя Алексѣя Михаиловича, считала за собою болѣе права на Русскій престолъ, нежели внукъ Петра Великаго, прозванный ею „чертушкой въ Голштиніи“. Не даромъ она еще въ Москвѣ приказала сдѣлать новое прекрасное изданіе Уложенія съ портретомъ своего дѣда, а въ Петропавловско крѣпости соорудила Іоанновскіе ворота. А. П. Бестужевъ, близко ей знакомый по Курляндіи (гдѣ его отецъ былъ при ней предмѣстникомъ Бирона) вызывался въ Петербургъ съ должности министра-резидента изъ Даніи, гдѣ онъ находился нѣсколько лѣтъ и откуда могъ слѣдить за Голштинскимъ, тогда уже 12-лѣтнимъ герцогомъ, которымъ завладѣли враждебные Россіи приверженцы Швеціи. П. Б.

---

[1]) Не давайте вашимъ врагамъ времени занять хорошее положеніе. Я съ почтеніемъ вашъ покорнѣйшій и вѣрнѣйшій слуга.

[2]) Т.-е. отъ Архангельска, который прежде назывался просто „городомъ“. П. Б.

[3]) Ничего; нашъ народъ все тотъ же килшикъ.

ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ КЪ ГРАФУ ВИТГЕНШТЕЙНУ И ЕГО СУПРУГѢ *).

1.

J'ai été bien sensible, Monsieur le Comte, à ce qu'au milieu des travaux importants qui remplissent tous vos moments, vous ayez pensé à m'en faire part vous-même. Le récit de la suite non interrompue de vos victoires et des sages mesures qui y ont contribué, m'a causé le plus vif intérêt, et je n'ai pas besoin de vous dire avec quel sentiment de satisfaction je vous entends nommer à juste titre le Sauveur de Pétersbourg et des gouvernements voisins, que vous avez préservés par votre prudence, votre valeur et celle des braves troupes que vous commandez. On nous assure que sous peu le corps qui est sous vos ordres sera renforcé et qu'il vous sera possible de vous remettre en activité. Que le Ciel vous protège dans toutes vos entreprises et qu'Il veille toujours sur votre personne, afin que vos fils apprennent un jour de vous comment on sert son Souverain et sa patrie. Je bénis plus que jamais le moment où vous avez consenti à ce que je prenne part à l'éducation de tous les six. Recevez, Monsieur le Comte, l'assurance des voeux journaliers que je forme pour vous et celle des sentiments bien distingué que je vous porte. Votre bien affectionnée Élisabeth.

Ce 31 Août 1812.

Переводъ.

Графъ, я была очень тронута тѣмъ, что, среди важныхъ трудовъ, корыте наполняютъ все ваше время, вы захотѣли сами сообщить мнѣ о нихъ. Разсказъ о непрерывномъ рядѣ вашихъ побѣдъ и о мудрыхъ мѣрахъ способствовавшихъ этимъ побѣдамъ, доставилъ мнѣ живѣйшій интересъ, и нечего говорить о томъ, съ какимъ чувствомъ удовлетворенія я слышу, что васъ по справедливости называютъ Спасителемъ Петербурга и сосѣднихъ губерній, которыя вы предохранили вашей осторожностью, вашимъ мужествомъ и доблестью храбраго войска, которымъ вы командуете. Насъ увѣряютъ, что вскорѣ корпусъ, находящійся подъ вашей командой, будетъ подкрѣпленъ и вы можете возобновить активныя дѣйствія. Да поможетъ вамъ Небо во всѣхъ

---

*) Сообщены внучкою князя и княгини Витгенштейнъ, Марьею Петровною Зиновьевой, урожденной княжною Трубецкою. П. Б.

вашихъ предпріятіяхъ и да охраняетъ оно васъ постоянно, дабы сыновья ваши когда-нибудь узнали отъ васъ, какъ служатъ своему Государю и своей родинѣ. Болѣе чѣмъ когда-либо благословляю ту минуту, въ которую вы согласились, чтобы я приняла участіе въ образованіи всѣхъ шестерыхъ. Примите, графъ, увѣреніе въ молитвахъ, которыя ежедневно возношу за васъ, и въ отличномъ моемъ къ вамъ расположеніи. Къ вамъ благосклонная Елисавета.

31 Августа 1812.

2.

Chère Comtesse *).

J'ai été bien heureuse d'apprendre que votre pénible voyage a bien fini, que vous et tous les vôtres êtes arrivés bien portants à Toultchine, et suis plus sensible que je ne puis vous l'exprimer à la lettre que vous m'avez écrite. En la lisant il me semblait vous entendre. Ne craignez pas de jamais me paraître déraisonnée, lorsque vous me parlez de l'objet de votre douleur. Je le comprends si bien dans tous les détails que tout ce que j'ai vu et entendu de vous à ce sujet, ne me paraît que parfaitement naturel. Laissez vous aller à l'idée consolante que celui que vous regretterez toute votre vie, vous aime encore là, où il se trouve et pense à vous; mais que cette idée serve à adoucir plutôt votre douleur, car cela ne peut que lui faire de la peine de sentir que vous souffrez tant pour lui. Si son service ou d'autres circonstances l'avaient séparé de vous dans ce monde pour plusieurs années, votre séparation ne vous aurait pas parue aussi cruelle et, cependant, vous auriez pu avec raison être tourmentée de la pensée qu'il peut lui arriver un malheur, ou qu'il peut souffrir d'une manière ou d'une autre, mais vous vous seriez nourrie de l'espoir de le revoir un jour. Cet espoir vous l'avez bien plus, certainement, à présent et pour l'éternité, et vous pouvez vous dire qu'il existe et qu'il est bien là où il est. Tout récemment j'ai lu quelque chose de bien satisfaisant sur la certitude que la religion nous permet d'avoir de notre réunion après la mort avec ceux que nous aimons. J'ai d'abord pensé à vous et j'ai chargé quelqu'un de copier ce morceau, ne pouvant pas vous envoyer le livre; mais comme je ne prévoyais pas, que j'aurais une occasion de vous écrire avant le 1-er Avril, cette copie n'a pas été achevée pour aujourd'hui. Vous la recevrez en même temps que le portrait de Stanislas; le peintre me l'a apporté la veille du jour, où j'ai reçu votre lettre. Je trouve, comme vous, qu'il est loin d'être parfait, mais c'est tout ce qu'on peut demander. Je trouve aussi que le visage n'est pas assez

*) Графиня Антуанета Станиславовна Витгенштейнъ (1779—1855) урожденная Спарская. П. Б.

ovale, le coloris, peut-être, un peu trop vif; mais ceci passera avec le temps. Quant à l'expression, quel est le portrait qui puisse jamais nous rendre entièrement l'expression de ceux que nous aimons? Quand on fait cette expérience, de manière à en être véritablement tourmenté, on finit par ne plus aimer les portraits, parce qu'on trouve toujours que c'est une mauvaise copie de ce que nous portons au fond de notre coeur.

Dites au Comte de ma part tout ce que vous pourrez trouver de plus affectueux: vous n'en direz jamais assez. Mille choses bien tendres à vos enfants, aux ainés surtout. Pour les petits je ne prétends pas même qu'ils se souviennent de moi. Donnez-moi de temps en temps des nouvelles de vous tous: c'est un besoin pour moi de savoir ce qui vous regarde. Parlez moi de vos souvenirs, de ce que vous ferez à la campagne, pour arranger la grotte de Stanislas, comme vous en aviez l'intention. Je suis si souvent avec vous en idée et je sais bien que pleurer ensemble attache encore davantage.

Adieu, chère Comtesse, soignez votre santé et que Dieu vous donne des forces. Lui seul le peut, c'est à Lui seul que vous devez avoir recours. Que cette pensée ne vous quitte pas; j'aurais voulu vous le dire en vous quittant, mais j'étais trop émue.

Adieu, de tout mon coeur. Élisabeth.

Pétersbourg, 16 Mars 1820.

Переводъ.

Дорогая графиня!

Очень счастлива была узнать, что ваше трудное путешествіе окончено и что вы и всѣ ваши пріѣхали въ Тульчинъ здоровыми; тронута вашимъ письмомъ больше, чѣмъ умѣю это выразить вамъ. Когда я его читала, мнѣ казалось, что я слышу васъ. Не бойтесь, чтобы когда-либо мнѣ подумалось, что вы поступаете безразсудно, когда говорите мнѣ о причинѣ своей скорби. Я такъ хорошо понимаю ее во всѣхъ ея подробностяхъ, что все, что видѣла и слышала отъ васъ по этому поводу, кажется мнѣ только совершенно естественнымъ. Предайтесь утѣшительной мысли, что тотъ, о комъ вы будете скорбѣть всю свою жизнь, любитъ васъ еще тамъ, гдѣ онъ находится и думаетъ о васъ; но пусть эта мысль скорѣй смягчитъ ваше горе, такъ какъ для него можетъ быть только мукою чувствовать, что вы столько за него страдаете. Если бы служба или другія обстоятельства разлучили васъ съ нимъ па нѣсколько лѣтъ на этомъ свѣтѣ, ваша разлука не показалась бы вамъ столь жестокой, а между тѣмъ вы имѣли бы основаніе терзаться мыслью, что съ нимъ могло бы случиться несчастье, или что онъ можетъ страдать такъ или иначе, но васъ питала бы надежда увидѣть его снова. Эту надежду вы имѣете, конечно, гораздо больше теперь, и навѣки, и вы можете себѣ сказать, что онъ существуетъ и что ему хорошо тамъ, гдѣ онъ находится.

Недавно я прочла очень удовлетворительную статью насчетъ убѣжденности, какую вѣра позволяетъ намъ имѣть въ томъ, что послѣ смерти мы соединимся съ тѣми кого любимъ. Я прежде всего подумала о васъ и, не имѣя возможности послать вамъ книгу, поручила кому-то переписать эту статью, но такъ какъ я не предвидѣла, что буду имѣть случай писать къ вамъ раньше 1-го Апрѣля, копія эта не была окончена къ сегодняшнему дню. Вы получите ее одновременно съ портретомъ Станислава; художникъ принесъ мнѣ его наканунѣ того дня, какъ я получила ваше письмо. Какъ и вы, я нахожу, что онъ далеко не безукоризненъ, но вполнѣ даетъ то, чего можно требовать. Нахожу также, что лицо недостаточно продолговато, цвѣтъ лица, пожалуй, слишкомъ яркій; но это со временемъ пройдетъ. Что касается выраженія, какой портретъ можетъ когда-либо всецѣло передать намъ выраженіе лица тѣхъ, кого мы любимъ? Когда доходишь до этого опытомъ настолько, что это становится дѣйствительно мучительно, перестаешь любить портреты, потому что всегда находишь въ нихъ плохую копію съ того, что̀ мы носимъ въ глубинѣ нашего сердца.

Скажите отъ меня графу все, что̀ найдете самаго сердечнаго: вы никогда не скажете достаточно. Тысячу нѣжностей вашимъ дѣтямъ, старшимъ особенно. Что̀ касается младшихъ, я не думаю даже, что они меня помнятъ. Отъ времени до времени присылайте мнѣ извѣстія обо всѣхъ васъ: мнѣ необходимо знать о томъ, что̀ васъ касается. Говорите мнѣ о своихъ воспоминаніяхъ, о томъ, что̀ будете дѣлать въ деревнѣ для устройства грота Станиславу, какъ вы предполагали. Я такъ часто мысленно съ вами и хорошо знаю, что когда вмѣстѣ плачешь, это еще больше привязываетъ людей другъ къ другу.

Прощайте, дорогая графиня, берегите свое здоровье, и да пошлетъ вамъ Господь силы! Онъ одинъ можетъ это; къ Нему одному вы должны прибѣгать. Да не покидаетъ васъ эта мысль; мнѣ хотѣлось сказать вамъ это при разставаніи, но я была слишкомъ растрогана. Прощайте отъ всего моего сердца. Елисавета.

Петербургъ, 16 Марта 1820.

3.

Ce que vous m'apprenez, ma chère Comtesse, sur la possibilité d'un établissement qui pourrait convenir à votre fille, me cause, je vous assure une joie bien réelle, parce que les renseignements que j'ai recueillis de différents côtés sur le prince Troubetzkoy[1]) et sur sa famille lui sont très-favorables. On s'accorde à dire que la mère du jeune prince est une femme de beaucoup de mérite[2]) et que ses enfants sont d'excellents jeunes gens. Ils sont parents à la comtesse Stroganoff, et les deux frères, en commençant leur service dans le régiment des Grénadiers du

[1]) Князь Петръ Ивановичъ Трубецкой, впослѣдствіи Орловскій губернаторъ и Московскій сенаторъ. Въ 1829 году онъ служилъ адъютантомъ у тестя своего и привезъ въ Варшаву Государю извѣстіе о славной побѣдѣ при Кулевчѣ. П. Б.

[2]) Это княгиня Наталья Сергѣевна, урожденная княжна Мещерская, женщина сильнаго духа. Знаменитый бояринъ Матвѣевъ прямой ея предокъ. П. Б.

corps, ont été recommandés par leur mère à la comtesse Stroganoff, qui a même exercé une sorte de surveillance sur eux, par suite de cette recommandation. Elle dit que tout ce qu'elle a vu de ces deux jeunes gens prouverait de bons principes et une éducation soignée. Deux autres personnes encore, dont le témoignage est très respectable, madame Apraxine, soeur de la c-esse Stroganoff et leur belle-soeur la pr-cesse Dmitri Galitzine, connaissent trés particulièrement la pr-sse Trubetzkoy et ses enfants et font de grands éloges de toute la famille. Quant à moi, si je l'ai vue à Moscou; cela ne peuts'être borné qu'à une seule présentation, car je ne me rappelle pas avoir fait sa connaissance. Il est singulier, qu'on ne m'ait pas parlé du père, mais, sûrement, s'il y avait quelque chose de désavantageux à dire sur son compte, on n'aurait pas manqué d'en faire l'observation.

L'Empereur connaît et le jeune homme, et sa famille et en dit également du bien. Croyez, chère comtesse, que je n'ai pas fait d'indiscrétion à cet égard; il paraît que le g-al Kisseleff ou quelqu'un d'autre aura instruit l'Empereur des intentions du prince Troubetzkoy, car il le savait en arrivant ici, et cela m'a facilité les informations que je désirais avoir de lui. Puisque donc Émilie paraît disposée en faveur de ce mariage et qu'elle n'est pas séduite par une jolie figure, il faut espérer qu'avec la bénédiction de ses chers parents elle pourra être heureuse. Je suis impatiente de ce que votre prochaine lettre m'apprendra à ce sujet. Ce sera un grand point de tranquillité pour moi de savoir Émilie bien établie, et je partage en plein tous les motifs qui vous font pencher à accepter la proposition qu'on allait vous faire; mais je comprends aussi par combien d'agitations vous aurez passé, avant de vous décider, et combien vous en aurez encore, jusqu'au moment où le mariage sera conclu. Je n'ai pas besoin de vous promettre, ma chère comtesse, que j'observerai à l'égard de l'Impératrice-Mère la discretion que vous me demandez et qui est nécessaire, afin de ne pas vous compromettre.

Quoique je ne vous aie pas remerciée de vos deux dernières lettres, je n'y ai pas été moins sensible à tout ce que vous me dites et à la joie que vous me témoignez de l'heureux résultat qu'ont eu les peines infinies que l'Empereur s'est données pour rétablir l'ordre dans le Midi de l'Europe.

Le voilà enfin heureusement revenu ici depuis le 24. Il a passé par bien des fatigues et bien des peines et par une incommodité de peu

de durée et qui, grâce à Dieu, n'aura, j'espère, que de bonnes suites pour sa santé à l'avenir. Le bon accueil qu il a fait à votre fils à Laybach et dont j'étais sûre d'avance m'a cependant fait beaucoup de plaisir. J'espère que Louis est revenu chez vous en parfaite santé.

Pourquoi faut-il qu'après tant de sujets de satisfaction, dont je puis remplir ma lettre, j'aie à vous parler d'un nouveau motif d'une affliction bien juste. Votre neveu a été regretté bien vivement, non seulement par ceux qui le connaissaient de près, mais aussi par tous ceux qui savent apprécier les espérances que peut donner un jeune homme de son âge, pour le service de sa patrie. Cette analogie avec Stanislas, jointe à d'autres motifs aura renouvelé vos regrets et les aura confondus dans votre coeur. Il me semble qu'il est réuni à votre fils, et que tous deux vous entourent et sont vos anges-gardiens. Parlez moi, je vous prie, du pavillion de Stanislas et dites-moi, si vous avez choisi une inscription, ou bien celles entre lesquelles vous balancez.

J'adresse ici mille amitié à votre mari et à vos enfants. J'espere que le comte s'est bien trouvé de ses bains de fumigation, mais je crains qu'ils ne nuisent à tous les remèdes qu'on lui fait prendre, en ne se ménageant pas assez. Adieu, ma chère comtesse, de tout mon coeur. Élisabeth.

Zarskoé Sélo, 29 Mai 1821.

Переводъ.

Дорогая графиня!

То, что̀ вы сообщаете мнѣ о возможности подходящаго для вашей дочери выхода замужъ, увѣряю васъ, доставляетъ мнѣ истинную радость, потому что свѣдѣнія, которыя я получила съ разныхъ сторонъ о князѣ Трубецкомъ и объ его семьѣ очень благопріятны для него. Мнѣнія согласуются въ томъ, что мать молодого князя женщина съ большими достоинствами и что дѣти ея превосходные молодые люди. Они въ родствѣ съ графиней Строгановой, и оба брата, начиная службу въ полку корпуса гренадеровъ, были поручены матерью графинѣ Строгановой, которая вслѣдствіе этого имѣла даже нѣкоторый надзоръ надъ ними. Она говоритъ, что все, что̀ она видѣла отъ этихъ двухъ молодыхъ людей, доказывало хорошія нравственныя правила и заботливое воспитаніе. Еще двѣ особы, свидѣтельство которыхъ достойно уваженія, Апраксина, сестра графини Строгановой и ихъ невѣстка княгиня Голицына, очень хорошо знаютъ княгиню Трубецкую и ея дѣтей и весьма хвалятъ все семейство. Что̀ касается до меня, если я и видѣла ее въ Москвѣ, то это могло ограничиться однимъ лишь представленіемъ, потому что я не помню, чтобы познакомилась съ нею. Странно, что мнѣ не говорили объ отцѣ; но, конечно, если бы было что сказать невыгодное на его счетъ, не упустили бы случая это замѣтить.

Государь знаетъ и молодого человѣка, и его семью и тоже говоритъ о нихъ хорошо. Повѣрьте, дорогая графиня, что я не сдѣлала на этотъ счетъ нескромностей; кажется, генералъ Киселевъ или кто-то другой сообщилъ Государю о намѣреніяхъ князя Трубецкого; потому что онъ пріѣхалъ сюда, зная уже объ этомъ, что и облегчило мнѣ справки, которыя я хотѣла получить отъ него. Такъ какъ Эмилія кажется склонна въ пользу этого брака и не обольщена красивой наружностью, нужно надѣяться, что, при благословеніи ея дорогихъ родителей, она можетъ быть счастлива. Нетерпѣливо жду, что скажетъ мнѣ слѣдующее письмо ваше по этому поводу. Для меня будетъ большимъ успокоеніемъ знать, что Эмилія хорошо выдана замужъ, и я вполнѣ раздѣляю всѣ причины, заставляющія васъ склониться къ принятію предложенія, которое вамъ собираются сдѣлать; но я также понимаю сколько волненій вы переживете прежде чѣмъ согласиться и сколько у васъ ихъ будетъ еще до того времени какъ бракосочетаніе будетъ совершено. Мнѣ нѣтъ надобности обѣщать вамъ, дорогая моя графиня, что въ отношеніи Императрицѣ-матери буду хранить молчаніе, о которомъ вы меня просите и которое необходимо, дабы васъ не поставить въ неловкое положеніе.

Хоть я васъ не поблагодарила за ваши два послѣднія письма, но не была отъ этого менѣе чувствительна ко всему, что вы мнѣ говорите и къ радости, какую вы мнѣ выказываете по поводу счастливаго исхода безконечныхъ трудовъ, которые Государь принялъ на себя, дабы возстановить порядокъ на Югѣ Европы.

Наконецъ-то, 24-го, онъ благополучно вернулся сюда. Онъ перенесъ большое утомленіе, много трудовъ и кратковременныя неудобства, которыя, слава Богу, надѣюсь, будутъ имѣть только хорошія послѣдствія въ будущемъ для его здоровья. Хорошій пріемъ, оказанный имъ вашему сыну въ Лайбахѣ, въ чемъ я заранѣе была увѣрена, доставилъ мнѣ, тѣмъ не менѣе, большое удовольствіе. Надѣюсь, что Людвигъ вернулся къ вамъ совершенно здоровымъ.

И зачѣмъ послѣ столькихъ пріятныхъ предметовъ, которыми я могла наполнить свое письмо, мнѣ приходится говорить о причинѣ справедливаго огорченія? О вашемъ племянникѣ очень сильно сожалѣли, не только знавшіе его близко, но и всѣ, умѣющіе оцѣнить надежды, подаваемыя молодымъ человѣкомъ его лѣтъ на службѣ своей родинѣ. Аналогія съ Станиславомъ, вмѣстѣ съ другими причинами, пробудила снова ваши печали и смѣшала ихъ въ вашемъ сердцѣ. Мнѣ представляется, что онъ соединился съ вашимъ сыномъ, и что оба окружаютъ васъ и они вашими ангелами-хранителями. Говорите мнѣ, пожалуйста, о памятникѣ Станиславу и скажите, остановились ли вы на какой-либо надписи или какія, изъ которыхъ вы выбираете.

А теперь шлю дружескіе привѣты вашему мужу, а затѣмъ дѣтямъ. Надѣюсь, что графъ чувствовалъ себя хорошо отъ паровыхъ ваннъ, но боюсь, какъ бы онъ, не щадя себя ими, не повредилъ дѣйствію тѣхъ лѣкарствъ, которыя его заставляютъ принимать.

Прощайте, дорогая моему сердцу графиня. Елисавета.

Царское Село, 29-го Мая 1821.

4.

Je vous écris aujourd'hui avec un double plaisir, ma chère comtesse, parce que c'est votre fils qui sera le porteur de ma lettre, et je me figure combien vous serez heureuse de le revoir; je le suis pour vous et pour lui de le voir partir d'ici. Il me paraît que le quartier-général de son pére lui convient mieux que la capitale, où il a perdu en grande partie l'embonpoint qu'il y avait apporté. Je le charge aussi d'une caisse où vous trouverez une pièce de satin blanc pour la robe de noce.

J'y ai joint de plus tout ce qui peut servir à achever la toilette pour ce jour-là, aux souliers près. Je ne sais quels sont vos usages pour la coiffure d'une mariée. Comme ici quelques personnes emploient de la fleur d'orranger et en Allemagne du myrthe, je vous en envoie de l'un et de l'autre; mais si vous avez un autre usage encore, vous n'aurez pas d'égard, j'espère, à mon envoi et vous n'y verrez que la fantaisie de parer Émilie, que je me suis permis de satisfaire en idée. Quant au petit fichu de blondes, qui, au fond, ne convient pas à une personne aussi jeune, je ne l'ai ajouté, que parceque je me suis rappelée que la pauvre Émilie a pleuré (ou presque pleuré) un jour au bal, parce que sa robe tombait un peu trop bas de ses épaules.

Je voudrais pouvoir vous envoyer encore avec tous ces effets des voeux et des bénédictions bien efficaces, mais Dieu les entendra, j'espère. Mille remerciements, ma chère comtesse, pour votre dernière lettre et pour toute l'amitié que vous me témoignez. Vous m'en donnez une preuve consentant à ce que je sois votre commissionaire pour la statue du pavillon de Stanislas. J'espère qu'elle pourra être faite et expédiée par le traînage. Je n'ai que la crainte qu'elle ne réussisse pas aussi parfaitement, que je le désirais. J'ai chargé Louis d'exprimer verbalement à son père et à toute sa famille les assurances d'amitié, que j'aime tant à vous répéter et je suis impatiente de le savoir heureusement arrivé.

Adieu, ma chère comtesse. Élisabeth.

Cammenoy Ostrof, 30 Septembre 1821.

Переводъ.

Дорогая графиня!

Сегодня пишу вамъ съ двойнымъ удовольствіемъ, потому что вашъ сынъ будетъ подателемъ моего письма, и я воображаю какъ вы будете рады увидѣть его; я счастлива за васъ и за него, что онъ уѣзжаетъ отсюда.

Мнѣ кажется, что главная квартира отца ему пригодна болѣе чѣмъ столица, гдѣ онъ очень спустилъ привезенную имъ туда полноту. Препоручаю ему также ящикъ, въ которомъ вы найдете кусокъ бѣлаго атласа для подвѣнечнаго платья.

Кромѣ того я присовокупила все, могущее служить къ дополненію туалета въ этотъ день до башмаковъ включительно. Не знаю, каковы ваши обычаи относительно прически у невѣсты. Такъ какъ здѣсь нѣкоторыя употребляютъ цвѣтокъ померанца, а въ Германіи миртъ, посылаю вамъ то и другое, но если у васъ существуетъ еще иной обычай, надѣюсь, вы не обратите вниманія на мою посылку и усмотрите въ ней лишь желаніе украсить Эмилію, которое я себѣ позволила мысленно исполнить. Что касается маленькой косынки изъ блондъ, которая въ сущности, не подобаетъ такой молоденькой особѣ, я прибавила ее только потому, что вспомнила, какъ однажды на балу бѣдная Эмилія плакала (или чуть не плакала) оттого, что платье ея слишкомъ низко спускалось съ ея плечъ.

Хотѣлось бы имѣть возможность послать вамъ со всѣми этими вещами горячія пожеланія и благословенія, но, надѣюсь, Богъ ихъ услышитъ. Тысячу благодарностей, дорогая моя графиня, за ваше послѣднее письмо и за дружбу, которую вы мнѣ выказываете. Вы доказываете мнѣ ее своимъ согласіемъ на то, чтобъ я исполнила ваше порученіе касательно статуи для памятника Станиславу. Я надѣюсь, что она можетъ быть сдѣлана и отправлена по санному пути. Я только одного боюсь, что она не удастся вполнѣ такъ хорошо, какъ я того желала. Я поручила Людвигу передать на словахъ отцу и всему его семейству увѣренія въ дружбы, которыя я такъ люблю вамъ повторять, и я нетерпѣлива узнать, что онъ прибылъ благополучно.

Прощайте, дорогая моя графиня. Елисавета.

Каменный-Островъ, 30-е Сентября 1821.

5

A qui mieux qu'à vous, chère Comtesse puis-je parler de ce qui remplit mon coeur; vous, dont, malheureusement, la vie en grande partie est consacreé à des regrets! Aussi étiez vous une de mes premières pensées dans les premiers moments de ma douleur! Je voulais vous écrire, mais votre lettre m'a prévenue, et je puis maintenant vous parler de ma sensible reconnaissance pour un intérêt, dont j'étais sûre d'avance de votre part et de celle du comte. Vous savez ce qu'on éprouve de la perte d'un être tendrement chéri. Ma soeur était plus que soeur pour moi: elle était ma meilleure amie; jamais l'idée de lui survivre ne m'était venue, tant sa santé me paraissait robuste avant la cruelle maladie qui nous la enlevée, et j'ai presque autant souffert de devoir croire à la possibilité de la perdre que de sa perte même, qui du moins a mis fin pour elle à de grandes souffrances. Je tâche dans ma peine de m'appliquer tout ce que je vous ai souvent écrit, et, pour moi, comme pour vous, ce que je trouve de plus consolant: c'est la certitude du bonheur dont

elle jouit et l'espoir que me donne la miséricorde de Dieu de la retrouver un jour, et je me dis: *encore un peu de patience et j'arriverai à cette éternité où il n'y a plus ni peine ni séparation!*

Je ne puis assez remercier Dieu de ce qu'Il a soutenu la santé et les forces de ma pauvre mère, qui perd son troisième enfant dans un âge mûr et le cinquième de tous*). Je me reproche à cause d'elle chaque mouvement trop vif de peine, qui me fait désirer de rejoindre ma soeur; je le regarde comme une ingratitude envers la Providence, qui a daigné me conserver un bien si précieux, en conservant ma mère. Sans doute, que cela produit en moi des combats que vous comprendrez; mais notre vie entière ne se compose pas d'autre chose. Je ne vous fais pas d'excuses de vous parler longuément de tout ce que j'éprouve. Il me semble, au contraire, que je le dois à votre amitié, dont vous m'avez donné des preuves, en agissant de même à mon égard. Croyez-moi, que mes peines ne m'ont pas empêchées de recevoir vos enfants avec plaisir et d'apprendre avec le même sentiment que la santé du comte a bien supporté les fatigues survenues après son accident, et je vous remercie mille fois pour la lettre que vous m'avez écrite à ce sujet. Puissent mes voeux être exaucés et tout chagrin et toute inquiétude vous être épargnés dorénavant à tous les deux.

Adieu, de tout mon coeur, ma chère comtesse, et avec des sentiments dont je n'ai plus besoin de vous donner l'assurance. Élisabeth.

Pétersbourg, 30 Novembre 1823.

Переводъ.

Кому же больше, какъ не вамъ, дорогая графиня, могу я говорить о томъ, чѣмъ полно мое сердце, вамъ, жизнь которой, къ несчастью, переполнена печалью! Поэтому вы были одной изъ первыхъ моихъ мыслей въ первыя минуты моей скорби. Я хотѣла вамъ написать, но ваше письмо меня предупредило, такъ что теперь могу говорить вамъ о чувствительной признательности за участіе, въ которомъ заранѣе была увѣрена отъ васъ и графа.

Вы знаете, что̀ испытываешь при потерѣ нѣжно любимаго существа. Сестра моя была для меня больше чѣмъ сестра: она была моимъ лучшимъ другомъ; никогда мнѣ не приходила мысль, что переживу ее, настолько здоровье ея мнѣ казалось крѣпкимъ до жестокой болѣзни, отнявшей ее у насъ, и я почти столько же страдала отъ необходимости повѣрить въ возможность ея какъ и отъ самой утраты, положившей, по крайней мѣрѣ, конецъ ея тяжелымъ страданіямъ. Я стараюсь въ своемъ горѣ примѣнить къ себѣ все то, о чемъ часто вамъ писала и для себя, какъ и для васъ; самымъ утѣшительнымъ нахожу увѣренность въ счастьѣ, которое она испытываетъ и надежду,

*) Мать императрицы Елисаветы Алексѣевны, маркграфиня Баденская, пережила ее на 13 лѣтъ. П. Б.

которую мнѣ даетъ милосердіе Божіе въ томъ, что когда-либо я опять встрѣчу ее и я говорю себѣ: „еще немного терпѣнія и я войду въ эту вѣчность, гдѣ нѣтъ ни печали ни разлуки!“

Не умѣю достаточно возблагодарить Бога за то, что Онъ поддержалъ здоровье и силы моей матери, которая теряетъ третьяго ребенка въ зрѣломъ возрастѣ и пятаго изъ своихъ дѣтей. Изъ за нея я упрекаю себя за каждое слишкомъ сильное движеніе скорби, заставляющее меня желать послѣдовать за сестрой; я смотрю на это какъ неблагодарность Провидѣнію, сохранившему столь для меня драгоцѣнное благо, какъ жизнь моей матери. Безъ сомнѣнія, это вызываетъ во мнѣ борьбу, которую вы поймете; но вся наша жизнь не изъ чего другого не состоитъ. Не извиняюсь передъ вами за то, что долго говорю о томъ, что̀ испытываю. Мнѣ кажется, наоборотъ, что я въ долгу у вашей дружбы, которую вы мнѣ доказали, поступивъ такимъ же образомъ въ отношеніи ко мнѣ. Вѣрьте, что моя печаль не помѣшала мнѣ съ удовольствіемъ принять вашихъ дѣтей и съ тѣмъ же чувствомъ узнать, что здоровье графа хорошо перенесло утомленіе послѣдовавшее за его злоключеніемъ; тысячу разъ благодарю васъ за письмо, которое вы мнѣ написали по этому поводу. Да будутъ мои молитвы услышаны и да минуютъ васъ обоихъ отнынѣ всякое горе и тревога.

Прощайте, отъ всего моего сердца, дорогая моя графиня, и съ чувствами, въ которыхъ мнѣ нѣтъ больше надобности увѣрять васъ. Елисавета.

Петербургъ, 30-е Ноября 1823.

Приложеніе.

Рескриптъ короля Прусскаго.

Madame la Feld-Maréchale, ayant toujours présents à la mémoire les services rendus par le Maréchal, votre époux, à l'intérêt des trônes et des nations pendant les dernières guerres, où il a conduit une partie de mes armées, conjointement avec celles de son Souverain, aux plus glorieux combats, je n'ai cessé de penser aux moyens de lui en exprimer ma reconnaissance et je n'ai rien trouvé qui soit plus digne de son mérite, qu'un titre qui en relève l'éclat. M'étant en conséquence assuré préalablament de l'assentiment de mon auguste allié et gendre, Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, je viens de conférer à votre époux la dignité de Prince. Ce ne sera, à la vérité, qu'un titre ajouté à tous ses titres de gloire; mais je pense, que celui-ci pourra acquérir un plus grand prix à ses yeux, par la raison qu'il transmettra à l'histoire, que mon estime et ma bienveillance ont été proportionnées à ses hauts faits.

Après le plaisir d'avoir ainsi payé une dette de coeur, je n'en connois pas de plus grand, Madame la Princesse, que celui d'être le premier à vous en faire part et je puis d'autant moins me le refuser, que je trouve ainsi l'occassion de vous réitérer encore l'expression de la parfaite considération avec laquelle je suis, Madame la Feld-Maréchale,

Votre très-affectionné Frédéric Guillaume.

Berlin, le 1-er Mai 1834.

Переводъ.

Имѣя всегда въ памяти услуги, оказанныя фельдмаршаломъ, вашимъ супругомъ престолу и отечеству за послѣднія войны, гдѣ онъ велъ часть моихъ войскъ совокупно съ войсками своего Государя въ самыя славныя сраженія, и не переставая думать о способѣ выразить ему свою признательность, я не нашелъ ничего болѣе достойнаго его заслугъ, какъ титутъ, возвышающій его славу. Вслѣдствіе этого, удостовѣрившись предварительно въ согласіи моего августѣйшаго союзника и зятя, Е. В. Императора всея Россіи, я жалую вашему супругу княжеское достоинство. Правда, это будетъ только титутъ, прибавленный ко всѣмъ его славнымъ титуламъ; но, я думаю, что этотъ титулъ можетъ получить въ его глазахъ большую цѣну, передавая исторіи, что мое уваженіе и благоволеніе были соразмѣрны съ его высокою дѣятельностью.

Послѣ удовольствія такимъ образомъ заплатить долгъ сердца, не знаю большаго, княгиня, какъ первымъ сообщить вамъ объ этомъ; тѣмъ менѣе могу себѣ въ этомъ отказать, что нахожу такимъ образомъ случай повторить вамъ еще разъ увѣреніе въ истинномъ уваженіи, съ которымъ пребываю очень къ вамъ благожелательный Фридрихъ-Вильгельмъ.

Берлинъ, 1-е Мая 1834.

Супругѣ фельдмаршала, графинѣ Витгенштейнъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. Я. БУЛГАКОВА КЪ ЕГО ДОЧЕРИ КНЯГИНѢ О. А. ДОЛГОРУКОЙ [1]).

Moscou, le 18 Mai 1832.

Bientôt va se faire la noce de m-lle Nesselrode avec le bon Chreptowitz [2]). Leibzeltern [3]) est arrivé à Pétersbourg avec sa femme pour voir ses parents; quelqu'un a dit: qu'un homme qui n'a pas d'entrailles n'a pas de parents non plus. Aujourd'hui il y a une noce, m-lle Boukharine se marie; devinez qui elle épouse? Самъ не вспомню. Oui, Annenkoff, aide-de-camp du grand-duc Michel. A sa place à elle je l'aurai épousé, mais à sa place à lui, je doute que je l'eusse fait.

Аг. Ив. Хрущова прислала человѣка просить васъ, чтобы вы *безпремѣнно* нашли ей мадамъ для дѣтей, лѣтъ въ 40 или 45 и чтобы была Швейцарка или Француженка. On dirait qu'il s'agit d'un petit pain qu'on trouve dans notre лавочка. Elle est en vérité charmante, elle envoya le domestique avec une mission comme celle-là de bouche.

Москва, 18 Мая, 1832.

Вскорѣ состоится свадьба дѣвицы Нессельроде съ добрымъ Хрептовичемъ. Лебцельтернъ пріѣхалъ съ женою въ Петербургъ повидаться съ родными; кто-то сказалъ, что человѣкъ, не имѣющій сердца, не имѣетъ и родныхъ. Сегодня свадьба: дѣвица Бухарина выходитъ, угадай за кого? Самъ не вспомню; ахъ да, за Анненкова, адъютанта в. к. Михаила Павловича. Будучи на ея мѣстѣ, и я бы за него вышелъ, но на его мѣстѣ, сомнѣваюсь, чтобъ я это сдѣлалъ.—Можно подумать, что дѣло идетъ о булкѣ, которую можно достать въ нашей лавочкѣ. Она воистину прелестна—прислала человѣка съ этакимъ порученіемъ на словахъ.

Moscou, 20 Mai 1832.

La pauvre Barténeff est malade des suites de sa fausse couche. Maintenant on craint pour la pauvre Pauline, car sa mère s'est fourrée

---

[1]) См. выше, стр. 136.

[2]) Дочь графа Нессельроде, Елена Карловна.

[3]) Лебцельтернъ, женатый на дочери графа Лаваля, былъ въ 1825 году Австрійскимъ посломъ въ Петербургѣ. Николай Павловичъ послѣ 14 Декабря пожелалъ его отъѣзда. Есть извѣстіе, что онъ происхожденія Еврейскаго.

dans la tête qu'il n'y a pas de danger pour elle tant qu'elle aurait sa fille à côté d'elle, et voilà 9 jours qu'elle la tient toujours par la main sans vouloir la lacher. Каково этой бѣдной? Chez la Bariatinsky à la campagne il y a donc scarlatine perfide, et la promise de Davidoff[1]) vient de tomber malade aussi. Давеча былъ у меня красавецъ Катинькинъ Львовъ въ страшныхъ усахъ, которые ему красы не придаютъ. Il paraît qu'il meurt d'envie de se marier. Мишка Леонтьевъ пріѣхалъ съ женою, я видѣлъ ее во Французскомъ театрѣ, и она кажется мнѣ очень подурнѣла. La nouvelle actrice m-lle Anna est petite et laide et elle chante comme une chèvre; le nouvel acteur est bon, je le préfère à Victor.

Москва, 20 Мая 1832.

Бѣдная Бартенева больна послѣдствіями преждевременныхъ родовъ; теперь боятся за бѣдную Поллпу, такъ какъ ея мать вбила себѣ въ голову, что опасность ей не грозитъ, пока дочь будетъ при ней, и вотъ 9 дней какъ она держитъ ее за руку, не желая отпустить. Каково этой бѣдной?—У Барятинской въ деревнѣ ложная скарлатина и невѣста Давыдова тоже только что заболѣла. Давеча былъ у меня красавецъ Катенькинъ, Львовъ, въ страшныхъ усахъ, которые ему красы не придаютъ. Кажется, ему смертельно хочется жениться. Новая актриса мамзель Анна, маленькаго роста, дурна собой и поетъ какъ коза; новый актеръ хорошъ, я предпочитаю его Виктору.

St.-Pétersbourg, 19 Juillet 1832.

Vous avez dû recevoir le 14 ma lettre, qui contenait un oukaze; car j'ai prescrit à l'exécuteur de vous envoyer mon paquet sur-le-champ par l'estafette. Молитвы ваши были услышаны, а куда много было охотниковъ на это мѣсто въ обѣихъ столицахъ![2]) Князь А. Н.[3]) далъ теперь брату коммиссію отвѣчать на всѣ письма, кои ему писали, прося наслѣдство Рушковскаго: La réponse est faite. M-r A. B. a été nommé par ordre de S. M. I.—Ici dans la maison, la conversation ne tarit pas sur vous, tant mon frère, sa femme, les enfants ou ceux qui viennent ici ne cessent de parler de vous. Les professeurs et dilettanti regrettent l'absence de Катенька. Вяземскій говоритъ, что можно бы за Катенькой послать, хоть на сутки, и отвезти опять, les postes des deux capitales étant aux deux frères, mais au même individu. Vous me manquez bien surtout toutes les deux, Olga avec son Дишка et même leur крошка et Катя avec sa maman. Je suis si complètement heureux maintenant que

---

[1]) Княжна Ольга Ивановна выходила за Владимира Петровича Давыдова (позднѣе графа Орлова-Давыдова).

[2]) Т.-е. на мѣсто Московскаго почтдиректора.

[3]) Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

je n'ai rien à demander à Dieu. Je ne sais pas encore quand je partirai, je dois prêter serment au Sénat et surtout faire ma cour à l'Empereur que les grandes manoeuvres empêchent de venir en ville avant Dimanche. Je suis si avide du bonheur de le voir, ne l'ayant encore vu que de loin deux fois! La дача de mon frère est un véritable bijou, et nous sommes tous logés en princes. Quel monde il vient les Lundi et Jeudi! Moi-même tous les jours je vais tous les matins à la poste en ville apprendre, assister aux arrivées et départs des postes, et je m'équipe peu à peu, et Костя me tourmente toute la journée: сшейте себѣ это, а это [1]). Il faut être ici pour se faire une idée du luxe de Pétersbourg et surtout des femmes; il y en a bien peu de belles, et je ne sais ce qui leur arrive, mais elles sont toutes malades ou abimées de santé. Depuis que je suis ici seulement, voyez que de jeunes personnes mortes: la p-sse de Souvoroff, la Korsakoff, la belle Wittgenstein née Radziwill, la Tchertkoff, et il y a la Mordvinoff née Ermoloff, la Danilevsky, qui sont sans espoir.—La pauvre Pouchkine, née Ouroussof, a perdu l'autre jour une fille. Il y a beaucoup de personnes que je n'ai pas été voir encore; car mon frère a de l'humeur quand je vais quelque part. Cependant Dimanche j'ai fait quelques visites ici aux дачи. J'ai été avec Костя chez la tante Dolgorouky, chez князь Ал. Ник. Хованской, chez la Bobrinsky, Nicolas Gagarine et Zavadofsky, вездѣ его рекомендовалъ. Votre cher frère ne peut pas souffrir Pétersbourg. Que vous dire encore? La grande nouvelle ce sont les manoeuvres qui dureront cinq jours; il y a comme toujours deux armées, l'une attaque, l'autre se défend. Beaucoup de dames partent pour Красное Село, et Marie [2]) en a le projet aussi; voilà deux jours qu'on ne parle que de la manière d'arranger le voyage. Vous ne sauriez croire comme ces moustaches ont rendu tout le monde affreux; on ne reconnait plus personne, et je ne vois pas que cela aille qu'à ceux qui portaient déjà avant la moustache. Les militaires vont avoir un costume de tous les jours en guise de frac; ce sera une espèce de чекмень avec pantalon large et фуражка. Cela va nous rapprocher de nos anciens costumes russes. J'ai vu le débarquement de la fameuse colonne Alexandrine; la cérémonie était vraiment imposante voir cette masse du poid S. de 250 m. poudes avancer comme une poutre à un signal de l'Empereur; il y avait un monde fou, et c'etait si drôle de voir la bagarre quand elle arriva, il n'y avait que l'Emperenr qui ne bougea pas, la pluie cessa bientôt. C'était un coup d'oeil unique. Vous en lirez la description dans le journal ci-joint. L'article est de Monfer-

---

[1]) Старшій сынъ А. Я. Булгакова.

[2]) Марья Константиновна, супруга К. Я. Булгакова.

rant; только онъ много хвастаетъ, а хвастать можетъ только подрядчикъ Яковлевъ: онъ все сдѣлалъ, et il fallait le voir debout sur la colonne pendant qu'elle avançait et dirigeant les travaux. Какъ гора эта стала на землю, то Яковлевъ перекрестился, работники первые закричали ура! а тамъ и всѣ зрители. Мнѣ такъ весело съ вами болтать, что не вижу, что нѣтъ уже бумаги, да и въ городъ пора: уже 10 часовъ.

Петербургъ, 19 Іюля 1832.

Вы должны были 14-го числа получить мое письмо, содержавшее указъ, такъ какъ я предписалъ экзекутору отправить къ вамъ мой пакетъ тотчасъ съ эстафетой. Отвѣтъ данъ: А. Б. былъ назначенъ по повелѣнію Е. В. Здѣсь, въ домѣ разговоръ о васъ не прекращается: то мой братъ, то его жена, дѣти или тѣ, кто бываетъ у нихъ, не перестаютъ говорить о васъ. Профессора и диллетанты сожалѣютъ объ отсутствіи Катеньки. Вяземскій говоритъ, что можно бы за Катенькой послать, хоть на сутки, и отвезти опять, такъ какъ почта обѣихъ столицъ у двухъ братьевъ, но у одной личности. Мнѣ васъ очень недостаетъ, особенно васъ обѣихъ, Ольги съ ея Дишкой и даже ихъ крошкой и Кати съ ея мамой. Я теперь на столько счастливъ, что мнѣ не о чемъ просить Бога. Не знаю еще, когда уѣду; мнѣ надо присягать въ Сенатѣ и, главное, представиться Государю, которому большіе маневры не позволятъ вернуться въ городъ раньше Воскресенья. Я такъ жажду счастья увидѣть Государя, такъ какъ два раза видѣлъ его лишь издали. Дача брата настоящая игрушечка, и мы всѣ размѣщены по-княжески. Какое общество бываетъ по Понедѣльникамъ и Четвергамъ! Ежедневно утромъ я самъ хожу въ городъ на почту учиться, присутствую при пріѣздѣ и отъѣздѣ почтъ и мало-по-малу экипируюсь. Костя весь день мучаетъ меня: сшейте себѣ это, да это! Нужно быть здѣсь, чтобы составить себѣ понятіе о роскоши Петербурга и особенно женщинъ; между ними очень мало красивыхъ, и не знаю что съ ними, но всѣ онѣ больны или съ разстроеннымъ здоровьемъ. Смотрите, сколько молодыхъ особъ умерло только съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь: к-ня Суворова, Корсакова, красавица Витгенштейнъ, рожд. Радзивилъ, Черткова, а Мордвинова, рожд. Ермолова, Данилевская безнадежны. Бѣдная Пушкина, рожд. Урусова, на дняхъ потеряла дочь. У многихъ я еще не былъ, потому что братъ недоволенъ, когда я куда нибудь уѣзжаю; тѣмъ не менѣе въ Воскресенье я сдѣлалъ нѣсколько визитовъ здѣсь, по дачамъ. Я былъ съ Костей у тетки Долгорукой, у князя Ал. Ник. Хованскаго, у Бобринской, у Николая Гагарина и Завадовскаго; вездѣ его рекомендовалъ. Вашъ дорогой братецъ терпѣть не можетъ Петербургъ. Что сказать вамъ еще? Важнѣйшее событіе составляютъ маневры, которые продлятся 5 дней; какъ всегда, стоятъ двѣ арміи, одна атакуетъ, другая защищается. Многія дамы ѣдутъ въ Красное Село, и Маша тоже собирается туда; два дня только и говорятъ о томъ, какъ устроить эту поѣздку. Вы не повѣрите, до чего эти усы всѣхъ обезобразили; никого теперь не узнаешь, и я не нахожу, чтобы это шло кому-либо, кромѣ тѣхъ, кто носилъ усы и прежде. Военные получаютъ ежедневную форму на подобіе фрака; это будетъ нѣчто въ родѣ чекменя съ широкими шароварами и фуражкой и приблизитъ насъ къ нашимъ стариннымъ Русскимъ одеждамъ. Я видѣлъ выгрузку знаменитой

Александровской колонны; церемонія была поистинѣ величественная, видѣть, какъ эта глыба въ 250 тыс. пудовъ двигалась точно бревно по сигналу Государя; народу было безумно много, и такъ смѣшно было видѣть сумятицу; одинъ Государь не пошевельнулся. Вскорѣ дождь перересталъ. Это представляло видъ единственный въ своемъ родѣ. Вы прочтете описаніе всего этого въ прилагаемой газетѣ. Статья эта Монферрана; только онъ много хвастаетъ, а хвастать можетъ только подрядчикъ Яковлевъ: онъ все сдѣлалъ, и нужно было его видѣть стоящимъ на колоннѣ во время ея передвиженія и руководящимъ работами.

Pétersbourg, le 8 Août 1832.

Dimanche l'Empereur a eu la bonté de me recevoir seul dans son cabinet de Jélaguine et m'a gardé trois quart d'heure. J'ai fait une description détaillée à maman, qui vous lira tout cela. En me voyant et me congédiant, S. M. I. m'embrassa à plusieurs reprises. Je me bornerai à vous dire que personne de notre famille ne fut oublié et comme de raison m-lle Жукъ. L'Empereur me demande en riant: Ну, что похожа ли крестница моя [1]) на меня? Il daigna s'informer de maman, même de Pachka [2]), me demanda si vous n'étiez pas de nouveau grosse. Ensuite l'Empereur me questionna beaucoup sur Дишка[3]), s'il s'occupait; je répondis: особенной должности не имѣетъ, но занимается въ канцеляріи со всѣми. Хорошо дѣлаетъ, répondit S. M.; я очень радъ, стыдно въ его лѣта время терять; каково его здоровье? Мнѣ кажется, что онъ не очень крѣпкаго сложенія? Нѣтъ, Государь, онъ теперь началъ толстѣть. Sur cela S. M. dit: чтобы не потолстѣлъ, какъ я. Il fut question de Catherine. L'empereur me dit: зачѣмъ не привезъ красавицу вашу?—Можетъ быть будетъ въ будущемъ году съ матерью? Очень будемъ рады гостямъ, fut la réponse. Enfin j'ai été en vérité touché de l'accueil gracieux que j'ai reçu et de l'Empereur et de l'Impératrice, qui m'a encore plus questionné sur vous tous; S. M. a voulu avoir les moindres détails sur la petite Сашка et a discuté avec moi sur son âge qu'elle se trouvait mieux savoir que moi. Vous savez, dit-elle à Modène, que B. est devenu grand papa tout en dansant chez nous au bal. Les bontés furent si grandes que prenant congé de l'Impératrice j'ai osé lui dire: Madame, j'ai une grâce à vous demander.—Quoi donc?—C'est de vous baiser la main: cela me portera bonheur dans mon nouveau poste. S. M. sourit, ôta son gant et avec effort, car il était étroit et me tendit avec bonté sa superbe main. Vous saurez tout cela de maman.

---

[1]) Княжна Александра Александровна Долгорукая, нынѣ вдова Николая Николаевича Львова.

[2]) Младшій сынъ А. Я. Булгакова.

[3]) Зять А. Я. Булгакова, князь Александръ Сергѣевичъ Долгорукій.

L'Empereur est parti pour Порховъ et l'Impératrice pour Царское Село. Il y a eu quelques personnes atteintes de choléra ici; au reste je suppose que ce ne sont que des bruits sans fondement. J'ai vu hier Swistounoff enfin au jardin Stroganoff, il se plaint beaucoup de sa santé et compte venir se traiter.

Петербургъ, 8 Августа 1832.

Въ Воскресенье Государь милостиво принялъ меня одного въ своемъ кабинетѣ на Елагиномъ и продержалъ три четверти часа. Я сдѣлалъ подробное описаніе мамѣ, которая все это вамъ прочтетъ. Увидавъ меня и потомъ отпуская, Е. В. нѣсколько разъ цѣловалъ меня; ограничусь, сказавъ, что никто изъ нашей семьи не былъ забытъ, а потому, конечно и дѣвица Жукъ. Государь, смѣясь, спросилъ меня: ну, что, похожа ли крестница моя на меня? Онъ изволилъ спрашивать о мамѣ, даже о Пашкѣ, спросилъ не беременна ли ты опять. Затѣмъ Государь много разспрашивалъ меня про Дишку, занимается ли онъ; я отвѣтилъ: особенной должности не имѣетъ, но занимается въ канцеляріи со всѣми. Е. В. сказалъ: чтобы не потолстѣлъ какъ я. Была рѣчь о Катенькѣ. Государь сказалъ мнѣ: зачѣмъ не привезъ красавицу вашу? Однимъ словомъ, я поистинѣ былъ тронутъ ласковымъ пріемомъ Государя и Императрицы, которая еще больше разспрашивала обо всѣхъ васъ. Ея Величество пожелала знать малѣйшія подробности о маленькой Сашкѣ и поспорила со мной объ ея возрастѣ, который, оказалось, знала лучше меня. Вы знаете, сказала она Модену, что Булгаковъ сдѣлался дѣдушкой, танцуя у насъ на балу. Императрица была настолько милостива, что, откланиваясь, я осмѣлился ей сказать: Ваше Величество, позвольте просить Васъ о милости.—Что такое?—Позвольте поцѣловать Вашу ручку: это принесетъ мнѣ счастье на новой моей должности. Ея В. улыбнулась, сняла перчатку, дѣлая усиліе (она была узка) и милостиво протянула мнѣ свою безподобную руку. Вы все это узнаете отъ мамы. Государь уѣхалъ въ Порховъ, а Императрица въ Царское Село. Здѣсь нѣсколько человѣкъ заболѣло холерой; впрочемъ, предполагаю, что такіе слухи неосновательны. Вчера, наконецъ, я видѣлъ Свистунова въ Строгановскомъ саду, онъ очень жалуется на свое здоровье и хочетъ пріѣхать лѣчиться.

St.-Pétersbourg, 13 Août 1832.

Vous savez que j'ai eu le bonheur d'être reçu de l'Empereur et de l'Impératrice à Yélaguine. Ce jour sera éternellement présent à ma pensée. Je reste ici pour la fête de Marie après quoi je ferai mes paquets. Je partirai d'ici avec un sentiment singulier, car ce sera celui de la joie et du chargin en même temps: je vole auprès de vous, mais Dieu sait quand je verrai mon frère *). Cette maison Lanskoy que vous louez me sourit beaucoup, nous serons près les uns des autres et nous pourrons nous voir tous les jours. J'ai lu votre lettre, Olga, aux enfants; cela leur a fait bien grand plaisir. Qu'il me tarde de voir Сашка,

*) Предчувствіе не обмануло А. Я. Булгакова: младшій братъ его и благодѣтель скончался вскорѣ, не успѣвъ, кажется, еще разъ повидаться съ нимъ.

Жукъ et vous tous aussi. Заживемъ припѣваючи! J'ai eu beaucoup à souffrir, mais Dieu m'a payé tout cela par une seul oukaze. La manière dont l'Empereur m'a reçu a mis le comble à mon bonheur. Personne n'a été oublié, Пашка, Сашка, объ васъ нечего уже и говорить. L'Empereur a eu la bonté de s'intéresser à la santé de Дишка qu'il ne croit pas merveilleuse. Поздравляю тебя съ тильбюри; когда нельзя Дишкѣ, я буду тебя катать. J'ai dit aux deux W., l'auteur et le musicien [1]), vos remerciments pour la mazurque. Le pauvre Wiasemsky a la fièvre et comme il fait la cour à la cousine de Marie, je lui ai dit hier qu'il avait la fièvre de Moldavie. Voici une épitre de votre frère avec lequel je bataille souvent; je désire que son entrée ait lieu plutôt; il s'émancipe furieusement et fait le grand personnage, toujours cette manière de se faufiler avec les grands et près d'autres farceurs, quoique pas mauvais. Demain je le ménerai chez le général Islénieff, son futur chef. J'ai bien fait sonner à Костя l'histoire de Gagarine, qui, dit-on, sera fait soldat. M-lle Catherine! Est-ce que la princesse vous marie toujours à l'aimable fât m-r Walinsky, qui arrange une maison déjà pour les bals que vous nous donnerez. Ici à la cour on vous a décidément marié, mais on ne nomme pas le promis; on ne dit pas si c'est un flâneur ou un bâfreur. On avait marié la petite Dolgorouky à Vaniche [2]); maintenant on la marie à m-r Wielgorsky, je ne vois ici ni l'un, ni l'autre. Au reste rien de nouveau en ville. Les poltrons parlent de choléra apportée de Cronstadt, où il est mort 13 personnes, mais moi je ne crois à rien. Comme Moscou doit être animée maintenant que le grand-duc y est aussi. Je dîne aujourd'hui au clob anglais avec Lounine et Schzerbinine pour voir jouer Тюря [3]). Je vous écris à bâton rompu, car à chaque instant les enfants viennent m'interrompre.

Петербургъ, 13 Августа 1832.

Вы знаете, что я имѣлъ счастье быть принятъ Государемъ и Императрицей на Елагиномъ. Этотъ день будетъ вѣчно для меня памятенъ. Остаюсь здѣсь на Машины именины, послѣ чего буду укладываться. Уѣду отсюда со страннымъ чувствомъ, такъ какъ оно будетъ и радость, и горе въ одно и тоже время: лечу къ вамъ, но Богъ знаетъ когда увижу брата. Мнѣ очень улыбается наемъ вами дома Ланского, мы будемъ близко другъ отъ друга и можемъ видѣться ежедневно. Ольга, я прочелъ твое письмо дѣтямъ, это доставило имъ большое удовольствіе. Жду не дождусь, когда увижу Сашку, Жука и всѣхъ васъ. Заживемъ припѣваючи. Мнѣ пришлось много страдать, но Богъ вознаградилъ меня за все-

---

[1]) Братьямъ графамъ Вельегорскимъ?

[2]) Это графъ Иванъ Ларіоновичъ Воронцовъ, вскорѣ женившійся на Александрѣ Кирилловнѣ Нарышкиной.

[3]) Славный игрокъ на биліардѣ (его портретъ въ Москвѣ у М. П. Садовскаго).

это однимъ указомъ. То, какъ Государь меня принялъ, довершило мое счастье. Никто не былъ забытъ, ни Пашка, ни Сашка, о васъ нечего уже и говорить. Государь былъ такъ добръ, что поинтересовался Дишкинымъ здоровьемъ, которое не считаетъ крѣпкимъ. Поздравляю тебя съ тильбюри; когда нельзя Дишкѣ, я буду тебя катать. Я передалъ обоимъ В., писателю и музыканту, твою благодарность за мазурку. У бѣднаго Вяземскаго лихорадка, а такъ какъ онъ ухаживаетъ за Машиной двоюродной сестрой, я вчера сказалъ ему, что у него Молдавская лихорадка. Вотъ письмо твоего брата, съ которымъ я часто спорю; я желалъ бы, чтобъ онъ скорѣе поступилъ; онъ ужасно своевольничаетъ, разыгрываетъ изъ себя важную особу, вѣчно эта манера связываться съ знатными и другими распутниками, хотя онъ и не дурной. Завтра повезу его къ генералу Исленеву, его будущему начальнику. Я хорошо прозвонилъ Костѣ исторію Гагарина, который, говорятъ, будетъ разжалованъ въ солдаты. Катенька! А что, княгиня все еще сватаетъ тебя за любезнаго фата Волынскаго, который уже устраиваетъ домъ для баловъ, гдѣ вы будете намъ задавать ихъ. Здѣсь, при дворѣ, тебя рѣшительно выдали замужъ, только не называютъ жениха не говорятъ, зѣвака онъ или обжора. Прежде маленькую Долгорукую выдавали за Ванюшу, а ужъ теперь ее выдаютъ за Віельгорскаго; я не вижу здѣсь ни того, ни другого. Въ остальномъ ничего новаго нѣтъ въ городѣ. Трусы говорятъ о холерѣ занесенной изъ Кронштадта, гдѣ умерло 13 человѣкъ; но я ничему этому не вѣрю. Какъ должна быть теперь оживлена Москва, благодаря присутствію великаго князя. Сегодня я обѣдаю въ Англійскомъ клубѣ съ Лунинымъ и Щербининымъ, чтобы посмотрѣть на игру Тюри. Пишу урывками, такъ какъ дѣти отрываютъ меня каждую минуту.

*

Москва, 10 Сентября 1832.

La vieille princesse Woldemar [1]) est arrivée hier. Ce que c'est que les gens d'autre fois! A peine descendue de voiture, elle a eu l'honnêteté de m'envoyer remercier pour la célérité avec laquelle elle a été servie aux postes; j'irai la voir absolument ce soir, et s'il le faut je ferai même sa partie de boston et lui perdrai de l'argent. Je verrai sûrement le p-ce D. et dirai que nous avons été chez lui avec Дишка. La poste reçue dans le moment, je prends les paquets pour m-gr le grand-duc, vais les lui porter moi-même et me présenterai de cette manière sans façons. S. A. I. a été hier soir chez кн. Ек. Павл. [2]) и сидѣлъ тамъ часа два; le matin je l'ai manqué d'un déjeuner chez Башиловъ, qui a manqué mourir; on lui a appliqué 40 sangsues au ventre, il va mieux. Nous travaillons jour et nuit à arranger la maison, la chambre de toilette de maman est déjà prête, et elle est charmante, Турецкая также на дняхъ поспѣетъ, будетъ хорошо. Mais helas! ce que cela coûte d'argent! Туда

---

[1]) Такъ звали престарѣлую мать Московскаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына, который безъ позволенія не могъ садиться въ ея присутствіи.

[2]) Урусовой, ур. Татищевой.

имъ и дорога! Il faut avoir un bon chez soi et bien manger, le reste on s'en passe plus ou moins. Катя a la rage des ouvrages en cire; elle ne fait que cela toute la journée, a Голицынъ Alexandre у нея подмастерье.

Je viens de chez le grand-duc Michel qui m'a reçu très amicalement dans son cabinet, m'a gardé presqu'une heure, a parlé beaucoup de Pétersbourg, de la colonne, du 30 Août, de Moscou etc. et m'a engagé demain à dîner chez lui. Ensuite j'ai été chez Goudovitz arranger la грамота de Костя, ensuite chez Filarète, qui m'a comblé de politesse et m'a reconduit jusqu'à l'antichambre; il m'a parlé de maman en disant un bien infini d'elle, et a ajouté: я надѣюсь, что княгиня *) успокоена на счетъ дѣла, о коемъ она мнѣ писала. Le grand-duc m'a conté beaucoup de choses drôles du cholèra. Mais je suis pressé de cacheter.

Москва, 10 Сентября 1832.

Старая княгиня Вольдемаръ пріѣхала вчера. Что значитъ человѣкъ прежнихъ временъ! Она настолько учтива, что, какъ только вышла изъ кареты, прислала благодарить меня за быстроту, съ какою ее обслуживали на почтахъ. Непремѣнно пойду къ ней сегодня вечеромъ и, если нужно, сыграю съ ней въ бостонъ и проиграю ей денегъ. Вѣроятно увижу князя Д. и скажу, что мы съ Дишкой были у него. Такъ какъ сію минуту получена почта, возьму пакеты на имя великаго князя, повезу ихъ ему самъ и такимъ образомъ представлюсь ему безъ церемоній. Его высочество былъ вчера вечеромъ у княгини Екат. Павлов. и сидѣлъ тамъ часа два. Утромъ я не засталъ его на завтракѣ у Башилова, который чуть не умеръ; ему поставили 40 піявокъ на животъ, теперь ему лучше. Мы день и ночь занимаемся устройствомъ дома; уборная мама уже готова и прелестна, Турецкая также на дняхъ поспѣетъ, будетъ хорошо, но увы! Какихъ денегъ это стоитъ? Туда имъ и дорога! Нужно хорошо ѣсть и имѣть свой хорошій уголъ, а безъ остальнаго можно болѣе или менѣе обойтись. У Кати чрезмѣрная страсть къ издѣліямъ изъ воска; цѣлый день она только это и дѣлаетъ, а Александръ Голицынъ у нея подмастерье.

Только что вернулся отъ в. к. Михаила Павловича, который принялъ меня очень дружески въ своемъ кабинетѣ, продержалъ около часа, много говорилъ о Петербургѣ, о колоннѣ, о 30-мъ Августѣ, о Москвѣ и проч. и позвалъ меня завтра обѣдать у него. Затѣмъ былъ я у Гудовича, чтобъ устроить грамоту Кости, затѣмъ у Филарета, который осыпалъ меня любезностями и проводилъ до передней; онъ разговаривалъ со мной о мама, говоря о ней безконечно много хорошаго и прибавилъ: я надѣюсь, что княгиня успокоена на счетъ дѣла, о коемъ она мнѣ писала. Великій князь разсказывалъ мнѣ много смѣшного о холерѣ, но я спѣшу запечатать письмо.

*

---

*) Княгиня Екатерина Алексѣевна Долгорукая, за сыномъ котораго была дочь А. Я. Булгакова.

Moscou le, 12 Mai 1833.

La vieille m-me Kazitzky est morte, c'est un deuil pour Pachkoff, mais cela n'epmêchera pas, je pense, à m-lle la demi-свѣтлѣйшая Dodo de devenir цѣлая свѣтлѣйшая, le jour fixé pour la noce [1]. On dit que m-me Kazitzky a beaucoup avantagé la Laval, vu qu'ils sont moins riches que la p-ce Béloselsky. Le pauvre Modène est expirant, il est tout enflé. On lui parla du piroscaphe qui doit l'emmener à l'étranger, à quoi il répondit: est-ce que vous me prenez pour un enfant, j'ai un plus grand voyage à faire. Il a fait son testament et paraît très résigné et *calme*. La cour, avec cette indifférence qui lui est si propre, pense déjà à son successeur. Voyons qui le remplacera, c'est une belle place. Habiter le palais Аничковъ sur la perspective, c'est une tres-belle perspective. Les uns croient que ce sera Gagarine Gregoire que l'Empereur a fait venir dîner chez lui à Peterhoff, d'autres que la place sera tout-à-fait abolie. Nous verrons. Mon frère songe déja à passer à la дача. La p-sse Zoé B. [2]) logera chez lui et occuppera mon appartement. Et si par le plus grand des hasards j'allai à Pétersbourg? J'ai écrit sur cela à mon frère que comme d'un côté il ne serait pas joli à moi de déloger une dame et comme il ne serait pas juste à la dame de déloger un frère, pour tout concilier nous occuperons ensemble la même chambre et coucherions dans le même lit. Alexis Orloff est arrivé à Constantinople le 23 Avril, il a été reçu comme un souverain. Le sultan a passé en revue nos troupes. Est-il galant ce Mahmed? En passant devant nos soldats, il a crié en très-bon Russe: здорово ребята! et on lui à répondu par des ура! L'amiral Roussin a eu beau se boucher les oreilles, il a fallu gober cette musique qui n'aura pas été du goût de l'ambassadeur du roi-citoyen. A propos de cela: vous faut-il des journaux? dìtes moi Дишка, *quels*? je vous les enverrai comme à la défunte comtesse [3]). Le p-ce Dm. et la p-sse Tatiana [4]) travaillent à terminer la guerre de Lopareff avec sa chère moité; il ne s'agit pas de racommodement, mais d'éviter ce procès scandaleux.

Le 13.

Vous voilà sur place en bonne santé; soignez vous, je vous en prie et point de.... Si vous faites comme la duchesse de Berry, je ferai comme

---

[1]) Это свадьба Евдокіи Петровны Сушковой (мать которой была Пашкова) съ графомъ Андреемъ Өедоровичемъ Растопчинымъ.

[2]) Багратіонъ.

[3]) Васильевой.

[4]) Т. е. Московскій генералъ-губернаторъ и его супруга.

le roi Philippe: je vous enfermerai dans une citadelle au pain et à l'eau. Il y a eu à Pétersbourg un duel entre un m-r Шалашниковъ et un officier aux gardes. Ш. est mort sur place, et l'autre aussi des suites de la blessure qu'il reçut au coeur; j'ignore le motif. Nicolas Pachkoff s'est oublié au point de dire à m-lle Catherine: cette petite fille résonne assez bien; j'ai dit à Катя de lui tourner le dos et ne jamais lui parler et si ce m-r ne se contente pas de cela, je lui dirai son fait. M-lle Alexandrine его ужасно ругала, mais que font des paroles à un cochon comme cela? Mercredi on a joué à la banque chez les Pachkoff, c'est m-r Рахмановъ qui taillait, quand je suis parti avec Катя. Serge perdait 1000 rbles, Firce 600, ainsi de suite. Si la vieille apprend cela, elle retombera malade de nouveau.

Москва, 12 Мая 1833.

Старуха Казицкая умерла, значитъ у Пашкова трауръ; но это, я думаю, не помѣшаетъ полусвѣтлѣйшей Додо сдѣлаться въ назначенный для свадьбы день цѣлой свѣтлѣйшей. Говорятъ, что Казицкая очень одарила Лавалей въ виду того, что они не такъ богаты какъ княгиня Бѣлосельская. Бѣдный Модэнъ умираетъ, онъ весь распухъ. Когда съ нимъ заговорили о пароходѣ, на которомъ онъ долженъ отплыть за границу, онъ отвѣтилъ: развѣ вы меня принимаете за ребенка, мнѣ предстоитъ болѣе далекое путешествіе, сдѣлалъ духовное завѣщаніе и имѣетъ видъ покорный и *спокойный*. Дворъ, со свойственнымъ ему равнодушіемъ, помышляетъ уже объ его преемникѣ. Посмотримъ, кто его замѣститъ; это прекрасное мѣсто: жить въ Аничковомъ дворцѣ на проспектѣ прекрасная перспектива. Одни думаютъ, что будетъ назначенъ Григорій Гагаринъ, котораго Государь позвалъ къ себѣ обѣдать въ Петергофъ; другіе, что мѣсто будетъ совсѣмъ упразднено. Увидимъ. Братъ уже думаетъ переѣхать на дачу. Кн. Зоя Б. поселится у него и будетъ занимать мое помѣщеніе, а если ненарокомъ я поѣхалъ бы въ Петербургъ? На это я написалъ брату, что такъ какъ съ одной стороны для меня было бы некрасиво выселить даму, а для дамы было бы несправедливо выселять брата, то, дабы все примирить, мы займемъ комнату оба вмѣстѣ и будемъ спать въ одной и той же кровати. Алексѣй Орловъ пріѣхалъ въ Константинополь 23-го Апрѣля и былъ принятъ поцарски. Султанъ сдѣлалъ смотръ нашимъ войскамъ. Какой любезный этотъ Махмедъ! Проходя мимо нашихъ солдатъ, онъ крикнулъ очень правильно по-русски: здорово ребята! а ему отвѣтили ура! Адмиралъ Руссенъ хоть и затыкалъ себѣ уши, а пришлось проглотить эту музыку, которая пришлась не по вкусу посланнику короля-гражданина. Кстати: нужны вамъ газеты? Дишка, скажи, *какія*? Я буду вамъ посылать ихъ, какъ посылалъ покойной графинѣ. Князь Дм. и княгиня Татьяна работаютъ надъ окончаніемъ войны Лопарева съ его дражайшей половиной; дѣло идетъ не о примиреніи, а объ избѣжаніи скандальнаго процесса.

13-е число.

Ну, вотъ ты на мѣстѣ, въ добромъ здравіи; берегись же, прошу тебя и чтобъ не было... Если ты поступишь какъ герцогиня de Berry, я поступлю какъ король Фи-

липпъ: запру тебя въ крѣпость на хлѣбъ и на воду. Въ Петербургѣ произошла дуэль между нѣкіимъ Шалашниковымъ и однимъ гвардейскимъ офицеромъ. Ш. умеръ на мѣстѣ, а тотъ отъ послѣдствій раны, полученной имъ въ сердце. Причина мнѣ неизвѣстна. Николай Пашковъ до того забылся, что сказалъ Катенькѣ: эта дѣвочка довольно правильно разсуждаетъ. Я сказалъ Катѣ уйти отъ него и никогда не говорить съ нимъ, а если онъ не удовольствуется этимъ, я выскажу ему всю правду. Alexandrine его ужасно ругала, но что̀ значатъ слова для такой свиньи? Въ Среду у Пашковыхъ играли въ банкъ. Когда я уѣзжалъ съ Катей, Рахмановъ спималъ, Сережа проигралъ 1000 рублей, Фирсъ 600 и такъ далѣе. Если старуха это узнаетъ, она снова заболѣетъ.

Moscou, le 17 Mai 1833.

Les détails de la mort de Modène sont touchants. Il est mort avec fermeté, en chrétien. Il a dit: si j'ai eu le malheur d'avoir des ennemis, soit que je l'ai mérité ou non, je leur pardonne et leur demande pardon aussi. Toute la famille impériale a été lui dire adieu, même l'Héritier, auquel il a donné de bons avis, usant des droits de tout homme sur le point de comparaître devant Dieu. Il a dit à l'Empereur: Après ma mort veuillez, Sire, recevoir une lettre que ma fille est chargée de vous remettre. On suppose que cela regarde André Pachkoff. Quand l'Empereur vint la dernière fois, Modène était mourant, ses yeux se fixaient tour à tour sur l'Empereur et Pachkoff avec un mouvement de tête, mais il ne pouvait plus parler. Cet Ange de Nicolas comprit ce que cela voulait dire; il daignâ prendre la main de Pachkoff et la secoua plusieurs fois devant le mourant. Sa mort a donc était douce, car il aura emporté avec lui l'espoir que son beau-fils est pardonné. Modène a fait venir tout le monde, même le chauffeur des poëles qui se jetta au pieds de son lit, lui baisant la main et lui disant adieu. Enfin je ne sais comment Modène a vécu, mais une mort comme celle-là est édifiante.

Ce qui occupe beaucoup Pétersbourg aussi, s'est la выставка, qui est superbe; dans le catalogue le drap de votre maman est en première ligne. То-то зачванится фабрикантша, surtout si cela lui vaudra la médaille. Écoutez un trait charmant. Je ne sais quelle nouvelle étoffe d'un marchand Кондрашовъ se trouvait aussi à l'exposition. Elle plut à l'Impératrice qui l'acheta. Vous savez que d'après la règle l'objet doit rester jusqu'a la fin de l'exposition et ne se rend à l'acheteur qu'après, mais l'exception fut faite en faveur de la Souveraine. En attendant, l'Empereur, enchanté des progrès de l'industrie, invita tous les marchands à venir dîner chez lui au palais, le 13. Figurez-vous la joie, le bonheur de Кондрашовъ en voyant l'Impératrice ayant une robe faite de son étoffe! Pour un homme qui a du sentiment une attention aussi délicate...

et de qui, mon Dieu,... de sa Souveraine! Le coeur du marchand ne se sentait pas de joie. Comment ne pas adorer des Souverains comme cela? L'Empereur devait partir la nuit du 15 au 16. Il paraît que la cour viendra ici en Septembre, car le 30 Août il y a donc l'inauguration de la colonne d'Alexandre; mais une grande nouvelle c'est que le prince Albert viendra passer quelque temps avec l'Impératrice. Я чаю, и сюда привезутъ.

Москва, 17 Мая 1833.

Подробности кончины Модэна трогательны. Онъ умеръ стойко, настоящимъ христіаниномъ, сказавъ: если, къ несчастію, были у меня враги, виноватъ ли я въ этомъ, нѣтъ ли, прощаю ихъ и прошу у нихъ прощенія. Вся царская фамилія ѣздила къ нему прощаться, даже Наслѣдникъ, которому онъ далъ добрые совѣты, воспользовавшись положеніемъ человѣка, готоваго предстать предъ Богомъ. Государю онъ сказалъ: ваше величество, соблаговолите послѣ моей смерти принять письмо, которое моя дочь должна вамъ передать. Предполагаютъ, что оно касается Андрея Пашкова; когда Государь пришелъ въ послѣдній разъ, Модэнъ умиралъ; движеніемъ головы глаза его останавливались то на Государѣ, то на Пашковѣ, а говорить онъ уже не могъ. Но этотъ Ангелъ Николай понялъ, что это значило; онъ изволилъ взять руку Пашкова и нѣсколько разъ потрясъ ее передъ умирающимъ. И такъ смерть его была спокойная, ибо онъ уносилъ съ собой надежду, что зять его прощенъ. Модэнъ всѣхъ призвалъ, даже истопника, который бросился къ его постели, цѣлуя ему руки и прощаясь съ нимъ. Однимъ словомъ, не знаю, какъ Модэнъ провелъ жизнь, но подобная кончина назидательна. Что еще занимаетъ Петербургъ, это выставка, которая безподобна; въ каталогѣ сукно вашей мамы занимаетъ первое мѣсто. То-то зачванится фабрикантша! Особенно если получитъ за него медаль. Послушайте прелестное происшествіе. Не знаю, какая новая матерія нѣкоего купца Кондрашова находилась также на выставкѣ. Она понравилась Императрицѣ, которая и купила ее. Вы знаете, что, по правиламъ, предметъ долженъ оставаться до конца выставки и отдается покупателю только потомъ, но для Государыни было сдѣлано исключеніе. Между тѣмъ, Государь, будучи въ восторгѣ отъ успѣховъ промышленности, пригласилъ всѣхъ купцовъ къ себѣ на обѣдъ, 13-го числа. Вообразите радость и счастье Кондрашова, когда онъ увидѣлъ Императрицу въ платьѣ, сшитомъ изъ его матеріи! Для человѣка чувствительнаго такое тонкое вниманіе... и отъ кого, Боже мой?.... отъ его Государыни! Купецъ былъ внѣ себя отъ радости. Ну какъ же не боготворить такихъ монарховъ? Государь долженъ былъ уѣхать въ ночь съ 15 на 16. Кажется дворъ пріѣдетъ сюда въ Сентябрѣ, такъ какъ, вѣдь, 30 Августа будетъ освященіе Александровской колонны. А вотъ большая новость, что принцъ Альбертъ пріѣдетъ провести нѣкоторое время съ Императрицей.

Moscou, le 20 Mai 1833.

L'Empereur est partit la nuit du 15 pour sa tournée, qui sera de 15 jours, de Reval S. M. reviendra à Pétersbourg par eau. L'Impératrice va à Élaguine. On ne parle que de l'exposition et de grand dîner que

l'Empereur a donné au château aux marchands; il y avait des ремесленники et même des paysans. S. M. I. fit asseoir à sa gauche le marchand Рыбниковъ. C'était beau, dit-on, de voir toutes ces barbes, l'Empereur se levant et buvant à la santé des marchands Russes, l'Impératrice parée d'une étoffe de l'invention de Кондрашовъ et qu'elle n'avait acheté que la veille à l'exposition. Il y a 4 nouveaux sénateurs: Damien Kotchoubey, Svinine (du Conseil), le gouverneur Loubianovsky et le 4/me... devinez? le fâmeux Boutourline! Полно ему après coup предсказывать что было, полно ему геройствовать, командовать изъ кабинета; à présent il va faire le scribe. Cela me fait voir que la faveur pour lui n'est pas très grande, car ce m-r visait à bien autre chose. Le comte Alexis Tolstoy s'était proposé pour épouser m-lle Kombourley. M-r Boutourline pour ne pas se donner pour bâttu dit: найдемъ, батюшка, другого и безъ васъ: и толстаго, и графа.

Москва, 20 Мая 1833.

Государь отправился въ ночь на 15-е въ объѣздъ, который продолжится 2 недѣли. Изъ Ревеля его величество вернется въ Петербургъ моремъ. Императрица ѣдетъ на Елагинъ. Только и говорятъ объ выставкѣ и о большомъ обѣдѣ, данномъ Государемъ купцамъ во дворцѣ; были тамъ ремесленники и даже крестьяне. Государь посадилъ по свою лѣвую сторону купца Рыбникова. Говорятъ, красиво было видѣть всѣхъ этихъ бородачей, Государя, встававшаго и пившаго за здоровье Русскихъ купцовъ, Императрицу, одѣтую въ матерію изобрѣтенія Кондрашова, которую она купила лишь наканунѣ, на выставкѣ. Четыре новыхъ сенатора: Демьянъ Кочубей, Свиньинъ (изъ Совѣта) губернаторъ Лубяновскій и 4-й, отгадайте кто? знаменитый Бутурлинъ! теперь онъ будетъ изображать изъ себя писаку. Въ этомъ усматриваю, что благоволеніе къ нему не очень велико, такъ какъ милостивый государь мѣтилъ совсѣмъ на другое. Графъ Алексѣй Толстой намѣревался жениться на дѣвицѣ Комбурлей... Бутурлинъ, чтобы не показаться пораженнымъ, сказалъ...

Moscou, le 6 Juin 1833.

Le prince Léon *) part pour Шеметово, c'est une живая грамота et puis si Dieu le veut, Samedi je me métamorphoserai moi-même en живая грамота; néanmoins je ne résiste pas à la tentation de vous dire deux mots, mes chers et bons enfants. J'aime à croire que vous avez un tems dans le genre du notre: beau, serein, un tems de Naples, vous jouissez de la campagne. Olga devient replète et Катя halée comme une Bohemienne; Дишка exterminant tous les animaux qui courent, et la p-sse-maman toujours bonne, toujours calme. Je lui baise les mains et lui envoie une provision de petites figures pour coler. Что вамъ сказать? J'ai un charmant billet de la charmante Suédoise, qui me remercie de lui avoir annoncé que LL. MM., lors de leur séjour à Hélsinfors, ont daigné nommer sa soeur d-lle d'honneur, et y eu là un très joli bal, et l'Impé-

*) Радзивилъ.

ratrice y a dansé et admiré la quantité de jolies femmes qu'il y a. Le prince Albert est attendu pour le 8. La fete du 1-er Juillet à Péterhoff sera magnifique et coûtera 100 milles roubles. On dit que le prince Albert viendra ici avec LL. MM., de sorte que je ne conseille pas à Catherine de trop hâler et devenir paysanne. О скачкѣ вамъ разскажетъ князь Левъ. C'était beau sous le rapport des hommes, mais pas des chevaux. Московская обѣжала Петровскую на пол-аршина, а Казакъ и Жихаревской остались совсѣмъ назади.

Москва, 6 Іюня 1833.

Князь Левъ ѣдетъ въ Шеметово; это живая грамота, а затѣмъ, если Богу угодно будетъ, въ Суботу я и самъ превращусь въ живую грамоту; тѣмъ не менѣе не противлюсь искушенію сказать вамъ, дорогія мои дѣти, два слова. Хочу вѣрить, что вы наслаждаетесь деревней, что Ольга становится пухленькой, а Катя загорѣла какъ Цыганка, что Дишка истребляетъ всѣхъ попадающихся ему животныхъ, а княгиня-мать всегда добра и спокойна. Цѣлую ея ручки и посылаю ей множество маленькихъ фигуръ для наклеванія. Что вамъ сказать? Я получилъ прелестную записку отъ прелестной Шведки, которая благодаритъ меня за то, что сообщилъ ей, что во время своего пребыванія въ Гельсингфорсѣ ихъ величества изволили назначить сестру ея фрейлиной и что тамъ былъ прелестный балъ, на которомъ Императрица танцовала и любовалась большимъ количествомъ красивыхъ дамъ, бывшихъ на немъ. Принца Альберта ждутъ къ 8-му числу. Празднество 1-го Іюля въ Петергофѣ будетъ великолѣпно и будетъ стоить 100 тысячъ. Говорятъ, что принцъ Альбертъ прибудетъ сюда съ ихъ величествами, такъ что не совѣтую Катенькѣ слишкомъ загорать и стать деревенщиной. О скачкѣ вамъ разскажетъ князь Левъ. Было красиво въ смыслѣ людей, но не въ смыслѣ лошадей.

Moscou, le 18 Juin. 1833.

Le pauvre Wolkoff est mort hier à deux heures du matin sous mes yeux. Il a fallu envoyer chercher sa femme, qui était à la campagne, lui annoncer qu'il était sans espoir, voir ses terribles adieux. Mikwitz a craint pour elle, car elle l'avait vu la veille assez bien et promenant dans le jardin . . . Elle a pleuré en le voyant, et tout s'est passé mieux qu'on ne pouvait espérer. A midi il me reconnut encore et m'embrassa, d'horribles vomissements produisirent l'inflammation dans le ventre, la gangrêne s'y mit. Vers le soir il perdit connaissance, tous ses membres étaient froids et paralysés, et il vécut dans cet état quelques heures. On l'enterre Dimanche à Simonoff. Vous pouvez vous imaginer ma douleur. Voilà un ami de mon enfance que je perds; mais laissons là cette triste conversation.

Ce n'est qu'aujord'hui que j'ai pu enfin aller faire ma visite au p-ce Kotchoubey et à m-r Dachkoff qui m'ont reçu avec beaucoup

d'amitié; le premier se rasait, et cependant il me reçut et me retint chez lui tout le temps de sa toilette. Il m'a demandé des nouvelles du domino rose *) et la p-sse de vous, Catherine. Dachkoff part demain, et le fameux Chernichoff aussi. La p-sse Woldemar et la p-sse Stroganoff viennent d'arriver. Nous attendions la grande-duchesse pour Lundi à dîner d'après le marcheroute que mon frère m'a envoyé, et aujourd'hui il m'écrit que le voyage est contremandé et remis on ne sait pour quand. On se dit à l'oreille qu'il y a quelque soupçons de grossesse; il faut donc que la chose s'éclaircisse. Espérons un petit grand-duc, puisqu'il y a grand complet de g-des-duchesses, et moi qui avait travaillé sans relâche au paravent, qui est devenu véritablement un bijou, une perfection! Maman a été enchanté. Que vous dire encore? La pauvre Scariatine Ozéroff est très mal. Ofrosimoff est tout superbe, il a gagné son procès contre Kokochkine et veut aller à Троица prier Dieu, je l'engage à vous faire une visite. Rien dans les feuilles publiques sinon le départ de la duchesse de Berry; elle s'est embarquée pour Palerme.

Москва, 18 Іюня 1833.

Бѣдный Волковъ скончался вчера въ два часа утра на моихъ глазахъ. Пришлось послать за его женой, которая была въ деревнѣ, объявить ей, что онъ безнадеженъ, видѣть это ужасное прощаніе. Миквицъ боялся за нее, такъ какъ наканунѣ она его видѣла въ довольно хорошемъ состояніи гуляющимъ въ саду. Она заплакала увидавъ его, и все обошлось лучше, чѣмъ можно было ожидать. Въ 12 часовъ дня онъ еще узналъ меня и поцѣловалъ, ужасная рвота произвела воспаленіе брюшины, сдѣлался Антоновъ огонь. Къ вечеру онъ потерялъ сознаніе, всѣ члены похолодѣли и парализовались, и въ такомъ состояніи онъ прожилъ нѣсколько часовъ. Его хоронятъ въ Воскресенье въ Симоновомъ монастырѣ. Вы можете вообразить себѣ мое горе. Я теряю друга дѣтства; но оставимъ этотъ грустный разговоръ. Только сегодня могъ, наконецъ, сдѣлать визиты князю Кочубею и Дашкову, которые приняли меня очень ласково; первый брился и тѣмъ не менѣе принялъ меня и не отпускалъ отъ себя пока не кончилъ одѣваться. Онъ спрашивалъ меня о розовомъ домино, а княгиня о тебѣ, Катенька. Дашковъ уѣзжаетъ завтра и знаменитый Чернышевъ тоже. Княгиня Woldemar и княгиня Строганова только что пріѣхали. Мы ждали великую княгиню въ Понедѣльникъ къ обѣду, по маршруту, который мнѣ прислалъ братъ, а сегодня онъ пишетъ, что поѣздка отмѣнена и отложена неизвѣстно на когда. Говорятъ другъ другу на ухо, что есть нѣкоторые признаки беременности, такъ нужно, чтобы дѣло выяснилось. Будемъ ожидать маленькаго вел. князя, такъ какъ великихъ княженъ уже большое число есть. А я то безъ отдыха работалъ надъ ширмой, которая вышла игрушечкой, совершенствомъ. Мама пришла въ восхищеніе. Что вамъ еще сказать? Бѣдная Скарятина-Озерова очень плоха. Офросимовъ безподобенъ, онъ выигралъ свой процессъ съ Кокошкинымъ и хочетъ ѣхать къ Троицѣ Богу молиться, я приглашаю его заѣхать къ вамъ. Въ газетахъ нѣтъ ничего кромѣ отъѣзда герцогини де Берри, она отправилась на пароходѣ въ Палермо.

---

*) „Розовымъ домино" звали княгиню О. А. Долгорукую, къ которой эти письма писаны.

ПИСЬМО ЦЕСАРЕВИЧА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА КЪ П. В. БАКУНИНУ.

Петръ Васильевичъ.

За долгъ свой почитаю теперь по совершеніи благополучія своего изъявить вамъ благодарность свою за попеченіе и труды приложенные вами во время переписки о женидьбѣ моей; оная составляетъ все благополучіе мое, и такъ не могу не почесть васъ отъ части содѣйствовавшимъ и спомогшимъ къ совершенію онаго. Желалъ бы конечно показать вамъ, что я чувствую все, что̀ вы для меня сдѣлали инымъ чѣмъ какъ письмомъ, но это единое средство имѣю въ своихъ рукахъ. И такъ прошу васъ, чтобы вы оное почли знакомъ наибольшимъ дружбы моей къ себѣ, которую пріобрѣли совершенно теперь тѣмъ, что̀ вы для меня сдѣлали. Исполняя то чѣмъ почитаю быть должнымъ вамъ, пребываю навѣки вашимъ другомъ—Павелъ.

С.-Петербургъ, Октября 11 дня 1773 года.

Въ конвертѣ безъ адреса, запечатанномъ по сургучу печатью и императорскимъ двуглавымъ орломъ, на груди коего гербы Россійскій и Дармштатскій, цѣпь ордена Св. Андрея и два ордена на лентахъ.

МОГИЛА ПОСЛѢДНЯГО ГЕНЕРАЛЪ-ПРОКУРОРА.

Въ Ригѣ, въ концѣ Мирной улицы, за городомъ, рядомъ съ Лютеранскимъ кладбищемъ расположилось и Православное, Покровское. На кладбищѣ этомъ, на ряду съ Русскими и Славянскими надписями, на могильныхъ памятникахъ встрѣчается немало и Нѣмецкихъ, напримѣръ: „Erbegräbniss der Familie Blumberg“ (Фамильная могила семейства Блумбергъ); „Hier ruht in Gott Dimitri Dimitrievitsch“ (т. е. Здѣсь въ Бозѣ почиваетъ Димитрій Димитріевичъ); или на одной сторонѣ памятника: „Покойся милый прахъ“ и т. д., а на оборотной почти тоже самое на Нѣмецкомъ языкѣ: „O ruh in Gott“ и пр. Одного языка какъ-будто было недостаточно для выраженія скорби.

На этомъ кладбищѣ, рядомъ съ церковью, справа отъ входа въ нее, находится могила одного изъ выдающихся Русскихъ государственныхъ дѣятелей конца XVIII и начала XIX столѣтія, *Александра Андреевича Беклешова*.

Беклешовъ происходилъ изъ дворянъ Псковской губерніи; род. 1 Марта 1745 г.; участвовалъ въ походѣ графа Орлова противъ Турокъ, въ десантѣ на островахъ Негропонтѣ и Мителенѣ и при взятіи и сожженіи строившихся тамъ кораблей (1771 г.); былъ затѣмъ губернаторомъ въ Ригѣ, генералъ-губернаторомъ Орловскаго и Курскаго намѣстничествъ, военнымъ губернаторомъ Каменецъ-Подольска, затѣмъ Кіева. Въ 1799 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ и генералъ-прокуроромъ, а въ началѣ 1800 г. уволенъ отъ службы. Александръ I, по вступленіи на престолъ, вызвалъ Беклешова снова на службу и 16 Марта 1801 г. назначилъ снова генералъ-прокуроромъ. 8 Сентября

1802 г. Беклешовъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, оставилъ мѣсто генералъ-прокурора, „заключивъ рядъ государственныхъ чиновъ, по случаю учрежденія Министерства Юстиціи*). Въ 1804 году онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москву, а въ 1806 г., по разстроенному здоровью, вышелъ въ отставку. Въ слѣдующемъ году, когда Россіи предстояла борьба съ Франціей, его избрали главнокомандующимъ второю областью земскаго войска, состоявшею изъ Прибалтійскихъ и Псковской губерній, и это его послѣдняя служба: 24 Іюля 1808 г. онъ скончался.

Это былъ даровитый человѣкъ и опытный правитель. По словамъ графа Е. Ѳ. Комаровскаго, „Александръ I признавалъ Беклешова съ Трощинскимъ, по опытности ихъ въ дѣлахъ, знающими болѣе всѣхъ государственныхъ чиновниковъ". М. М. Сперанскій, служившій экзекуторомъ въ генералъ-прокурорской канцеляріи въ бытность Беклешова генералъ-прокуроромъ и получившій, по его ходатайству, чинъ статскаго совѣтника, впослѣдствіи во время своей ссылки въ Перми, въ бесѣдахъ съ купцомъ Поповымъ, говорилъ о четырехъ генералъ-прокурорахъ, у которыхъ служилъ: „Беклешовъ былъ ихъ всѣхъ умнѣе, но и всѣхъ несчастнѣе; ему ничего не удавалось". Ѳ. В. Растопчинъ упрекалъ Беклешова „въ падкости дѣйствовать на ладъ филантропамъ". И. М. Снѣгиревъ называетъ Беклешова „человѣкомъ умнымъ, справедливымъ, но вспыльчивымъ". Въ „Энциклопедическомъ лексиконѣ" Плюшара (т. V) о Беклешовѣ, читаемъ: „Сей вѣрный сынъ отечества и усердный слуга монарховъ былъ одаренъ необыкновенною проницательностью ума и рѣдкою способностію ко всѣмъ дѣламъ государственной службы; онъ былъ неутомимъ въ трудахъ, безпристрастенъ и безкорыстенъ, по необыкновенной, высокой правотѣ и добродушію".

На могилѣ Беклешова поставленъ памятникъ изъ сѣраго и бѣлаго мрамора. На западной сторонѣ памятника вырѣзанъ рельефный портретъ Беклешова, а на восточной вырѣзанъ гербъ Беклешовыхъ; на сѣверной же и южной сторонахъ надписи. На сѣверной кратко изложена его служба, а на южной цѣлая, можно сказать, ода, а именно:

„Въ гробѣ Беклешовъ здѣсь тѣломъ почиваетъ,
Но разумомъ своимъ безсмертенъ пребываетъ
Онъ въ мирѣ и въ войнѣ Отечеству служилъ,
Героемъ на моряхъ противъ Сарациновъ былъ,
Искусствомъ обладалъ какъ править областями,
Усердствовалъ царямъ и былъ любимъ царями,
Богатства не искалъ, мздоимства не терпѣлъ,
Не властью, а умомъ почтенье пріобрѣлъ.
Науки самъ любилъ и уважалъ ученыхъ,
Заслугъ имѣлъ самъ тьму, но чтилъ и заслуженныхъ.
Кто честность, нравы, умъ въ семъ мужѣ точно зналъ
Тотъ Беклешовымъ быть сердечно бъ пожелалъ".

Въ Ригѣ существуютъ археологическія общества: Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands и Комитетъ епархіальнаго церковно-археологическаго музея. Эти общества, безъ сомнѣнія, обратятъ вниманіе на памятникъ надъ могилою послѣдняго генералъ-прокурора и примутъ мѣры къ защитѣ его отъ руки вандаловъ и всегубительнаго времени.

М. И. Успенскій.

---

*) Энциклопедическій лексиконъ Плюшара, т. V, стр. 202.

ПИСЬМО КНЯЗЯ В. Ѳ. ОДОЕВСКАГО КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

(1839).

Гдѣ вы, дядюшка? Насилу васъ Богъ принесъ! Когда мы съ вами увидимся, Богъ вѣсть; ибо я совсѣмъ замученъ моимъ головнымъ ревматизмомъ и ѣду на 4 недѣли въ Ораніенбаумъ купаться; для сего мы наняли на горѣ домъ Шуберта. Мы васъ ждали какъ утѣшителя, какъ избавителя. Когда говорю—мы, то понимаю наши толстыя Отечественныя Записки. Читали ли вы ихъ? Что́ будетъ отъ васъ? По головкѣ или головомытіе? По крайней мѣрѣ мы служимъ вѣрою и правдою, книжки выдаемъ толстыя и всегда къ сроку, ни съ кѣмъ не бранимся и никому не отвѣчаемъ. Публика не перестаетъ подписываться, и до сихъ поръ у насъ подписчиковъ около 1500, и не прерывается подписка ни на недѣлю. Но вотъ что плохо: намъ надобно 2000 подписчиковъ, чтобы быть дома; на будущій годъ и даже къ концу года надѣемся имѣть ихъ, но до тѣхъ поръ? Свои деньги, что́ у насъ было, у меня, у Краевскаго и у Врасскаго, мы высыпали, а больше нѣтъ: между тѣмъ наборщики, фабриканты и авторы, и переводчики требуютъ денегъ тотчасъ, и слѣдственно дѣло плохо. Мы это предвидѣли и потому собрали вначалѣ еще нѣсколько денежныхъ участниковъ; они подписали условіе, но когда увидѣли, что дѣло у насъ хорошо пошло, то не разсудили дать денегъ. Мы трое внесли свое, а съ другими не процессъ же заводить? Дядюшка! Помогите и помогите отъ души, потому что дѣло задушевное; отъ 5 до 10 тысячь насъ подниму́тъ на ноги, а мы ихъ вамъ возвратимъ, при началѣ подписки, т. е. въ Ноябрѣ; ибо намъ труденъ былъ только этотъ годъ: много было экстраординарныхъ издержекъ. Краевскій, комендантъ этой крѣпости, построенной на защиту отъ Татаръ и Поляковъ, будетъ къ вамъ и объяснитъ положеніе осажденныхъ всѣми возможными канальствами. Выслушайте его, дядюшка, и помогите. Дѣло не на вѣтеръ; мы трое: я, Краевскій и Врасскій за то вамъ отвѣчаемъ своею подписью. Если не будетъ помощи отъ васъ, то принуждены будемъ изданіе прекратить, и торговая братія захлопаетъ въ ладоши, а честнымъ людямъ будетъ жаль, ибо нашъ подрывъ докажетъ, что въ Россіи ни одинъ честный журналъ существовать не можетъ.

А между тѣмъ и то намъ грустно, что никто изъ *старшихъ* не порадовалъ насъ ни строчкою, а вороговъ нашихъ кормитъ не скупо! Что тутъ будешь дѣлать? По сему предмету мы толковали съ Вяземскимъ; онъ вамъ поразскажетъ, какъ порядочныхъ людей употребляютъ вмѣсто крючковъ, на которыхъ вѣшаютъ всякую пакость.

Вотъ вамъ, дядюшка, грустное, скучное, злое и длинное письмо. Что́ дѣлать? Въ дугу согнули! Что бы вамъ изъ Петергофа заглянуть въ Ораніенбаумъ? У насъ будетъ чѣмъ накормить, напоить и куда на ночь уложить. Вашъ грустникъ князь В. Одоевскій.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ БОГОЛѢПОВЪ.

I. Его записка о самомъ себѣ.

Я родился въ 1846 году 27 Ноября въ городѣ Серпуховѣ Московской губерніи. Отецъ мой происходилъ изъ духовнаго званія, служилъ въ Серпуховѣ квартальнымъ надзирателемъ. Мать моя, Нѣмка по происхожденію, по воспитанію Русская. Самъ я православнаго исповѣданія. Свѣдѣнія мои о восходящихъ родственникахъ не идутъ далѣе прадѣдовъ. Ничего выдающагося въ какомъ-либо отношеніи я о нихъ не знаю.

Отецъ мой, уже давно умершій, по его собственнымъ словамъ, былъ воспитанъ на мѣдные гроши. Принимая во вниманіе это обстоятельство, а также и невысокую степень умственнаго и нравственнаго развитія окружавшаго его уѣзднаго общества, я думаю, что онъ обладалъ недюжиннымъ характеромъ. Вспоминая теперь его открытый, симпатичный обликъ, я могу отмѣтить въ немъ: сильно развитое чувство долга, безстрашіе въ опасностяхъ служебной дѣятельности и частной жизни, строгость къ подчиненнымъ, не исключая и своихъ дѣтей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и большую доброту, которая выражалась между прочимъ въ томъ, что онъ съ очень ранней юности и до конца своихъ дней былъ помощникомъ многочисленной нуждающейся родни.

Мать моя*) получила нѣсколько бо́льшее образованіе, чѣмъ отецъ. Она была первою моею учительницей по всѣмъ предметамъ начальнаго образованія. Для дальнѣйшаго обученія моего и моихъ братьевъ и сестеръ былъ приглашенъ лучшій въ городѣ учитель, Митрофановъ, самъ учившійся въ Московской гимназіи и, если не ошибаюсь, на филологическомъ факультетѣ Московскаго университета въ Строгановскія времена. Помню, что уроки его были и интересны и серьезны. Онъ систематически возставалъ противъ неосмысленнаго заучиванія уроковъ, которое тогда было въ большомъ ходу. Я считаю себя очень обязаннымъ этому почтенному и доброму, хотя и строгому, учителю. Во время

*) Эмилія Карловна, урожд. Фильгаберъ, скончалась въ Москвѣ, когда сынъ ея уже былъ министромъ. П. Б.

домашняго ученія я былъ очень лѣнивъ. Я оцѣнилъ его пріемы преподаванія позже, въ гимназіи, когда могъ сравнивать свою подготовку съ подготовкою другихъ учениковъ. Одиннадцати лѣтъ я поступилъ въ первую Московскую гимназію во второй классъ пансіонеромъ. Долгое время, года три, я не могъ примириться съ казарменной, холодной обстановкой тогдашней пансіонской жизни. Мои товарищи, какъ цыплята, бичевали другъ друга и особенно болѣе слабыхъ, и мнѣ доставалась таже доля, правда, не худшая чѣмъ другимъ. Хотя мнѣ подчасъ было очень горько, особенно первое время послѣ полной участія семейной жизни, однако благоразумная суровость отцовскаго режима и строгость учителя Митрофанова помогли мнѣ перенести это время безъ отчаянія. Я подтянулся, сосредоточился и послѣ первыхъ двухъ мѣсяцевъ былъ посаженъ въ классѣ первымъ ученикомъ.

Когда я пріѣхалъ въ первый разъ домой на Рождественскія вакаціи, отецъ вообще былъ доволенъ моими успѣхами по ученію и поведенію, но только съ нѣкоторымъ упрекомъ спросилъ меня: «а зачѣмъ тутъ стоятъ двѣ четверки?» Съ тѣхъ поръ чѣмъ старше я становился, тѣмъ рѣже давалъ ему поводъ дѣлать мнѣ этотъ упрекъ.

Шесть лѣтъ гимназическаго ученія и пансіонской жизни протекли однообразно. На Рождественскія, пасхальныя и лѣтнія вакаціи я ѣздилъ на родину, а остальные праздники проводилъ или въ пансіонѣ, гдѣ всегда очень скучалъ, или у родныхъ, случайно пріѣзжавшихъ въ Москву или жившихъ въ ней постоянно. Послѣдніе были добрые люди, старавшіеся по своему сдѣлать пріятнымъ мой праздничный отдыхъ; но общество, которое я встрѣчалъ у нихъ, представляло для мальчика и юноши примѣры не достойные подражанія. Вѣроятно чистота и строгость жизни моей родительской семьи спасли меня отъ увлеченія этими примѣрами.

По мѣрѣ того какъ я переходилъ въ высшіе классы, я крѣпъ физически и умственно и все чаще изъ положенія обижаемаго переходилъ въ положеніе обороняющагося, а иногда и нападающаго. Товарищи стали говорить про меня: «изъ-подъ тишки рветъ шишки». Противъ этого недостатка впослѣдствіи я долженъ былъ много бороться.

Среди гимназическихъ учителей особенно старшихъ классовъ было много способныхъ и преданныхъ дѣлу. Въ своемъ умственномъ развитіи я много обязанъ имъ. Учитель исторіи Собчаковъ *) развилъ охоту къ серьезному чтенію, а учитель русской словесности М. И. Студени-

*) О Владимирѣ Ивановичѣ Собчаковѣ см. „Русскій Архивъ“ 1865, стр. 1037. П. Б.

ковъ своими логическими разборами научилъ какъ надо читать серьезныя сочиненія. В. В. Григорьевъ, Я. П. Вейнбергъ преподаваніемъ естественной исторіи и физики открыли глаза на міръ, который окружалъ меня, но оставался до тѣхъ поръ непонятнымъ и неинтереснымъ. В. Г. Мальмъ, преподававшій Латинскій языкъ, научилъ отчетливости въ работѣ.

Въ концѣ моего ученія въ гимназіи умеръ мой отецъ. Я остался старшимъ изъ братьевъ и долженъ былъ самъ впредь заботиться о своемъ существованіи, а затѣмъ и о поддержкѣ матери и младшихъ братьевъ и сестеръ. Я началъ давать уроки. Теплое участіе въ моей судьбѣ принялъ директоръ первой гимназіи, Михаилъ Аѳан. Малиновскій, который въ самые трудные для меня годы, доставляя уроки, очень облегчилъ мнѣ борьбу съ нуждой. Даже въ этой краткой біографіи я обязанъ вспомнить о покойномъ съ горячей благодарностью.

По окончаніи курса въ гимназіи въ 1864 г. съ золотой медалью я вступилъ въ Московскій университетъ на юридическій факультетъ. Я былъ одинокъ въ Москвѣ и потому легко могъ поддаться тѣмъ вреднымъ для ума и сердца искушеніямъ, которымъ и донынѣ подвергаются молодые люди, попадающіе въ большой городъ, гдѣ у нихъ нѣтъ знакомыхъ хорошихъ семейныхъ домовъ. Но судьба была очень благосклонна ко мнѣ. М. А. Малиновскій, въ самомъ началѣ моей студенческой жизни, рекомендовалъ меня въ качествѣ учителя въ домъ князя А. К. Ливенъ, въ то время сенатора въ одномъ изъ Московскихъ департаментовъ Сената. Въ этой семьѣ я встрѣтилъ такіе великіе образцы благородства и нравственной силы, что надолго былъ застрахованъ отъ всякаго дурного вліянія. Не говоря о другихъ дорогихъ для меня связяхъ съ этой семьей, я думаю, что мой нравственный складъ былъ бы иной безъ ея вліянія. Для моего научнаго образованія университетскіе годы принесли меньше пользы, чѣмъ можно было бы ожидать, несмотря на то, что у насъ было немало ученыхъ и даровитыхъ профессоровъ. Нашъ курсъ былъ такъ многолюденъ, что профессора должны были ограничиться чтеніемъ лекцій, бѣглымъ просмотромъ нашихъ сочиненій и поверхностнымъ экзаменомъ изъ прочитаннаго курса. Это преподаваніе могло дать намъ много свѣдѣній, но мало учило насъ—какъ приниматься за научную работу. Робость и неясное пониманіе цѣлей университетскаго ученія мѣшали мнѣ обращаться къ профессорамъ съ прямой просьбой задавать мнѣ какія-нибудь работы, провѣрять ихъ и вообще систематически руководить моими занятіями. Больше всего меня привлекали лекціи Б. Н. Чичерина — частью спокойной объективной

оцѣнкою различныхъ вопросовъ государственнаго права, частью личностью самого профессора, который представлялся мнѣ идеаломъ ученаго, гражданина-джентльмена. По его указанію я изучилъ нѣкоторыя, правда немногія, сочиненія по исторіи политическихъ ученій и по общему государственному праву. Кромѣ того до́ма я постоянно что-нибудь читалъ, но безъ всякаго руководства и плана и потому безъ осязательнаго результата. На послѣднемъ курсѣ я писалъ на заданную факультетомъ тему (на медаль) «объ обычномъ правѣ». Сочиненіе мое было забраковано факультетомъ, и совершенно справедливо. Не говоря уже о непосильной для студентовъ темѣ, я работалъ не спросивъ ни у кого совѣта, руководясь только проспектомъ, даннымъ профессоромъ и спискомъ указанныхъ имъ сочиненій. Я обратилъ все свое вниманіе на разрѣшеніе вопроса о происхожденіи права, безъ котораго ученіе объ обычномъ правѣ казалось мнѣ невозможнымъ и, разумѣется, этого не разрѣшилъ.

По окончаніи курса въ университетѣ въ 1868-мъ году, я поступилъ на службу въ уголовный департаментъ Московскаго Сената, гдѣ оставался однако не долго. Канцелярская атмосфера была мнѣ крайне несимпатична, а въ тоже время профессора Капустинъ и Никольскій, узнавъ, что я сталъ заниматься Римскимъ правомъ, предложили мнѣ остаться при университетѣ на каѳедрѣ гражданскаго права. Весною 1869-го года я оставилъ службу въ Сенатѣ и приступилъ къ изученію Римскаго права. Такъ какъ профессоръ Крыловъ въ этомъ году вышелъ въ отставку, то моими занятіями руководилъ профессоръ Никольскій, который потребовалъ, чтобы я изучалъ пандекты непремѣнно въ связи съ чтеніемъ «Corpus juris civilis». Не смотря на то, что работа эта по моей неподготовленности была очень трудна, я очень благодаренъ покойному профессору за его требованіе знакомиться прежде всего съ самымъ предметомъ, а потомъ уже съ объясненіемъ его. Профессоръ Крыловъ далъ совершенно обратный совѣтъ: сначала изучить лучшія современныя сочиненія по Римскому праву, а потомъ уже обратиться къ источникамъ, какъ онъ выразился картинно, «разбросать цвѣтки по распаханному полю».

Въ другихъ отношеніяхъ профессоръ Никольскій, какъ я вижу теперь, былъ плохимъ руководителемъ, потому, что онъ совсѣмъ не настаивалъ на изученіи исторіи Римскаго права и даже не указалъ, какими литературными пособіями и источниками я могъ бы воспользоваться.

Одновременно съ оставленіемъ при университетѣ, я былъ приглашенъ репетиторомъ въ Военное Александровское Училище по курсу

законовѣдѣнія, которое читалъ имъ профессоръ университета Капустинъ. Года два спустя, когда профессоръ Капустинъ былъ назначенъ директоромъ Ярославскаго Юридическаго Лицея, я взялъ на себя чтеніе лекцій законовѣдѣнія, для чего мнѣ пришлось заняться и общими вопросами науки права и уголовнымъ правомъ и военно-уголовными законами.

По окончаніи магистерскаго экзамена я былъ приглашенъ юридическимъ факультетомъ Московскаго университета осенью 1873-го года къ чтенію со студентами перваго курса Институцій Юстиніана. Этому чтенію я предпослалъ историческій очеркъ источниковъ Римскаго права. Въ томъ же году осенью я долженъ былъ дочитать студентамъ четвертаго курса то, что не успѣлъ докончить профессоръ Крыловъ по системѣ Римскаго права. Въ послѣдующіе годы я получилъ порученіе читать курсъ исторіи Римскаго права, не оставляя курса Институцій. Эти два курса отнимали у меня много времени, такъ что моя магистерская диссертація была готова только къ 1876-му году. Знакомство съ сочиненіемъ Voigt'a Das jus naturale, aequum et bonum und jus gentium etc. навело меня на мысль ознакомиться съ состояніемъ «jus gentium» во времена классическихъ юристовъ. Это изслѣдованіе и было предметомъ моей магистерской диссертаціи *). Основной ея выводъ былъ тотъ, что классическіе юристы стремились подъ названіемъ jus gentium провести въ жизнь нѣкоторыя требованія естественнаго права.

Въ томъ же 1876-мъ году я былъ избранъ доцентомъ Московскаго Университета и командированъ на два года за границу. Года полтора провелъ я въ Германіи (не считая первыхъ трехъ мѣсяцевъ, употребленныхъ на лѣченіе и путешествіе въ Швейцаріи и Италіи). Въ Гейдельбергѣ я слушалъ Карлову (Исторію Римскаго права) и Куно-Фишера (Исторію новѣйшей философіи) въ Геттингенѣ Іерлига (Пандекты). По своей элементарности курсы эти имѣли для меня интересъ только съ преподавательской точки зрѣнія. Въ промежуткѣ между Гейдельбергомъ и Геттингеномъ я съѣздилъ въ Англію, которая меня манила не по своимъ ученымъ силамъ, а по національному характеру. Непосредственное знакомство съ этимъ характеромъ помогло мнѣ уяснить нѣкоторые факты изъ древне-Римской исторіи. Конецъ моей командировки я провелъ въ Парижѣ, слушая лекціи въ École du droit и въ Collège de France. И здѣсь лекціи имѣли для меня интересъ только педагогическій, такъ что я скоро пересталъ посѣщать ихъ.

---

*) Значеніе общенароднаго гражданскаго права (jus gentium) въ Римской классической юриспруденціи. Москва, 1876 года.

По возвращеніи изъ за границы въ 1878-мъ году я сталъ читать курсъ исторіи Римскаго права, который сравнительно съ прежнимъ былъ значительно измѣненъ мною подъ вліяніемъ занятій и размышленій во время заграничной командировки. Именно за это время для меня совершенно выяснилась необходимость не ограничиваться изложеніемъ исторіи однихъ юридическихъ правилъ и институтовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ указывать и ихъ связь съ требованіями Римской жизни.

Въ 1879-мъ году я женился на княжнѣ Екатеринѣ Александровнѣ Ливенъ.

Въ 1880-мъ году меня пригласили въ качествѣ инспектора въ Ермоло-Маріинское Женское Училище *). Въ 1881-мъ году я защитилъ докторскую диссертацію подъ заглавіемъ «Формулы ограниченія свободы завѣщаній въ Римской классической юриспруденціи». Москва 1881 г. Въ этой книгѣ я сдѣлалъ попытку разработать догму Римскаго права (классическаго) также въ связи съ изученіемъ потребности Римской жизни. Въ томъ же году я былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ.

Въ это время кромѣ чтенія курса исторіи Римскаго права (а временно также и гражданскаго судопроизводства) я сдѣлалъ опытъ практическихъ занятій въ обширной аудиторіи. Задавалась тема, матерьялы для которой (мѣста изъ Римскихъ юридическихъ и неюридическихъ писателей и остатки Римскихъ законовъ) изучались частью въ аудиторіи подъ моимъ руководствомъ, частью дома самостоятельно. Послѣ того слушатели писали рефераты. Одинъ или два изъ этихъ послѣднихъ читались въ присутствіи всего курса, а затѣмъ начинались пренія, въ которыхъ прежде всего допускались авторы прочихъ нечитанныхъ рефератовъ, а иногда и остальные слушатели. Большое количество слушателей не дозволяло сдѣлать обязательнымъ дѣятельное участіе всѣхъ студентовъ въ этихъ занятіяхъ: не смотря на строго соблюдавшееся требованіе, чтобы рефераты и пренія велись въ чисто-дѣловомъ тонѣ, охотниковъ участвовать активно было много.

Въ 1883-мъ году я былъ избранъ и утвержденъ ректоромъ Московскаго университета. Съ слѣдующаго года началось постепенное введеніе новаго устава. Переходные годы значительно усложнили и безъ того трудныя обязанности Московскаго ректора. Съ 1885-го года я долженъ былъ приступить къ чтенію, кромѣ исторіи, также и догмы Римскаго права (которую до того времени читалъ профессоръ Муром-

*) Эта должность была почетная и безвозмездная. *Примѣчаніе Е. А. Боголѣповой.*

цевъ). Этотъ курсъ я долженъ былъ составлять вновь. Эти работы значительно истощили мои силы. Къ этому присоединилось въ 1887-мъ году семейное горе: въ короткое время я потерялъ всѣхъ дѣтей. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ я долженъ былъ оставить ректорство немного раньше срока.

Оправившись и отдохнувъ немного, я рѣшился приступить къ обработкѣ учебника по исторіи Римскаго права. Многолѣтній преподавательскій опытъ убѣдилъ меня, что, при существованіи дурной и трудно искоренимой привычкѣ литографировать лекціи, наша обычная манера чтенія оказывается почти безполезной тратою времени: профессоръ болѣе или менѣе быстро прочитываетъ тотъ самый учебникъ, который потомъ студенты получаютъ въ литографіи. Огромное большинство ихъ не видитъ никакой нужды въ посѣщеніи лекцій. Я полагалъ, что на лекціяхъ мы должны давать слушателямъ то, чего они не могутъ найти въ книгѣ, т. е. учить ихъ, какъ нужно пріобрѣтать научныя свѣдѣнія, а элементарныя научныя свѣдѣнія должны быть даны въ учебникѣ. Для достиженія этой цѣли я сталъ съ 1890 года печатать «Пособіе къ лекціямъ по исторіи Римскаго права». Въ настоящее время издана половина учебника; но изданіе это пока предназначается только для моихъ слушателей.

Въ 1891-мъ году я былъ вновь назначенъ ректоромъ *)

---

*) Эта автобіографическая замѣтка появилась въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", когда Н. П. Боголѣповъ занялъ должность попечителя Московскаго Учебнаго Округа. П. Б.

II. Записки его супруги, Екатерины Александровны

(урожденной свѣтлѣйшей княжны Ливенъ).

1. Профессорство и ректорство въ Москвѣ.

Николай Павловичъ Боголѣповъ былъ такъ часто предметомъ сужденій Русскаго общества, что я хочу попытаться въ этомъ краткомъ очеркѣ возстановить его память въ надлежащемъ свѣтѣ. Не касаясь его ученыхъ трудовъ, которымъ я не сумѣю дать настоящую оцѣнку, буду говорить только о его профессорствѣ и ректорствѣ.

По возвращеніи своемъ изъ заграничной командировки Боголѣповъ началъ осенью 1878 года чтеніе курса исторіи Римскаго права въ Московскомъ Университетѣ.

Принимаясь за свои профессорскія обязанности, онъ снова вступалъ въ тотъ періодъ дѣятельности, которая ему была всего болѣе по сердцу, а именно работа для людей и среди людей. Въ своихъ заграничныхъ запискахъ онъ говоритъ, что однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ условій счастія это неутомимая дѣятельность. «Будь неутомимо дѣятеленъ», пишетъ онъ, «и старайся, чтобы и другіе люди прониклись тѣмъ же стремленіемъ къ дѣятельности, направленной къ общему благу. Чѣмъ единодушнѣе люди организуются для работы на общую пользу, тѣмъ счастливѣе жизнь ихъ, тѣмъ меньше страданій». Какъ мы увидимъ далѣе, вся жизнь его была направлена на такую работу. Въ своей профессорской дѣятельности, кромѣ научныхъ цѣлей, Ник. Павл. имѣлъ въ виду ея педагогическое значеніе, при чемъ очень серьезно смотрѣлъ на свои обязанности преподавателя и старался трудный курсъ исторіи Римскаго права сдѣлать какъ можно болѣе доступнымъ для своихъ слушателей. Его лекціи отличались не только всестороннимъ освѣщеніемъ и разработкой изучаемаго предмета, но и большою ясностью и опредѣленностью изложенія. Студенты слушали его въ большомъ количествѣ, не смотря на то, что Ник. Павл. гнушался заискиванія и дешеваго либерализма для привлеченія вниманія слушателей и для пріобрѣтенія популярности между ними.

Съ самаго начала его профессорства его горячо занималъ вопросъ о методѣ преподаванія. Убѣдившись, что одно слушаніе лекцій въ теченіе зимы и затѣмъ спѣшное зазубриваніе пройденнаго предмета передъ самымъ экзаменомъ влекутъ за собою плохо усвоенное знаніе и неумѣніе самостоятельно работать, онъ нашелъ необходимымъ на ряду съ чтеніемъ лекцій ввести практическія занятія со студентами. Первыя попытки такихъ занятій Ник. Павл. сдѣлалъ въ обширной аудиторіи.

Приступилъ онъ къ нимъ слѣдующимъ образомъ. Задавалась тема, матеріалы для которой (мѣста изъ юридическихъ и неюридическихъ писателей и остатки Римскихъ законовъ) изучались частью въ аудиторіи, частью дома самостоятельно. Послѣ того слушатели писали рефераты. Одинъ или два изъ этихъ послѣднихъ читались въ присутствіи всего курса; затѣмъ начинались пренія, въ которыхъ прежде всего допускались авторы прочихъ нечитанныхъ рефератовъ, а иногда и остальные участники практическихъ занятій. Большое количество слушателей на курсѣ Римскаго права не дозволяло сдѣлать обязательнымъ дѣятельное участіе всѣхъ студентовъ въ практическихъ занятіяхъ. Не смотря однако на строго соблюдавшееся требованіе, чтобы рефераты и пренія велись въ чисто-дѣловомъ тонѣ, охотниковъ участвовать активно на рефератахъ было много. Придавая большое значеніе практическимъ занятіямъ, Боголѣповъ охотно удѣлялъ имъ свободные часы, не смотря на то, что работы въ то время у него было много. Кромѣ Исторіи Римскаго права, онъ долженъ былъ еще читать за одного отсутствующаго товарища гражданское судопроизводство. Одновременно онъ писалъ свою докторскую диссертацію и исполнялъ должность инспектора въ Ермоло-Маріинскомъ женскомъ институтѣ. Къ тому же въ этотъ годъ жена его сильно хворала, и онъ много часовъ проводилъ у ея постели. На диссертацію посвящались поздніе часы вечера, при чемъ работа чаще всего продолжалась до трехъ часовъ ночи. Въ этомъ своемъ ученомъ трудѣ Боголѣповъ сдѣлалъ попытку разработать догму классическаго Римскаго права въ связи съ изученіемъ потребностей Римской жизни.

Въ 1881 г. Боголѣповъ защитилъ свою диссертацію подъ заглавіемъ «Формулы ограниченія свободы завѣщанія въ Римской классической юриспруденціи. Москва. 1881». Опоненты, послѣ обычныхъ возраженій, очень лестно отзывались объ этомъ ученомъ трудѣ, признавая въ немъ цѣнныя для науки, новыя точки зрѣнія, основанныя на точныхъ и вѣрныхъ изслѣдованіяхъ. Въ томъ же году Боголѣповъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ. Съ этихъ поръ онъ принималъ еще болѣе дѣятельное участіе въ университетской жизни: послѣдняя все болѣе и болѣе захватывала его вниманіе и интересъ. Въ качествѣ ординарнаго профессора онъ сдѣлался членомъ Совѣта университета и, какъ таковой, имѣлъ право голоса въ дѣлахъ управленія. Тогда дѣйствовалъ еще уставъ 1863 года, слѣдовательно Совѣтъ имѣлъ большую силу.

Члены Совѣта, при поступленіи въ него Боголѣпова, раздѣлялись на двѣ враждебныя партіи, старыхъ и молодыхъ. Въ главѣ первой стоялъ ректоръ университета Н. С. Тихонравовъ. Пріобрѣ-

тенные раньше симъ послѣднимъ среди товарищей авторитетъ и значеніе въ описываемые годы стали ослабѣвать, благодаря его двоедушію; по мѣрѣ упроченія его вліянія усиливался этотъ его недостатокъ. Такъ, напримѣръ, во время студенческихъ волненій Тихонравовъ заигрывалъ съ ними и любезно разрѣшалъ имъ запрещенныя закономъ сходки; но однажды, испугавшись ихъ возрастающихъ претензій, устроилъ имъ ловушку: когда студенты собрались въ большомъ количествѣ на сходку во дворѣ университета, Николай Савичъ велѣлъ запереть всѣ выходы двора и затѣмъ предалъ ихъ спрятавшейся въ университетѣ полиціи. Такое двоедушіе вызвало недовѣріе къ нему многихъ профессоровъ. Однако его пріятели, старые профессора, остались ему вѣрными. Особенное негодованіе въ молодыхъ членахъ Совѣта вызывалъ отказъ Тихонравова отдавать отчетъ въ университетскомъ бюджетѣ. По закону онъ обязанъ былъ это дѣлать. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ открывалъ своимъ пріятелямъ широкій кредитъ изъ университетскихъ суммъ на покупку нужныхъ для ихъ курсовъ книгъ и пособій, а молодымъ своимъ коллегамъ удѣлялъ очень скромныя средства на тѣже расходы; вслѣдствіе этого послѣдніе не могли выписывать многія необходимыя для ихъ курса пособія и сочиненія. Выведенные изъ терпѣнія, молодые преподаватели рѣшились наконецъ выразить протестъ ректору и добиться отъ него отчета и выдачи имъ болѣе крупныхъ суммъ. Послѣ этого рѣшенія на первомъ же засѣданіи Совѣта Николай Павловичъ безстрашно выступилъ съ требованіемъ, чтобы всѣ расходы и доходы университета были извѣстны всѣмъ его членамъ. Такое смѣлое требованіе вызвало взрывъ негодованія со стороны Тихонравова и его приверженцевъ. До тѣхъ поръ ректоръ и его партія были всемогущими вершителями университетскихъ дѣлъ, благодаря пассивному и равнодушному отношенію къ нимъ большинства профессоровъ. Боголѣповъ рѣшился на смѣлую атаку, разсчитывая на обѣщанную поддержку товарищей, но въ рѣшительную минуту и въ самый разгаръ сраженія они упорно молчали и не сдѣлали даже попытокъ воспрепятствовать полному пораженію Николая Павловича. За то, послѣ засѣданія они каждый порознь подходили къ нему и поздравляли съ отважно произведенною атакою; нѣкоторые даже обнимали и цѣловали его.

Это поведеніе товарищей и другіе подобные случаи въ дѣлѣ университетскаго управленія сильно огорчали Боголѣпова; мало по малу они привели его къ убѣжденію, что Русскіе въ дѣлахъ самоуправленія не умѣютъ дѣйствовать единодушно и что у нихъ недостаетъ энергіи и настойчивости, чтобы твердо стоять за правое дѣло, при чемъ въ большинствѣ случаевъ верхъ берутъ нахалы.

Совершенно неожиданно для мужа его открытый образъ дѣйствія, его неуклонная энергія и настойчивость въ описанномъ случаѣ привлекли къ нему много явныхъ и тайныхъ доброжелателей; къ послѣднимъ принадлежали тѣ, которые изъ страха къ ректору не смѣли высказывать Николаю Павловичу свое расположеніе. Какъ бы то ни было, въ 1883 году, когда кончилось второе четырехлѣтіе правленія Тихонравова и наступило время выборовъ ректора, мужъ былъ избранъ на эту должность. Предварительно молодые товарищи предупреждали его, что они выдвинутъ его кандидатуру и что многіе профессора собираются положить ему бѣлые шары. Николаю Павловичу не улыбалась такая перспектива. Неувѣренный въ себѣ, сначала онъ энергично протестовалъ противъ намѣренія товарищей избрать его въ ректоры, но затѣмъ, послѣ настойчивыхъ ихъ увѣщаній, согласился, надѣясь по мѣрѣ силъ самоотверженною дѣятельностью способствовать правильному развитію академической жизни въ университетѣ. Надлежащая постановка преподаванія была всегда предметомъ неустанной его заботливости. Онъ былъ убѣжденъ, что интересъ и любовь къ наукѣ можно развить въ студентахъ не только обогащая ихъ извѣстнымъ количествомъ знаній, но и научая ихъ работать самостоятельно и умѣло владѣть научнымъ матерьяломъ. Такимъ путемъ и частыми общеніями профессоровъ со студентами по его мнѣнію, легче было бы отвлекать университетскую молодежь отъ безплодныхъ и вредныхъ имъ увлеченій политикою и подготовлять новое поколѣніе молодыхъ людей, настойчиво работающихъ на пользу родины. Какъ мы видѣли, для этой цѣли онъ ввелъ на своемъ курсѣ практическія занятія со студентами; затѣмъ въ своихъ личныхъ сношеніяхъ съ ними Николай Павловичъ при каждомъ удобномъ случаѣ наставлялъ ихъ, какъ надо работать; наконецъ, ректоромъ въ 1886 г., онъ сказалъ вновь вступавшимъ студентамъ рѣчь, въ которой еще болѣе обстоятельно подавалъ имъ тотъ же совѣтъ. Эта рѣчь доказываетъ, какъ горячо Боголѣповъ принималъ къ сердцу интересы университетской молодежи. Онъ началъ ее такъ: «Когда я вспоминаю свои студенческіе годы, проведенные въ этомъ университетѣ, я очень сожалѣю, что въ то время не было у меня человѣка, который бы съ отеческимъ благоволеніемъ и твердостію сказалъ мнѣ: «вотъ путь, по которому ты долженъ идти и вотъ чего ты долженъ избѣгать!» Вслѣдствіе этого много силъ было потрачено напрасно, много сдѣлано было ошибокъ, которыя пришлось поправлять позже. Всѣ вы находитесь въ такомъ же положеніи, въ какомъ находились нѣкогда мои товарищи и я. Какъ ректоръ, я считаю своимъ долгомъ не оставить васъ безъ указаній тѣхъ задачъ, которыя предстоитъ вамъ исполнить въ теченіе университетской жизни». Въ концѣ рѣчи, описавъ безполезность и вредъ безсмысленнаго зубренія

прочитаннаго курса передъ экзаменами и пассивнаго, почти равнодушнаго, слушанія лекцій въ теченіе зимы, Боголѣповъ говорилъ: «Ни заботы о личномъ счастіи, ни долгъ передъ своимъ народомъ не дозволяетъ продолжать такую дѣятельность. Вы не должны забывать, что университетскій дипломъ вводитъ васъ формально въ ряды образованныхъ людей, которые въ силу своего образованія по необходимости дѣлаются руководителями остальныхъ классовъ народа».

Какъ часто теперь, въ наши тревожные дни, вспоминаешь про трезвые взгляды мужа на ходъ университетскихъ занятій и на поведеніе университетской молодежи! Во все время своей профессорской и ректорской дѣятельности онъ увѣщевалъ товарищей-профессоровъ и университетское начальство дружными усиліями положить конецъ преждевременнымъ политическимъ увлеченіямъ студентовъ. Потакать ихъ стремленію принимать участіе въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ онъ считалъ преступнымъ. Не разъ мужъ мой смѣло высказывалъ профессорамъ свое рѣшительное мнѣніе, что содержаніемъ лекцій должны быть одни научные предметы, а что въ нихъ не слѣдуетъ касаться современныхъ политическихъ вопросовъ. Тогда никто его не слушалъ: одни считали его опасенія неосновательными и видѣли въ студенческихъ волненіяхъ однѣ ребяческія выходки; другіе считали его требованія отсталыми. А теперь, когда плотина прорвалась, когда наука упразднена изъ университетовъ, и послѣдніе стали мѣстами сборища многотысячной дикой уличной толпы, когда два или три поколѣнія учащейся молодежи испорчены, со всѣхъ сторонъ раздаются голоса (часто профессорскіе), что университетъ и среднеучебныя заведенія не могутъ быть очагами революціоннаго движенія. Бывшій Московскій профессоръ М. Ковалевскій высказываетъ теперь одинаковое съ мужемъ мнѣніе на счетъ содержанія лекцій; а было время, когда онъ и другіе профессора намеками и замѣчаніями пробуждали въ студентахъ слишкомъ горячій интересъ къ политическимъ вопросамъ.

Годъ спустя по назначеніи Боголѣпова ректоромъ, эта и безъ того трудная обязанность значительно осложнилась введеніемъ новаго устава.

Уставъ былъ встрѣченъ враждебно почти всѣми профессорами и студентами; слѣдовательно на каждомъ шагу предстояла борьба. Но Николай Павловичъ главнымъ образомъ опасался, что самое дорогое для него, правильное развитіе академической жизни будетъ пріостановлено. Желая воспитать въ студентахъ будущихъ плодотворныхъ ученыхъ государственныхъ дѣятелей и педагоговъ, онъ разсчитывалъ не только на научное, но и на воспитательное значеніе университета и потому на-

ходилъ необходимымъ нравственное воздѣйствіе профессоровъ на студентовъ. Однако съ введеніемъ новаго устава профессора считали себя устраненными отъ участія въ университетской жизни, выходившей за рамки чтенія лекцій и полукурсовыхъ зачетовъ. Дѣйствительно, самыя правила министерства указывали на такую ограниченную роль профессоровъ, отводя имъ лишь учебную часть и передавъ всѣ остальныя функціи академической жизни инспекціи и попечителю округа. Даже ректоръ, хотя и не выбиравшійся, какъ по уставу 1863, при новыхъ порядкахъ считался профессорскимъ органомъ; онъ находился въ положеніи лица, которому правительство мало довѣряетъ и котораго держатъ подъ негласнымъ надзоромъ инспектора; при чемъ послѣдній имѣлъ право прямо докладывать попечителю, минуя ректора.

Можетъ быть, покажется страннымъ, почему при такихъ условіяхъ мой мужъ не сложилъ съ себя должности ректора. Но такой поступокъ не былъ бы согласенъ съ его характеромъ. Затрудненія его никогда не запугивали. Напротивъ того, они только вызывали еще болѣе настойчивыя усилія его могучей энергіи. Ему казалось, что именно при возникновеніи большихъ затрудненій надо придти на помощь погибающему благому дѣлу. И дѣйствительно, благодаря его неутомимымъ усиліямъ, переходъ отъ устава 1863 г. къ новому уставу совершился въ Московскомъ университетѣ такъ спокойно, что, казалось, въ жизни послѣдняго не произошло никакихъ перемѣнъ. При возникавшихъ неудовольствіяхъ и недоразумѣніяхъ Боголѣповъ не жалѣлъ ни времени, ни силъ, чтобы вникать въ каждое дѣло и удовлетворять справедливымъ требованіямъ профессоровъ и студентовъ, при чемъ свою роль посредника между попечителемъ и университетомъ онъ исполнялъ съ большимъ безпристрастіемъ и съ неизмѣннымъ желаніемъ придти на помощь нуждамъ университета. Только незаконныя притязанія заставляли его отвѣчать отказомъ, но спокойная твердость не покидала его. Во все время его перваго ректорства не было ни профессорскихъ исторій, ни студенческихъ безпорядковъ.

Однако трудныя обязанности ректора въ соединеніи съ усиленной преподавательской и ученой работой значительно истощили силы Николая Павловича. Съ 1885 года онъ долженъ былъ кромѣ исторіи Римскаго права приступить къ чтенію догмы Римскаго права (которую до того читалъ профессоръ Муромцевъ). Этотъ курсъ ему пришлось составлять вновь. Весной 1886 года онъ самъ заболѣлъ и, не дождавшись окончанія четырехлѣтія своего ректорства, отказался отъ этой должности.

Описанная дѣятельность Боголѣпова, какъ профессора и ректора, мнѣ кажется, свидѣтельствуетъ о его постоянномъ заботливомъ участіи и интересѣ къ студентамъ. Между тѣмъ онъ навлекъ на себя нареканія въ жестокости и безсердечіи, въ немъ отрицали всякую любовь и состраданіе къ учащейся молодежи. Такое ошибочное мнѣніе возникло отъ различія во взглядахъ на доброту и любовь. Современное большинство людей видитъ ихъ въ чрезмѣрной мягкости къ молодежи и въ извиненіяхъ всѣхъ ея недостатковъ и неблаговидныхъ поступковъ. Николай Павловичъ иначе смотрѣлъ на любовь къ молодежи, или, лучше сказать, иначе любилъ. Онъ готовъ былъ неотверженно работать на пользу ея, имѣя передъ собой одну цѣль ея—нравственное усовершенствованіе; для этого онъ не жалѣлъ ни времени, ни силъ и даже пренебрегалъ мнѣніемъ людей не понимавшихъ его и обвинявшихъ въ безсердечіи. Признавая весьма труднымъ примѣнять одну мягкость при веденіи ребенка съ колыбели, онъ считалъ такой пріемъ немыслимымъ съ четырехтысячной толпой студентовъ, большинство которыхъ получило дома плохое воспитаніе или его совсѣмъ не получало. Часто обвиняли Николая Павловича за его мнимую строгость на экзаменахъ, но это обвиненіе было клеветой. Всячески стараясь, какъ мы видѣли, облегчить студентамъ усвоеніе труднаго предмета (исторіи Римскаго права), онъ кромѣ того не упускалъ случая увѣщевать ихъ съ каѳедры и въ частныхъ бесѣдахъ заниматься въ теченіе зимы, а не только передъ экзаменомъ. Несомнѣнно его увѣщанія не остались бы безплодными, если бы его товарищи-профессора дѣйствовали заодно съ нимъ. Но вмѣсто того, чтобы заинтересовывать студентовъ исключительно научными предметами и научать ихъ самостоятельно работать на практическихъ занятіяхъ, профессора разжигали преждевременно въ нихъ политическія страсти неумѣстными намеками на недостатки Русскаго государственнаго строя. Большинство изъ нихъ льстило самолюбію студентовъ, касаясь вопросовъ, до которыхъ они еще не доросли; Боголѣповъ же напоминалъ имъ ихъ прямую обязанность учиться и работать, и, понятно, его усилія оставались тщетными. Когда же, несмотря на всѣ эти усилія, студенты обнаруживали на экзаменахъ полное незнаніе предмета и даже круглое невѣжество, онъ ставилъ имъ плохія отмѣтки. Но при этомъ Николай Павловичъ давалъ всегда право экзаменующимся вынимать два-три билета и, только удостовѣрившись, что студентъ не знаетъ болѣе половины курса, ставилъ ему плохой балъ. Дѣлалъ онъ это безъ раздраженія и не съ безсердечнымъ равнодушіемъ, а съ болью въ сердцѣ. Всякій разъ съ экзаменовъ онъ возвращался домой разогорченный и взволнованный. По его собственному признанію экзамены были для него каторгою. Вмѣстѣ съ тѣмъ ставить

удовлетворительную отмѣтку невѣждѣ возмущало его честную, правдивую натуру. Крайняя снисходительность на экзаменахъ, по его мнѣнію, была поощреніемъ невѣжества и дарила обществу безполезныхъ и даже вредныхъ дѣятелей. Справедливыя отмѣтки Боголѣпова опять-таки не возмущали бы такъ, если всѣ профессора дѣйствовали бы съ нимъ заодно; но большинство изъ нихъ изъ популярности и изъ страха къ студентамъ не скупилось на хорошіе баллы. Однако Боголѣповъ былъ всегда готовъ выслушать справедливые доводы студента, доказывающаго, что независящія отъ него обстоятельства были причиной его плохихъ отмѣтокъ. Въ такихъ случаяхъ Боголѣповъ разрѣшалъ переэкзаменовку на послѣдній день и давалъ возможность студенту собраться съ мыслями и повторять плохо пройденое. Такъ однажды, когда онъ экзаменовалъ въ университетѣ, къ нему на домъ пришелъ студентъ съ требованіемъ, чтобы его пустили къ профессору. Прислуга, отворявшая дверь, отвѣчала, что послѣдній не возвращался еще съ экзаменовъ. Тогда молодой человѣкъ сталъ прохаживаться взадъ и впередъ передъ подъѣздомъ квартиры Боголѣпова. Проходивъ такъ до 11 ч. вечера, онъ наконецъ ушелъ, чтобы вернуться на другое утро въ 9 час. Этотъ разъ онъ засталъ Николая Павловича и былъ имъ принятъ. На вопросъ, что ему нужно, студентъ со слезами откровенно разсказалъ, что у него плохія способности, что отецъ его человѣкъ необразованный, грубый и жестокій, не понимаетъ, что надо сообразоваться въ ученіи съ силами учащагося, и требуетъ во что бы то ни стало успѣховъ отъ сына, какъ вознагражденія за потраченныя деньги. Притомъ, по словамъ юноши, отецъ за плохой балъ грозилъ побоями, а за неокончаніе курса изгнаніемъ изъ дома. Боголѣповъ, замѣтивъ волненіе и искренній тонъ молодого человѣка, успокоилъ его, разрѣшилъ ему переэкзаменовку и на экзаменѣ поставилъ ему переходный балъ.

Въ общемъ мужъ не считалъ желательнымъ пропускать въ университетъ людей вполнѣ неспособныхъ.

Онъ всегда порицалъ родителей, тянувшихъ въ высшія учебныя заведенія своихъ дѣтей, едва окончившихъ по неспособности среднюю школу. По его мнѣнію лучше было бы сдѣлать изъ нихъ полезныхъ ремесленниковъ, нежели безполезныхъ ученыхъ и государственныхъ дѣятелей. Къ тому же неудачники въ университетѣ всегда образуютъ нежелательный элементъ. Раздраженные своими неудачами и неувѣренные въ успѣшномъ окончаніи курса, они легко примыкаютъ къ бунтующей части молодежи, въ особенности, если они еще принадлежатъ къ неимущему классу. Помимо всего этого Боголѣповъ имѣлъ случай наблюдать

нѣсколько примѣровъ, когда непосильная работа доводила молодыхъ людей до полнаго разстройства нервной системы.

Другимъ доказательствомъ добраго отношенія его къ студентамъ могутъ служить снисходительность и спокойствіе, съ которыми онъ встрѣчалъ ихъ дерзкія выходки, вызываемыя всегда его заботливыми мѣрами на ихъ же пользу. Такъ однажды въ 1890 году студентамъ вздумалось протестовать противъ практическихъ занятій, введенныхъ, какъ извѣстно, Николаемъ Павловичемъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Почему-то имъ представилось, что практическія занятія, на которыхъ ихъ заставляютъ самостоятельно работать, принижаютъ студентовъ до степени гимназистовъ. Весьма возможно, что революціонные элементы Союзнаго Совѣта студенческихъ землячествъ возбуждали молодежь къ такому протесту изъ за своихъ цѣлей. Въ отчетахъ Союзнаго Совѣта ярко выступаетъ враждебное отношеніе руководителей къ Боголѣпову. Оно и понятно: они всячески старались увлечь молодежь по пути политическихъ протестовъ, а Николай Павловичъ былъ самымъ ревностнымъ поборникомъ правильнаго хода студенческихъ занятій. Какъ бы то ни было, недовольные студенты (слушатели Римскаго права) подбросили на каѳедру Николая Павловича записку, въ которой на ряду съ дерзостями грозили ему публичнымъ оскорбленіемъ въ случаѣ, если онъ будетъ продолжать съ ними практическія занятія. На слѣдующей затѣмъ лекціи, Боголѣповъ показалъ собравшимся слушателямъ записку и съ обычнымъ ему спокойствіемъ обратился къ нимъ со словами: «Сейчасъ прочту вамъ записку, найденную мною на послѣднихъ занятіяхъ на каѳедрѣ». Прочитавъ ее, Николай Павловичъ сказалъ: «Въ чемъ дѣло, господа? Вы должны знать, что введенныя мною практическія занятія для меня лично кромѣ лишней траты времени ничего не представляютъ. Я ввелъ ихъ въ виду большой пользы, которую я ожидаю отъ нихъ для васъ. Вы знаете также, что эти занятія не обязательны. Я предлагаю ими помощь и услугу желающимъ усовершенствоваться въ изученіи Римскаго права. Нежелающіе могутъ не ходить; для этого угрозъ не требуется. Впрочемъ я послѣднихъ не испугался и буду попрежнему продолжать практическія занятія съ желающими; но я долженъ замѣтить, что участіе въ практическихъ занятіяхъ будетъ вліять на весенніе экзамены». Николай Павловичъ хотѣлъ этимъ сказать, что прилежное занятіе студентовъ подъ его руководствомъ въ теченіе зимы не только познакомитъ ихъ ближе съ Римскимъ правомъ, но и его съ ихъ знаніемъ, и потому онъ будетъ экзаменовать ихъ легче. Результатомъ этого разговора было посѣщеніе практическихъ занятій одной частью студентовъ, а объ исполненіи угрозъ не было болѣе и рѣчи.

Для болѣе успѣшнаго усвоенія студентами Римскаго права Боголѣповъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ еще новой мѣрѣ. Оправившись отъ большого горя и отдохнувъ немного отъ ректорскихъ трудовъ, онъ приступилъ къ обработкѣ учебника исторіи Римскаго права. Многолѣтній преподавательскій опытъ убѣдилъ его, что при существованіи дурной и трудно искоренимой привычки литографировать лекціи, обычная въ университетѣ система чтенія оказывается почти безполезной тратою времени: профессоръ болѣе или менѣе пространно прочитываетъ тотъ самый учебникъ, который студенты получаютъ потомъ въ литографіи. Огромное большинство ихъ не видитъ никакой нужды въ посѣщеніи лекцій *). Боголѣповъ полагалъ, что на лекціяхъ профессора должны давать то, что̀ студенты не могутъ найти въ книгѣ, то-есть учить ихъ, какъ нужно пріобрѣтать знанія, а элементарныя свѣдѣнія должны быть даны въ учебникѣ. Для достиженія этой цѣли онъ сталъ съ 1890 года печатать «Пособіе къ лекціямъ по исторіи Римскаго права», но изданіе это предназначалось только для его слушателей.

Годы составленія курса протекли тихо и мирно. Николай Павловичъ могъ всецѣло предаваться своимъ научнымъ занятіямъ и профессорской дѣятельности. Часы отдыха онъ удѣлялъ семьѣ, друзьямъ и ученикамъ. Горячо заботясь объ успѣхахъ преподаванія въ университетѣ, онъ съ радостью шелъ навстрѣчу молодымъ людямъ, желавшимъ занять послѣ него каѳедру Римскаго права. Его учениками были К. Н. Доробецъ и В. М. Хвостовъ. Эти молодые люди имѣли всегда доступъ къ нему и проводили съ нимъ долгіе часы въ оживленныхъ бесѣдахъ, предметами которыхъ большею частію были вопросы права и способы университетскаго преподаванія.

Въ описываемое время Николай Павловичъ продолжалъ свои дружескія отношенія съ нѣкоторыми своими прежними товарищами, съ другими же прекратилъ ихъ, потому что разошелся съ ними во взглядахъ; между послѣдними были С. А. М., В. А. Г., А. И. Ч. и другіе.

Предшествующая административная дѣятельность Боголѣпова, болѣе близкое знакомство его съ условіями Русской общественной жизни и съ національнымъ характеромъ разрушили его юношескія мечты о возможности близкихъ крупныхъ перемѣнъ въ государственномъ строѣ Россіи. Теперь Боголѣповъ былъ убѣжденъ, что для этого нужна долгая подготовительная работа; надо, чтобы постепенно историческимъ путемъ сама

*) Покойный Н. П. Гиляровъ прямо говорилъ въ своихъ „Современныхъ Извѣстіяхъ", что хорошій студентъ тотъ, кто не ходитъ на лекціи. П. Б.

жизнь вылилась въ другія формы. Прежде всего успѣшному ходу Русской жизни могло способствовать, по его мнѣнію, воспитаніе въ молодомъ поколѣніи стойкости, энергіи, чувства долга и широкое распространеніе просвѣщенія во всѣхъ слояхъ общества въ особенности въ низшихъ. Считая самодержавіе лучшей формой правленія для современной Россіи, онъ былъ убѣжденъ, что только постепенно можно воспитать въ обществѣ способность къ самоуправленію. Съ этою цѣлью надо предоставлять больше самостоятельности мѣстному устройству. Только когда народъ научится вѣдать и править своими мѣстными дѣлами, онъ станетъ способнымъ принимать участіе въ рѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ. Этимъ взглядамъ Николая Павловича не сочувствовали его упомянутые товарищи.

Всего ближе сошелся Николай Павловичъ съ Н. А. Звѣревымъ, В. А. Легонинымъ, Н. П. Некрасовымъ, Алексѣевымъ и И. И. Янжуломъ. Первые четыре всегда были готовы придти на помощь его усиліямъ водворить спокойствіе въ университетѣ и тѣмъ способствовать успѣшному ходу студенческихъ занятій. Интересы университета были ему такъ дороги, что онъ не разъ бросалъ свою мирную научную работу, чтобы попытаться предотвратить надвигавшуюся на университетъ бѣду.

Вскорѣ по уходѣ Боголѣпова изъ ректорства разыгралась знаменитая Брызгаловская исторія *), и онъ не менѣе, если не болѣе ректора Иванова хлопоталъ о прекращеніи безпорядковъ. Къ нему, по старой памяти, какъ въ бытность его ректоромъ, заходили студенты за разъясненіями различныхъ недоразумѣній и за совѣтами. Боголѣповъ убѣдительно совѣтовалъ имъ съ каѳедры и у себя дома не вѣрить преувеличеннымъ разсказамъ товарищей, напротивъ того, сдерживать послѣднихъ и самимъ не поддаваться охватившей всѣхъ ненависти къ Брызгалову,

*) Брызгаловъ занималъ должность инспектора. Какъ извѣстно, эта должность пріобрѣла при новомъ уставѣ 1884 г. большое значеніе, которое было враждебно встрѣчено большинствомъ профессоровъ и всѣми студентами. Брызгаловъ своими душевными свойствами могъ только усугубить эти враждебныя чувства. Онъ былъ ограниченъ, грубъ и безтактенъ. Впрочемъ, уже въ то время, всякій требующій отъ студентовъ исполненія ихъ обязанностей вызывалъ ихъ ненависть, его грубое обращеніе раздражало и безъ того обидчивыхъ студентовъ, избалованныхъ угодливостію профессоровъ. Встрѣчая сочувствіе послѣднихъ въ своей ненависти къ инспектору, большинство университетской молодежи рѣшило отомстить Брызгалову неслыханною дотолѣ въ Московскомъ университетѣ дерзостью, а именно нанести ему публичное оскорбленіе въ видѣ пощечины. Задуманное было приведено въ исполненіе предназначеннымъ къ этому по жребію студентомъ. Обидчикъ былъ наказанъ ссылкою въ дисциплинарный батальонъ; его товарищи продолжали еще нѣкоторое время волноваться, требуя возвращенія наказаннаго обидчика и удаленія инспектора. Брызгаловъ былъ удаленъ, но виновный не былъ помилованъ.

Однажды даже онъ попытался говорить съ разбушевавшейся толпою студентовъ въ университетѣ. Начавъ съ увѣщаній, онъ напомнилъ имъ о грозившемъ имъ наказаніи, въ случаѣ они не успокоятся; но крики и шумъ расходившейся молодежи не дали ему договорить. Онъ долженъ былъ уйти. Старанія Боголѣпова ни къ чему не привели, потому что студенческія волненія происходятъ всегда отъ сложныхъ причинъ, которыя могутъ быть удалены только единодушными усиліями профессоровъ и высшаго начальства; но этихъ единодушныхъ усилій никогда не бывало.

Послѣ Брызгаловской исторіи значительно участились студенческіе безпорядки, которые стали повторяться чуть ли не каждый годъ. Они вызывали полную растерянность въ образѣ дѣйствій инспекціи, попечителя и министерства, при торжествѣ и злорадствѣ большинства профессоровъ: послѣдніе видѣли во всемъ случившемся доказательство, что безъ нихъ академическая жизнь невозможна. Министерство вмѣстѣ съ попечителемъ дѣйствовали близоруко. Рѣшивъ прислушиваться къ голосу профессоровъ, они стали слушать не голоса болѣе благоразумныхъ, а соображенія и мнѣнія болѣе настойчивыхъ. Наступилъ періодъ безпокойныхъ уступокъ профессорамъ и студентамъ. Ректоръ Ивановъ, человѣкъ безхарактерный, настоящій типъ кабинетнаго ученаго, съ трудомъ разбирался въ путаницѣ новыхъ отношеній и исполнялъ всѣ придирчивыя, неумѣстныя требованія какъ профессоровъ, такъ и студентовъ; также и инспекторъ Добровъ, гонявшійся за популярностію, всячески угождалъ несправедливымъ притязаніямъ недовольныхъ студентовъ. Пользуясь своимъ правомъ частаго доклада попечителю помимо ректора, онъ придавалъ дѣлу желаемую окраску и успѣшно добивался своихъ цѣлей. Скромные, но добросовѣстные университетскіе дѣятели, жаждавшіе успокоенія университета, оставались въ сторонѣ.

На другой годъ послѣ Брызгаловской исторіи возобновились студенческія волненія. На этотъ разъ студенты требовали уничтоженія полугодовыхъ испытаній и зачетовъ, какъ и другихъ перемѣнъ въ Уставѣ 1884 года и открытія студенческихъ кухмистерскихъ и читаленъ.

На одномъ изъ засѣданій юридическаго факультета профессора согласились обратиться къ своимъ слушателямъ съ увѣщаніемъ, отказаться отъ своихъ требованій и вернуться къ мирнымъ занятіямъ. По поводу этихъ безпорядковъ Николай Павловичъ пишетъ въ своей записной книжкѣ: «Есть ли надежда, что мы скоро освободимся отъ этого безпокойнаго состоянія, которое не даетъ возможности вести правильное преподаваніе и даже лишаетъ спокойствія, необходимаго для соб-

ственныхъ занятій?» Отвѣтъ его отрицательный: онъ не вѣрилъ въ возможность скораго наступленія спокойнаго теченія университетской жизни. Разбирая главныя причины студенческихъ безпорядковъ, онъ видитъ ихъ три: первое, распатанность и распущенность Русскаго общества, отразившіяся и на учащейся молодежи, которая отодвинула на задній планъ главную цѣль своего пребыванія въ университетѣ. Вмѣсто того, чтобы больше всего думать объ ученіи, она занимается вопросами о переустройствѣ университета и даже государства. Она потеряла всякую скромность и самоувѣренно толкуетъ о томъ, какіе предметы должны читать профессора и въ какомъ размѣрѣ. Вторая причина университетскихъ смутъ, по его мнѣнію, былъ новый уставъ, который представляетъ чрезвычайно сложную запутанную систему, совершенно неприноровленную ни къ количеству профессоровъ, ни къ правамъ Русской молодежи, и который рождаетъ массу недоразумѣній. Наконецъ, третью причину студенческихъ волненій онъ видѣлъ въ пропагандѣ революціонной партіи, пользующейся университетскими неурядицами, чтобы возбуждать студентовъ къ безпорядкамъ. Правъ былъ Боголѣповъ, когда сомнѣвался въ возможности увѣщаніями остановить разбушевавшіяся претензіи университетской молодежи. Точно также справедливой оказалась его увѣренность во вліяніи революціонныхъ агитаторовъ на студентовъ.

Притязанія послѣднихъ росли по мѣрѣ успѣшнаго роста студенческихъ кружковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ землячествъ. При своемъ возникновеніи въ концѣ 70 годовъ земляческіе кружки имѣли благую цѣль оказывать матеріальную и нравственную взаимопомощь. Въ случаѣ нужды кружокъ помогалъ земляку-студенту изъ общей кассы деньгами, а также пріисканіемъ уроковъ. Нравственная помощь выражалась въ нравственной поддержкѣ и въ устройствѣ общихъ занятій и чтеній между земляками. Но не долго землячества ограничивались скромною задачею взаимопомощи: уже въ 80-хъ годовъ на нихъ начинаютъ вліять революціонные кружки. Въ статьѣ, предназначенной для Женевскаго журнала «Съ родины на родину» членъ одного изъ Петербургскихъ землячествъ въ началѣ 80-хъ годовъ пишетъ: «Задачи Союза состояли въ слѣдующемъ: содѣйствовать и помогать общественному политическому развитію молодежи, стараясь внести среди нея пропаганду и поднимать такимъ образомъ среднюю массу до высшей степени развитія». Въ 1884 году землячества значительно увеличились въ числѣ и вскорѣ по введеніи новаго университетскаго устава составили организацію «Соединенныхъ землячествъ». Это соединеніе первоначально совершилось также съ цѣлью слиянія всѣхъ земляческихъ кассъ въ одну

и черезъ то оказанія помощи землякамъ въ бо́льшихъ размѣрахъ. Къ сожалѣнію только, Союзъ землячествъ послужилъ еще болѣе благопріятною средою для революціонной пропаганды: здѣсь установился болѣе постоянный и прочный обмѣнъ мнѣній и взглядовъ между студентами. Когда же соединенныя землячества создали Союзный Совѣтъ и при немъ Судебную Комиссію, революціонная партія возликовала, потому что она могла пользоваться этими двумя органами для своихъ цѣлей *).

Первоначальной задачей Союзнаго Совѣта было содѣйствовать болѣе успѣшной хозяйственной дѣятельности землячествъ, т. е. устройство студенческихъ столовыхъ, библіотекъ и кружковъ саморазвитія. Что̀ касается судебной комиссіи, она при своемъ возникновеніи вѣдала только предосудительныя дѣла товарищей-студентовъ. Революціонные руководители предвидѣли, что, благодаря мирнымъ программамъ этихъ двухъ органовъ, всѣ земляческіе кружки отнесутся къ нимъ сочувственно, при чемъ они разсчитывали устранить постепенно всѣхъ благонамѣренныхъ членовъ, враговъ безпорядковъ. И дѣйствительно, Союзный Совѣтъ расширилъ мало-по-малу кругъ своей дѣятельности: онъ собиралъ деньги на политическихъ преступниковъ и издавалъ прокламаціи съ явно революціонными программами.

Выше было сказано, какъ враждебно отнеслась большая часть профессоровъ къ университетскому уставу 1884 года. Мы также знаемъ, съ какимъ злорадствомъ одни изъ нихъ встрѣчали студенческіе безпорядки, возникшіе вскорѣ по введеніи этого устава. Ихъ враждебныя чувства выражались въ дѣйствіяхъ и словахъ; ихъ сочувствіе бунтующимъ студентамъ было очевидно. Такое настроеніе и поведеніе большинства профессоровъ вмѣстѣ съ описанною дѣятельностью соединенныхъ землячествъ довели университетъ до полной дезорганизаціи въ какія-нибудь шесть, семь лѣтъ.

---

*) Вѣрнѣе всего, что они и были созданы подъ ея вліяніемъ. Доказательствомъ такой искусной политики руководителей землячествъ можетъ служить слѣдующая выдержка изъ протокола собранія землячествъ 20 Марта 1885 года: „Депутатами отъ Смоленскаго и Сибирскаго землячествъ было заявлено, что ихъ земляки не ясно представляютъ себѣ, что̀ слѣдуетъ понимать подъ „нравственными“ потребностями землячествъ. Они опасаются, что Союзный Совѣтъ, забравшій въ свои руки власть, воспользуется этимъ словомъ, чтобы толкнуть дѣятельность Союза на революціонный путь. Принимая все это во вниманіе, депутаты рѣшили замѣнить слово „нравственный“—„духовнымъ“. А между тѣмъ въ приведенной выше статьѣ „Съ родины на родину“ ясно видно, къ чему стремились руководители землячествъ. Въ другомъ мѣстѣ этой же статьи говорится: „землячества какъ бы сортировали матеріалъ не только для себя, но и для дальнѣйшихъ, болѣе широкихъ, скажу попросту, „политическихъ“ организацій.

Въ 1891 году Ивановъ, по истеченіи своего четырехлѣтняго ректорства, сложилъ съ себя эту должность. Попечитель Московскаго Учебнаго Округа, разочарованный въ политикѣ уступокъ и колебаній, обратился за помощью къ человѣку, направленіе котораго было совершенно противоположно тому, которому слѣдовало университетское начальство за послѣдніе годы. Онъ настойчиво сталъ приглашать Боголѣпова занять мѣсто Иванова, горячо обѣщая ему свою постоянную поддержку. При этомъ попечитель высказывалъ твердую надежду, что дѣятельность Николая Павловича будетъ успѣшна. По его мнѣнію, послѣдній былъ способенъ водворить въ университетѣ спокойствіе, столь необходимое для успѣшныхъ занятій. Боголѣповъ колебался: онъ отлично зналъ состояніе университета и предвидѣлъ предстоявшую ему тяжелую борьбу. Въ это время онъ еще надѣялся, что можно умиротворить университетъ, но былъ увѣренъ, что для этого потребуются продолжительное время и усиленная борьба, и рѣшился на нее въ виду обѣщанной со стороны попечителя безусловной поддержки. Кромѣ того Боголѣповъ разсчитывалъ и на содѣйствіе благонамѣренныхъ профессоровъ. Хотя онъ не сочувствовалъ всѣмъ нововведеніямъ устава 1884 г., но думалъ, что при дружныхъ усиліяхъ преподавателей и университетскаго начальства можно сгладить недостатки устава; во всякомъ случаѣ послѣдніе, по его мнѣнію, не могли мѣшать студентамъ интересоваться наукой и съ успѣхомъ пріобрѣтать знанія. При подобныхъ взглядахъ и упомянутой надеждѣ на поддержку высшаго начальства чувство долга взяло верхъ. Однако его надежды не оправдались. Попустительство со стороны университетскаго начальства въ ректорство Иванова и вызванная имъ распущенность профессоровъ и студентовъ такъ развратили и тѣхъ и другихъ, что водвореніе порядка въ университетѣ стало немыслимымъ, тѣмъ болѣе, что попечитель дѣйствовалъ недостаточно твердо и опредѣленно. На первыхъ шагахъ своей ректорской дѣятельности Николай Павловичъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ Союзнымъ Совѣтомъ. Ему хорошо были извѣстны цѣли послѣдняго: многіе документы Союзнаго Совѣта и Революціоннаго Комитета находились у него въ рукахъ. Къ этому времени Союзный Совѣтъ пріобрѣлъ уже больше силы и вліянія: онъ разрѣшалъ студенческіе бунты и безпорядки и обращался, не скрываясь, съ разнаго рода вопросами и требованіями къ профессорамъ. Въ такихъ случаяхъ къ профессорамъ являлась отъ него депутація. Однажды подобная депутація, состоявшая изъ нѣсколькихъ студентовъ, явилась и къ Николаю Павловичу. Когда депутаты объявили ему, что явились отъ Союзнаго Совѣта, мужъ отказался съ ними разговаривать, рѣшительно заявивъ, что существованіе Союзнаго Совѣта противозаконно, что его дѣятельность нарушаетъ порядокъ универси-

тетской жизни и отвлекаетъ студентовъ отъ научныхъ занятій. Депутація удалилась молча. Конечно такое заявленіе Боголѣпова, повторявшееся и въ другихъ случаяхъ, вызывало въ студентахъ все возрастающее негодованіе, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые профессора терпѣливо выслушивали требованія подсылаемыхъ къ нимъ депутатовъ. Студенты возмнили себя политическими дѣятелями, способными и предназначенными добиваться крупныхъ реформъ въ Россіи, а между тѣмъ большинство этихъ мнимыхъ дѣятелей не только обнаруживали полное невѣжество на университетскихъ экзаменахъ, но даже писали безграмотно. Многія курсовыя сочиненія, подаваемыя Николаю Павловичу, грѣшили грубыми грамматическими ошибками, и что еще хуже, безсмысленнымъ содержаніемъ. Послѣдній попрежнему обращался къ студентамъ не только съ протестами, но и съ увѣщаніями, но они его не слушали. Подстрекаемые революціонными вожаками и находя поддержку въ протестующихъ профессорахъ, студенты не только не слушали ректора, но подсылали ему анонимныя письма съ угрозами и дерзостями. Такъ передъ студенческимъ концертомъ Боголѣповъ получилъ анонимное письмо, въ которомъ ему угрожали нанесеніемъ пощечины въ концертѣ. Не смотря на угрозу, Николай Павловичъ рѣшилъ ѣхать. Неизвѣстно, какимъ образомъ профессоръ Чупровъ узналъ о готовившемся оскорбленіи ректору. Онъ явился къ послѣднему съ просьбою не ѣхать въ концертъ. Боголѣповъ наотрѣзъ отказался исполнить его просьбу: онъ отвѣтилъ, что считаетъ въ этомъ дѣлѣ задѣтою его честь и не желаетъ показать страха передъ студентами, тѣмъ болѣе, что онъ его не испытываетъ. Когда же Чупровъ сталъ возражать ему, что онъ хлопочетъ о студентахъ, что оскорбленіе ректора повлечетъ за собою строгое наказаніе не одного виновнаго, но и всѣхъ его сообщниковъ, Николай Павловичъ спокойно замѣтилъ, что онъ оскорбленія не вызывалъ, что страхъ передъ студентами можетъ оказать бо́льше вреда всей университетской молодежи, чѣмъ заслуженное наказаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ. «Такой страхъ, говорилъ онъ, утвердилъ бы въ студентахъ увѣренность, что они въ правѣ терроризировать профессоровъ и ректора и тѣмъ заставлять послѣднихъ подчиняться ихъ капризамъ». Чупровъ уѣхалъ недовольнымъ, а Боголѣповъ, конечно, отправился въ концертъ. Подымаясь на лѣстницу Дворянскаго Собранія, гдѣ давался концертъ, онъ былъ встрѣченъ группой студентовъ, которые неожиданно окружили его тѣснымъ кольцомъ такъ, что никто не могъ до него дотронуться и довели его до мѣста. По окончаніи концерта тѣже студенты съ помощью того же маневра довели его невредимымъ до выходныхъ дверей. Но нѣсколько дней спустя на одной изъ лекцій Николая Павловича эти самозванные защитники дерзко заявили ему, что они защи-

щали не Боголѣпова, которому они не сочувствуютъ, а ректора. «Кара виновныхъ, прибавили они, повлекла бы за собою безпорядки». Позднѣе Николай Павловичъ слышалъ, что въ этомъ дѣлѣ студенты повиновались велѣнію Союзнаго Совѣта. Весьма возможно, что послѣдній находилъ нужнымъ попугать ректора, но считалъ безпорядки нецѣлесообразными и преждевременными. Въ описываемое время студенты были уже сильно наэлектризованы. Даже благожелательное увѣщаніе, съ которымъ Боголѣповъ обратился на одной изъ своихъ лекцій къ первокурсникамъ юристамъ, вызвало взрывъ негодованія студентовъ медицинскаго и естественнаго факультетовъ. Между тѣмъ тема этого увѣщанія была самая безобидная. Боголѣповъ въ сотый разъ съ искреннимъ участіемъ совѣтовалъ своимъ слушателямъ не увлекаться разрѣшеніемъ вопросовъ, находящихся внѣ ихъ компетенціи и отвлекающихъ ихъ отъ научныхъ занятій. Вслѣдъ за этимъ одинъ изъ сочувствовавшихъ Николаю Павловичу студентовъ написалъ ему письмо, въ которомъ предупреждалъ, что ему опять готовится оскорбленіе. Извѣстіе о вашей рѣчи, писалъ онъ, встрѣчено была на медицинскомъ и естественномъ факультетахъ дерзкими выходками и возгласами: «мы бы ему по своему отвѣтили!» Къ счастію, и на этотъ разъ угроза не была приведена въ исполненіе.

Особенное негодованіе университетской молодежи возбуждали мѣры Боголѣпова, принимаемыя имъ противъ студенческихъ безпорядковъ. Несмотря на то, что сходки въ то время правительствомъ не дозволялись, случалось и тогда студентамъ собираться въ большомъ количествѣ въ университетѣ. На сходкахъ рѣшались слѣдующаго рода вопросы: освистать ли профессора, нанести ли ему оскорбленіе, потребовать ли отъ начальства освобожденія политическихъ неблагонадежныхъ товарищей и устроить ли безпорядки въ случаѣ неисполненія студенческихъ требованій. Когда университетское начальство долгое время не препятствовало собиранію сходокъ, революціонные агитаторы пользовались приподнятымъ настроеніемъ студентовъ, чтобы склонить ихъ къ болѣе дерзкимъ требованіямъ уже политическаго характера. Чтобы не допускать начавшемуся волненію разростаться до массоваго возстанія студентовъ, Николай Павловичъ спѣшилъ всегда положить конецъ сходкамъ. Сперва онъ прибѣгалъ къ увѣщаніямъ, съ которыми обращались къ собравшимся на сходкѣ инспекторъ студентовъ и его помощники. Послѣдніе исполняли свои обязанности, но первый никогда. Онъ постоянно заигрывалъ со студентами, расшаркивался передъ ними и даже, говорятъ, выражалъ сочувствіе ихъ желанію рѣшать интересующіе ихъ вопросы, при чемъ осуждалъ строгія распоряженія ректора. Конечно такимъ по-

веденіемъ Добровъ пріобрѣталъ большую популярность между студентами и возбуждалъ ненависть къ Боголѣпову. Послѣдній узналъ о подобныхъ разговорахъ инспектора съ молодежью отъ сочувствовавшихъ ему учениковъ, профессоровъ и студентовъ. Между послѣдними у него были и друзья, хотя конечно немного. Къ нимъ принадлежали болѣе серьезные молодые люди, интересующіеся наукой и способные понять благородныя стремленія Николая Павловича, прозваннаго ими «Римскимъ патриціемъ».

Но вернемся къ сходкамъ. Когда студенты отказывались расходиться, Боголѣповъ принужденъ былъ прибѣгать къ помощи полиціи, при чемъ почти всегда удавалось захватить зачинщиковъ волненій. Удаленіемъ послѣднихъ обыкновенно кончалось возбужденіе студентовъ. Но, недовольство Боголѣповымъ среди молодежи росло и выражалось угрозами. Какъ было видно выше, угрозы не пугали Николая Павловича, но усиливающееся вліяніе Союзнаго Совѣта на студентовъ и наглость послѣднихъ при сочувствіи къ нимъ большинства профессоровъ и при бездѣйствіи высшаго начальства ослабили его энергію: онъ не вѣрилъ больше въ возможность успѣшно бороться съ начинающимся разложеніемъ университета. Борьба была не ровна. Профессора, сочувствовавшіе ему, были слишкомъ малочисленны. Инспекторъ Добровъ и большинство профессоровъ угождали студентамъ и намѣренно не вѣрили въ революціонный характеръ дѣятельности Союзнаго Совѣта. Они все еще дулись на правительство за новый уставъ. Отсюда ихъ сочувствіе студентамъ. Образъ дѣйствія Николая Павловича раздражалъ ихъ: онъ вѣдь всѣми силами хотѣлъ добиться мирнаго хода академической жизни, а они стремились доказать, что это дѣло невозможное безъ ихъ содѣйствія. Какъ извѣстно, уставъ 1884 года устранилъ профессоровъ отъ управленія университета. Боголѣповъ также сожалѣлъ объ этомъ и въ качествѣ ректора на себѣ испыталъ невыгодное положеніе, созданное ему новымъ уставомъ; но онъ не хотѣлъ, чтобы это неудовольствіе отражалось на настроеніи студентовъ. Какъ бы то ни было, враждебное отношеніе профессоровъ къ ректору привело къ столкновенію между ними. При мелочности нѣкоторыхъ изъ нихъ достаточно было для этого самаго ничтожнаго повода. Профессоръ математическаго факультета Столѣтовъ, человѣкъ раздражительный и придирчивый, наговорилъ кучу дерзостей Николаю Павловичу изъ за стирки бѣлья въ подвалахъ университета. Кажется, Столѣтовъ добивался, чтобы ректоръ снялъ запрещеніе стирать грязное бѣлье въ зданіи университета. Другой профессоръ Морковниковъ также наговорилъ непріятностей Боголѣпову изъ за какихъ-то распоряженій своихъ, касательно химической лабораторіи. Чаша тер-

нѣнія переполнилась. Убѣдившись въ безцѣльности неровной борьбы, Николай Павловичъ подалъ въ отставку.

Совершенно неожиданно попечитель настоятельно сталъ уговаривать профессоровъ подать ректору адресъ съ просьбою взять отставку назадъ. Дружественно расположенные къ Боголѣпову товарищи стали дѣйствовать въ томъ же духѣ. Всѣ профессора, исключая Морковникова, согласились. Послѣдній даже написалъ на адресѣ «совершенно несогласенъ». Въ назначенный день профессора всѣхъ факультетовъ, исключая медицинскаго, явились къ ректору на квартиру съ адресомъ [1]). На другой день пріѣхали къ Николаю Павловичу и профессора медицинскаго факультета и подали ему также записку съ просьбою остаться [2]). Попечитель и профессора стали и на словахъ просить ректора взять отставку назадъ. При этомъ ему наговорили много лестнаго, въ особенности профессора медицинскаго факультета. Мужъ счелъ неловкимъ настаивать на отставкѣ въ отвѣтъ на всѣ любезныя заявленія попечителя и товарищей. Поблагодаривъ ихъ, онъ выразилъ согласіе остаться, но мысленно рѣшилъ дождаться лѣта и послать прошеніе объ отставкѣ изъ Швейцаріи, куда онъ намѣревался ѣхать на лѣтнія каникулы. Такъ онъ и сдѣлалъ. На этотъ разъ прошеніе его было принято, и осенью 1893 года онъ ушелъ изъ ректорства.

---

[1]) „Высокоуважаемый Николай Павловичъ! Узнавъ о намѣреніи вашемъ сложить съ себя обязанности ректора, нижеподписавшіеся выражаютъ горячее сочувствіе вашей дѣятельности и единодушно просятъ васъ не покидать труднаго и отвѣтственнаго поста въ интересахъ дорогого вамъ университета. Декабря 3-го дня 1892 г.“. Затѣмъ слѣдовали подписи 74-хъ профессоровъ.

[2]) 4-го Декабря члены медицинскаго факультета, узнавъ, что высокоуважаемый Н. П. Боголѣповъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности ректора Московскаго университета, собрались въ полномъ составѣ въ квартирѣ его съ просьбой отказаться отъ принятаго рѣшенія. Просьба эта была мотивирована слѣдующими побужденіями: 1) глубокимъ уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ къ дѣятельности Н. П. какъ ректора, основанной на строгой справедливости и законности, 2) неоцѣненными заслугами его въ проведеніи новаго устава въ жизнь университета и строгою принципіальностью согласно съ лучшими началами и преданіями Московскаго университета, 3) высокимъ значеніемъ его дѣятельности въ трудныя минуты университетской жизни, 4) желаніемъ сохранить здоровье и спокойное теченіе жизни университета. Послѣ долгихъ настойчивыхъ просьбъ и разъясненій, что нижеподписавшіеся вполнѣ готовы оказать всякое содѣйствіе въ дѣятельности Н. П., какъ ректора, Николай Павловичъ наконецъ уступилъ. Затѣмъ слѣдовали подписи 38 профессоровъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ САВВЫ АРХІЕПИСКОПА ТВЕРСКОГО.

Этотъ шестой томъ такъ же, какъ и первые пять, полонъ живѣйшаго интереса, а разсказанныя въ немъ событія такъ близки къ нашему времени, что современникамъ невольно приходится какъ бы вновь переживать свое прошлое. Къ сожалѣнію, Записки Саввы печатаются неполностью, и причина пропусковъ вполнѣ ясна: откровенный авторъ въ своей автобіографіи не скрывалъ правды. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ вступая въ оцѣнку того или иного событія или лица, онъ въ большинствѣ случаевъ ограничивался дословнымъ приведеніемъ въ своемъ дневникѣ писемъ разныхъ лицъ къ себѣ и своихъ отвѣтовъ, или же изложеніемъ разговоровъ. И эта безыскусственная, неприкрашенная ничѣмъ передача какъ зеркало отражаетъ лица и часто осуждаетъ ихъ лучше самой ѣдкой критики. Одинъ, не такъ давно умершій профессоръ, читавшій Записки преосвященнаго Саввы въ подлинникѣ, говорилъ мнѣ, что печатать ихъ дословно въ настоящее время немыслимо: есть такія сообщенія о людяхъ, занимающихъ нынѣ высокія мѣста въ Россійской іерархіи, что оглашеніе не только невозможно допустить въ печать, но и сами эти лица, если бы прочитали, что́ о нихъ написано, навѣрно утратили бы свое Олимпійское спокойствіе, и краска стыда залила бы не одно безжизненно-аскетическое лицо.

Но tempus fugit... Скоро уже современники Саввы сойдутъ въ могилу, и многіе изъ насъ еще могутъ дождаться опубликованія пропущенныхъ теперь мѣстъ, которыя подымутъ завѣсу надъ мрачными страницами изъ жизни недалекаго прошлаго. Даже и то, что́ опубликовано, заставляетъ насъ съ интересомъ прочесть Записки правдиваго и просвѣщеннаго владыки.

«8 Іюня въ 8½ ч. вечера 1879 г., заноситъ въ свой дневникъ преосвященный Савва, прибылъ я въ новый престольный градъ мой Тверь». Затѣмъ, послѣ описанія обычныхъ встрѣчъ и знакомствъ съ сослуживцами, онъ пишетъ, что «13 Іюня, между прочими бумагами, получено было мною прошеніе учредительницы Училища дѣвицъ духовнаго вѣдомства Наталіи Антоновны Булахъ».

«Въ прошеніи своемъ отъ 27-го Мая Булахъ изъяснивъ, что не желаетъ далѣе оставлять за собою управленіе училищемъ, просила меня сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе о принятіи отъ нея училища, при чемъ приложила подробныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи училища по отношенію построекъ, капитала, библіотеки, вещей церковныхъ, хозяйственныхъ и находящихся въ употребленіи у дѣвицъ».

«Потребовавъ изъ Консисторіи дѣло объ основаніи сего училища, я узналъ, что оно основано въ г. Ржевѣ въ Октябрѣ 1865 г. на счетъ способовъ, пожертвованныхъ собственно Московскою почетною гражданскою дѣвицею Анною Васильевною Мазуриною для 24-хъ сиротъ-дѣвицъ, преимущественно г. Ржева и его уѣзда, и, только въ случаѣ свободной вакансіи, могутъ быть принимаемы дѣти священно-церковнослужителей уѣздовъ: Зубцовскаго, Старицкаго и Осташковскаго. Булахъ же, какъ бывшая гувернантка Мазуриной, овладѣвъ ею и принадлежащими ей капиталами, присвоила себѣ и званіе учредительницы училища, и въ этомъ званіи оставила за собою, на основаніи пункта 2-го примѣчанія къ уставу училища, должность начальницы. Но что побудило Булахъ отказаться отъ этой должности, для меня на этотъ разъ оставалось неизвѣстнымъ».

Впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, эта г-жа доставляла преосвященному немало хлопотъ. Булахъ, пользуясь за щедрыя приношенія особымъ покровительствомъ одного изъ предшественниковъ преосвященнаго Саввы, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ брала деньги дѣвушки Мазуриной и, только благодаря живому участію къ этой послѣдней Т. И. Филиппова (государственнаго контролера), это возмутительное дѣло всплыло на свѣтъ Божій, при чемъ вышеупомянутая духовная персона объявилась въ весьма неприглядномъ свѣтѣ.

«27-го Іюня, пишетъ далѣе преосв. Савва, былъ у меня священникъ Калязинскаго собора Іоаннъ Бѣлюстинъ, вызванный мною для личнаго объясненія по поводу указа Св. Синода, коимъ было предписано мнѣ удостовѣриться въ томъ, дѣйствительно ли статьи «Къ вопросу о раскольникахъ», помѣщенныя въ №№ 43 и 44 газеты «Церковно-Общественный Вѣстникъ» за 1879 годъ, составлены священникомъ Бѣлюстинымъ и, если это подтвердится, то, запретивъ ему священнослуженіе и истребовавъ отъ него объясненіе, обсудить, можетъ ли Бѣлюстинъ послѣ напечатанія сихъ статей быть оставленъ въ священномъ санѣ и о послѣдующемъ представить Св. Синоду».

«Такъ какъ Бѣлюстинъ означенныя статьи призналъ своими, то ему запрещено было священнослуженіе. Между тѣмъ, Консисторія, критически разобравъ эти статьи и принявъ во вниманіе прежніе поступки, Бѣлюстина, пришла къ слѣдующему заключенію: «Такъ какъ всѣ кроткія мѣры внушенія и вразумленія остались для священника Бѣлюстина недѣйствительными, и онъ, какъ бы въ поруганіе этихъ мѣръ, высказывалъ и продолжаетъ выказывать возрастающую дерзость и рѣзкость въ своихъ статьяхъ и какъ бы посмѣивается и надъ пастырями церкви Христовой, и надъ самою церковію, и надъ предержащею властію, покровительствующею Св. Церкви Христовой, то его, Бѣлюстина, невозможно оставить въ священномъ санѣ». Заключеніе это мною было утверждено и представлено на дальнѣйшее распоряженіе Св. Синода. Священникъ Бѣлюстинъ, при личномъ со мною объясненіи, узнавши, что его ожидаетъ запрещеніе въ священнослуженіи, смутился и высказалъ мысль о снятіи съ себя сана, но я отклонилъ его отъ этой безразсудной мысли».

О. Бѣлюстинъ уже вторично попалъ къ преосвященному, теперь уже непосредственному его начальнику: еще въ 1865 г. Саввѣ было поручено разсмотрѣть его сомнительную рукопись «Страстная недѣля», которая и была имъ исправлена по его указанію *). Благодушный владыка и тутъ ограничился одними совѣтами.

Но дѣло не прекратилось, такъ какъ изъ дневника видно, что черезъ нѣкоторое время у преосв. Саввы былъ сынъ Бѣлюстина, товарищъ предсѣдателя Спб. Окружнаго Суда, и просилъ снисхожденія къ своему отцу по дѣлу о статьяхъ. На вопросъ Саввы, зачѣмъ его отецъ занимается неумѣстными и неприличными для служителя алтаря корреспонденціями въ свѣтскія газеты, большею частію лживыми и весьма оскорбительными для чести другихъ, онъ отвѣчалъ, что къ этому побуждаетъ его недостатокъ средствъ для воспитанія дѣтей и что такія корреспонденціи хорошо оплачиваются редакціями. «Отвѣтъ, достойный современнаго ученаго юриста!»...

Черезъ годъ, бывши въ Калязинѣ, преосв. Савва встрѣтился съ о. Бѣлюстинымъ и даже вмѣстѣ съ нимъ служилъ. «Вслѣдствіе раскаянія, пишетъ Савва, разумѣется, неискренняго, онъ прощенъ и разрѣшенъ Св. Синодомъ; но исправленія ожидать отъ него конечно нельзя: такъ онъ закоренѣлъ въ своемъ превратномъ умственно-нравственномъ

---

*) Русскій Арх. 1905 г. I. 248.

направленіи. Онъ всѣмъ и каждому твердитъ одно: нѣсмь якоже прочіи человѣцы... Въ Калязинскомъ обществѣ, и духовномъ, и свѣтскомъ, онъ стоитъ какъ древній Измаилъ, коего руцѣ на всѣхъ и руцѣ всѣхъ на него. Онъ всѣхъ презираетъ, и отъ него всѣ отвращаются, какъ отъ опаснаго человѣка».

Любопытно письмо къ преосвященному одного виднаго синодала, директора хозяйственнаго управленія при Св. Синодѣ, д. с. с. А. Г. Ильинскаго, гдѣ онъ между прочимъ пишетъ: «Со времени смерти преосвящ. Евсевія *), моего дяди, меня осаждаютъ нѣкоторые изъ служившихъ при немъ своими просьбами ходатайствовать предъ вашимъ преосвященствомъ объ ихъ участи. Къ таковымъ принадлежатъ бывшій секретарь преосвященнаго, Морошкинъ и келейникъ Грузинъ Павелъ. Я знаю ихъ, но очень мало; преосвященный же Евсевій, кажется, былъ ими доволенъ. Поэтому я долгомъ считаю покорнѣйше просить ваше преосвященство, если оба названныя лица, по ближайшему вашему усмотрѣнію, заслуживаютъ вашего вниманія, оказать имъ участіе въ устроеніи ихъ судьбы, именно, если Морошкинъ не можетъ быть оставленъ по чему-либо въ прежней должности, то не можетъ ли онъ быть пристроенъ на должность столоначальника въ Консисторію, а келейникъ Павелъ, если также не будетъ оставленъ въ своей должности, не можетъ ли быть опредѣленъ къ какой-либо должности въ епархіи, въ которой онъ повидимому желаетъ остаться? Вообще усерднѣйше прошу ваше преосвященство обратить на этихъ лицъ благосклонное вниманіе и сдѣлать для нихъ все возможное для устройства ихъ судьбы».

Разумѣется, эта просьба вліятельной синодальной персоны была для преосвященнаго Саввы приказомъ, который онъ исполнилъ.

Намъ остается пожалѣть, что наши преосвященные такъ мало оставляютъ послѣ себя замѣтокъ съ записями о сношеніяхъ съ подобнаго рода синодалами. Намъ, впрочемъ, лично извѣстны краткія такія замѣтки о своей жизни одного престарѣлаго архіепископа, въ которыхъ помѣчены не только сношенія съ синодскими дѣятелями, но и съ отмѣтками кому и когда и за что «сколько дадено».

«Вскорѣ, пишетъ Савва, меня посѣтилъ проѣздомъ на родину во Владимиръ протоіерей Спб. Казанскаго собора Павелъ Константиновичъ Цвѣтковъ. Я пригласилъ своего гостя къ трапезѣ и немало съ нимъ

*) Предшественникъ Саввы.

побесѣдовалъ о разныхъ лицахъ и матеріяхъ. Между прочимъ, онъ разсказалъ объ исторіи во Владимірской семинаріи политическаго характера, возбужденной вслѣдствіе темы, данной ревизоромъ М. ученикамъ IV класса, слѣдующаго содержанія: «Почему семинаристы стремятся въ свѣтскія учебныя заведенія?» Эта тема дала поводъ нѣкоторымъ ученикамъ осуждать духовныя школы и иронически отзываться о преподавателяхъ и преподаваніи. Затѣмъ, о. Цвѣтковъ представилъ мнѣ характеристику нѣкоторыхъ архіереевъ, его сверстниковъ по Академіи, а именно: Викторина [1]) Полоцкаго и Ѳеогноста [2]) Владимірскаго. Вотъ какими чертами онъ характеризовалъ ихъ: Викторинъ мелоченъ, Ѳеогностъ добрый пастырь».

Затѣмъ преосв. Савва замѣчаетъ: «Городскимъ духовенствомъ, и въ особенности Консисторіею, я пока доволенъ; дѣла идутъ мирно и спокойно. Въ концѣ Іюня я имѣлъ удовольствіе, или, вѣрнѣе, непріятность лично объясняться съ пресловутымъ Калязинскимъ публицистомъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что его личная со мною бесѣда не произвела на меня такого непріятнаго впечатлѣнія, какое всегда производили его газетныя статьи».

«8-го Августа я отправился въ Николо-Столпенскую пустынь. Она существовала еще во времена царя Грознаго. Есть преданіе, что царь Грозный, возвращаясь изъ Новгорода, взялъ оттуда, между прочею святынею, древній рѣзной образъ Святителя Николая, вышиною 2 аршина и 2 вершка, и оставилъ его въ Столпенской пустыни, которая, вѣроятно, съ этого времени получила названіе Николо-Столпенской. Впослѣдствіи, Новгородскій архіепископъ Ѳеодосій (Яновскій, 1721—1725 г.), возвращаясь однажды изъ Москвы мимо этой пустыни, хотѣлъ взять изъ нея образъ Святителя обратно въ Новгородъ и приказалъ уложить его въ деревянный ящикъ; но поелику ящикъ оказался несоотвѣтствующимъ размѣру образа, онъ велѣлъ отпилить у него ноги. Между тѣмъ, братія, воспротивившись этому похищенію святыни, принесла на архіепископа жалобу Синоду. Такимъ образомъ святыня эта осталась въ пустынѣ, и до настоящаго время образъ Святителя Николая остается съ подпиленными ногами. О недостойномъ православнаго епископа поступкѣ архіепископа находится свидѣтельство въ именномъ высочайшемъ указѣ отъ 11-го Мая 1725 года, гдѣ, между прочимъ, заключается «Объявленіе о винахъ бывшаго Новгородскаго архіерея Ѳеодосія». Здѣсь

[1]) Любимова, † еп. Подольскимъ 21 Августа 1882 г.
[2]) Лебедева, † митр. Кіевскимъ 22 Января 1903 г.

читаемъ: «На него жъ Ѳеодосія по дѣлу показано, какъ онъ ѣхалъ изъ Москвы въ Санктпетербургъ, тогда въ Никольскомъ монастырѣ, что на Столпѣ, распиловалъ образъ Чудотворца Николая».

Въ Ржевѣ преосвященный имѣлъ бесѣду съ городскимъ головой, бывшимъ раскольникомъ, но принявшимъ единовѣріе. Онъ увѣрялъ преосвященнаго, что если бы императоръ Николай, принявшій въ последній годъ своего царствованія нѣкоторыя репрессивныя мѣры противъ раскольниковъ, прожилъ еще полгода, расколъ въ Россіи сократился бы, по крайней мѣрѣ, на половину. Подобную мысль не разъ слышалъ я отъ разныхъ лицъ и прежде. Едва ли, прибавимъ мы, это заключеніе ренегата-раскольника справедливо; напротивъ, если бы не принимались такія возмутительныя преслѣдованія противъ истинно Русскихъ вѣрующихъ людей и если бы была тогда предоставлена свобода отправленію обрядовъ, то раскола давнымъ давно бы и не было. Раскольники были всегда тѣмъ кускомъ, которымъ лакомились и синодальное, и гражданское вѣдомство, начиная съ XVII вѣка. Изъ напечатанныхъ мной въ Чтеніяхъ (1885 г.). «Дневныхъ дозорныхъ записяхъ о Московскихъ раскольникахъ» можно отчасти усмотрѣть, какіе подкупы и преслѣдованія имѣли мѣсто въ послѣдніе годы царствованія «незабвеннаго». Обираемые, гонимые всюду, старообрядцы, не имѣя прямого доступа къ властямъ, естественно должны были искать защиты у своихъ болѣе сильныхъ единовѣрцевъ, имѣющихъ ходы по начальству, а эти въ свою очередь, собирая большія суммы на подкупы властей предержащихъ, и себя не забывали, и пользовались почетнымъ уваженіемъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Множество богатыхъ фабрикантовъ, именитыхъ купцовъ на этомъ покровительствѣ своимъ единовѣрцамъ составили себѣ крупныя состоянія. Считаясь покровителями и защитниками, они не только поддерживали расколъ, но и развивали его. Это была ихъ доходная статья, особенно для фабрикантовъ, которые своихъ единовѣрцевъ-рабочихъ на фабрикѣ безсовѣстно обирали, разыгрывая роль отцовъ-покровителей. Изъ всѣхъ дѣйствій, предпринимавшихся противъ раскола, такъ и сквозитъ мысль, весьма вѣрно выраженная однимъ чиновнымъ синодаломъ: «Уничтоженіе раскола не желательно ни для Синода, ни для духовенства, такъ какъ безсмысленно было бы зарѣзать курицу, несущую золотыя яйца».

Преосвященный Савва посѣтилъ домовую церковь при упомянутомъ выше Училищѣ дѣвицъ духовнаго происхожденія. «Церковь показалась мнѣ очень красивою и благолѣпною. Изъ церкви зашелъ я и въ Училище, гдѣ все нашелъ въ добромъ порядкѣ. Я произвелъ воспитан-

ницамъ испытаніе по всѣмъ предметамъ училищной програмы. Отвѣты слышались не вполнѣ удовлетворительные. Тутъ, между прочими служащими находилась и одна изъ учредительницъ, Булахъ. Не видя другой, главной основательницы училища (Мазуриной), я пожелалъ видѣть и ее; но Булахъ мнѣ сказала, что г-жа Мазурина, по причинѣ болѣзни, не можетъ ни сама выйти, ни у себя принять. Пользуясь личнымъ свиданіемъ съ г-жею Булахъ, я убѣдительно просилъ ее, чтобы она или сама продолжала быть начальницею Училища, взявши назадъ свое заявленіе отъ 27-го Мая, или указала на эту должность достойную кандидатку; но она на первое не согласилась, а отъ второго уклонилась. Такое упрямство мнѣ очень не полюбилось. Я спрашивалъ у нѣкоторыхъ Ржевскихъ гражданъ, что̀ значитъ такое рѣшительное упорство со стороны Булахъ; мнѣ отвѣчали, что она оскорблена какою-то газетною статьею и потому рѣшилась отказаться отъ завѣдыванія Училищемъ, не отказываясь отъ права властвовать надъ служащими при Училищѣ. Между тѣмъ, въ Ржевѣ ходили неясные толки о какихъ-то странныхъ, непонятныхъ ни для кого отношеніяхъ Булахъ къ Мазуриной и о совершенномъ затворничествѣ послѣдней».

«Не въ далекомъ разстояніи отъ этого Училища находится другое подобное же для бѣдныхъ дѣвицъ, дочерей Ржевскихъ гражданъ, учрежденное также на средства дѣвицы А. В. Мазуриной, и при немъ также благолѣпная церковь. Я посѣтилъ и это училище съ церковію».

Прощаясь съ Ржевомъ, преосв. Савва вспоминаетъ объ одномъ, умершемъ въ 1857 г., соборномъ протоіереѣ, Матѳеѣ Константиновскомъ, какъ замѣчательномъ ораторѣ и проповѣдникѣ *).

«О. Матѳей обладалъ счастливымъ и, можно сказать, необыкновеннымъ даромъ слова. Этотъ даръ слова и вмѣстѣ даръ проповѣдничества составляли характеристическую черту его. Когда онъ говорилъ, рѣчь его лилась рѣкой. На церковной каѳедрѣ онъ былъ неистощимъ и въ высшей степени назидателенъ. Это былъ рѣдкій импровизаторъ. Таковъ онъ былъ на всѣхъ мѣстахъ своего служенія; но въ г. Ржевѣ главною его заботою, соотвѣтствовавшею и самому его назначенію, было искорененіе особенно усилившагося здѣсь въ то время раскола и распространеніе православной вѣры между заблуждающимися или удаляющимися отъ единенія съ св. церковію. Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ онъ ежедневно ходилъ по домамъ раскольниковъ, весьма сильно и убѣдительно доказывалъ имъ несправедливость ихъ вѣрованія. Но, къ

*) Это духовный наставникъ Гоголя. П. Б.

сожалѣнію, этотъ проповѣдникъ истины не могъ имѣть большихъ успѣховъ. Между тѣмъ, по излишней ревности къ дѣлу Божію, онъ допустилъ себя ввесть въ такое искушеніе, которое причинило ему и его семьѣ великую скорбь, а именно: 1-го Мая 1853 г. [1]) онъ принялъ отъ неизвѣстнаго человѣка ящикъ съ какими-то мощами, будто бы главою преп. Саввы, похищенною въ 1812 г. изъ Московскаго Андроніевскаго монастыря, и внесъ эту мнимую святыню въ соборъ, гдѣ предъ оною совершилъ соборнѣ молебное пѣніе. Объ этомъ произведено было, по распоряженію Св. Синода, строгое секретное дознаніе и требовалось заключеніе отъ Московскаго митрополита Филарета. Дѣло кончилось тѣмъ, что предписано было хранить эти мнимыя мощи въ ризницѣ Тверскаго каѳедральнаго собора подъ печатію, гдѣ онѣ и до сего времени хранятся» [2]).

Владимирскій викарій Іаковъ, между прочимъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ преосв. Саввѣ упоминаетъ, что «одинъ изъ раскольничьихъ архіереевъ Кононъ, лѣтъ 80 старикъ, давно заключенный въ Суздальской крѣпости, объявляетъ своимъ, въ Австріи и Россіи, что не желаетъ болѣе называться епископомъ, считая недостойнымъ носить высокое званіе, но не присоединяется къ Православію. Человѣкъ очень разумный и не чуждающійся насъ. Читаетъ все. Владыка говорилъ съ нимъ, но ничего не успѣлъ. Я совѣтую владыкѣ повторить свое ему увѣщаніе на письмѣ».

Исторія этого архіерея Конона правдиво описана Пругавинымъ [3]). Пойманный въ 1858 г. въ Кіевской губерніи Кононъ, по опредѣленію Св. Синода, отправленъ въ Спасо-Евфиміевскій монастырь подъ особенный надзоръ епархіальнаго и монастырскаго начальства. Владимирскій архіерей Іустинъ, получивъ синодскую бумагу, положилъ еще болѣе краткую, безсердечную резолюцію: «помѣстить въ отдѣльной комнатѣ при арестантскомъ отдѣленіи»; а принявшій плѣнника въ свое вѣдѣніе комендантъ Суздальской крѣпости, архимандритъ Амвросій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы военный караулъ имѣлъ *особый строжайшій надзоръ*. Двѣнадцать лѣтъ томился несчастный старикъ въ этой страшной крѣпости, управляемой безчеловѣчными комендантами иноческаго чина. Въ 1870 г. онъ былъ переведенъ въ Никольскій единовѣрческій монастырь подъ присмотръ раскольническаго настоятеля-ренегата для вразумленія и въ чаяніи, что миссіонеры Русской церкви могутъ на-

[1]) Стало быть, черезъ годъ съ небольшимъ по кончинѣ Гоголя. П. Б.

[2]) Объ этомъ дѣлѣ въ Чтен. Общ. Любит. Духов. Просв. 1861 г., Февраль.

[3]) Старообрядчество во второй половинѣ XIX вѣка, стр. 185.

править его на путь истины. Но всѣ старанія этихъ увѣщателей остались напрасными, и вслѣдствіе закоренѣлости Кононъ опять попалъ въ мрачные казематы Суздальской обители. Только 8 Февраля 1881 года состоялось освобожденіе страдальца. Кононъ былъ такъ слабъ, что не имѣлъ силъ выйти изъ тюрьмы самъ, и его вынесли на рукахъ, при чемъ жестокосердымъ архимандритомъ у него были отобраны всѣ бумаги и записки, которыя велъ старообрядческій епископъ во время своего заключенія. Онъ умеръ 21 Января 1884 г. 92 лѣтъ отъ роду. Его страданія, его долговременное заключеніе вызываютъ невольныя чувства и жалости, и негодованія. Да и самый судъ надъ нимъ какъ бы напоминаетъ тѣ тяжелыя картины прошлаго, о которыхъ повѣствуетъ св. Маркъ въ 15-й главѣ, 14 ст., своего Евангелія.

Нетерпимость къ чужимъ религіознымъ вѣрованіямъ есть какъ бы принадлежность монашества, забывшаго вмѣстѣ со своими клятвами и евангельскія истины о любви къ ближнему. Вѣдь недаромъ же профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи, г. Никольскій, въ своихъ Лекціяхъ по гомилетикѣ (стр. 151) еще въ 1904 г. напомнилъ студентамъ слова одного изъ своихъ прежнихъ слушателей, что «монахи выше Бога». Правда, это была иронія; но вѣдь всѣмъ извѣстно, какую даютъ себѣ цѣну монашествующія особы высокаго ранга. И вотъ когда, пишетъ преосв. Савва, «въ Сентябрѣ 1879 г. исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени вступленія на службу пр. Порфирія, бывшаго викарія Кіевскаго, Совѣтъ Академіи хотѣлъ поэтому поводу почтить его возведеніемъ въ званія почетнаго члена Академіи; нѣкоторые предлагали даже поднести ему докторскій дипломъ; но намъ дано знать, что свыше на это посмотрятъ не очень хорошо. Преосв. Порфирій любитъ выставлять часто свои оригинальныя мнѣнія. Будучи въ Кіевѣ, онъ представилъ оберъ-прокурору Синода записку о штундистахъ, въ которой чуть ли не доказалъ, что штундисты-то и суть настоящіе христіане. Переданная въ Синодъ записка преосв. Порфирія привела въ недоумѣніе членовъ Синода, и на первыхъ порахъ они думали послать его не въ Новоспасскій монастырь, а въ другое мѣсто...» И только за это, прибавимъ мы, что просвѣщенный епископъ взглянулъ на людей какъ истинный христіанинъ, онъ чуть было не угодилъ въ туже святую обитель, гдѣ вразумлялись въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ и старообрядческіе епископы, и непослушные попы, и иного чина люди, осмѣлившіеся не такъ думать, какъ бы хотѣлось Христовымъ намѣстникамъ.

Дальнѣйшія письма, которыя получалъ Савва отъ разныхъ благопріятелей, полны жалобъ на потрясеніе основъ и паденіе Православія.

Такъ Владимирскій викарій жалуется, что у нихъ въ Семинаріи исключили ученика за чтеніе газеты «Начало»: не сознался, какъ попалъ къ нему запрещенный номеръ. Въ Воронежѣ семинаристы у ректора выбили стекла, а у инспектора положили въ печь пороху. Когда затоплена была печь, произошелъ взрывъ, выкинуло нѣсколько кирпичей, но, къ счастію, никому не причинило вреда. Посланъ чиновникъ произвесть ревизію. Затѣмъ со словъ одного Харьковскаго старца преосв. Савва повѣствуетъ: «Я живу среди бѣлаго духовенства и съ горестію души вижу, что́ съ нимъ дѣется. Страхъ беретъ за св. церковь. Семинаріи наши... вотъ за что пора взяться. Св. отцы тамъ заброшены, все по западнымъ богословамъ учатъ. Восточные негодны, византійство чуть не ругательное слово у бѣлаго духовенства, а того и не вспомнятъ, откуда возсіялъ нашъ лучъ вѣры. Выходятъ изъ семинарій молодые люди невѣжами. Мыслимо ли это? Посмотрите, сколько политическихъ преступниковъ выступило изъ семинарій. Молодые священники уже даютъ себя знать. Посты не для нихъ, ряса имъ въ тягость..... Теперь уже усиливаются ослабить власть архіерейскую, нападаютъ на нее. Хвалилъ я преосв. Савву за то, что молодыхъ священниковъ сдерживаетъ. Картина, какъ, видите поучительная. Вотъ Лорисъ-Меликовъ настаиваетъ, чтобы Воронежскаго владыку удалили. На Семинарію вниманія не обращаетъ!! Армянину ни почемъ православный архіерей. А преосв. Серафимъ дѣлалъ для него вечеръ! Ректору сдѣлалъ Л-съ М-въ замѣчаніе, что его не встрѣтилъ, учениками остался недоволенъ: держать себя не умѣютъ. Одинъ изъ нихъ держалъ руку на столѣ, другой заложилъ ее въ пазуху. Гражданское начальство сдѣлало гостю встрѣчу царскую».

«10-го Марта вечеромъ, пишетъ преосвященный Савва, былъ у меня пріѣхавшій изъ С.-Пб., для ревизіи духовно-учебныхъ заведеній Тверской епархіи, членъ-ревизоръ Духовно-учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, д. ст. сов. Игнатій Климентьевичъ Зинченко, магистръ XVIII курса (1857 г.) Кіевской Духовной Академіи. Я былъ очень радъ его пріѣзду въ Тверь; отъ его ревизіи ожидалъ я добрыхъ послѣдствій для разстроенной во всѣхъ отношеніяхъ здѣшней Семинаріи, благодаря ректору, протоіерею А. Соколову, не отличающемуся административнымъ тактомъ. Въ бесѣдѣ со мною г. Зинченко откровенно признавался, что онъ, при десятилѣтней практикѣ своей въ должности ревизора, пришелъ къ рѣшительному убѣжденію, что для блага духовныхъ семинарій гораздо полезнѣе ректоры-архимандриты, нежели семейные протоіереи».

Этотъ же Зинченко между прочимъ разсказывалъ исторію о наслѣдствѣ 120,000 р., оставшихся по смерти настоятеля Соловецкаго монастыря, архимандрита Өеофана († въ Сент. 1871 г.). Объ этомъ наслѣдствѣ былъ споръ между монастырскою братіею и наслѣдниками умершаго. Въ этомъ спорномъ дѣлѣ принимали горячее участіе товарищъ оберъ-прокурора Св. Синода Юрій Васильевичъ Толстой [1]), прокуроръ Московской Синодальной Конторы Потемкинъ и оберъ-секретарь синодскій Крыжинъ.

«24-го Апрѣля (1880) пишетъ Савва, совершилось въ Петербургѣ, въ высшемъ бюрократическомъ мірѣ, очень важное событіе: министръ народнаго просвѣщенія и об.-прокуроръ Св. Синода (по выраженію покойнаго А. Н. Муравьева, «Гогъ и Магогъ»), графъ Димитрій Андреевичъ Толстой, согласно прошенію, всемилостивѣйше уволенъ отъ той и другой должности. Событіе это произвело сильное впечатлѣніе во всѣхъ общественныхъ сферахъ, но не къ чести особы, оставившей въ разъ оба столь высокихъ поста. По поводу этого событія много было самыхъ живыхъ и горячихъ толковъ во всѣхъ Русскихъ газетахъ; за исключеніемъ Московскихъ Вѣдомостей, всегда бывшихъ на сторонѣ графа Толстаго, и отчасти Церковно-Общественнаго Вѣстника, органа бывшаго оберъ - прокурора, всѣ прочія газеты единодушно выразили радость по случаю выхода въ отставку графа Толстого [2]). Свѣтскія газеты занимались критическимъ разборомъ его дѣйствій и распоряженіемъ преимущественно по Министерству Народнаго Просвѣщенія; но нѣкоторыя изъ нихъ, въ особенности газета «Востокъ», касались его реформаторскихъ дѣйствій и по званію оберъ-прокурора Св. Синода. Время покажетъ, да уже и показываетъ, какую память оставилъ по себѣ графъ Толстой въ сферѣ церковной. Его быстрыя реформы и незрѣло обдуманныя нововведенія въ быту духовенства и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и теперь уже начинаютъ приносить не совсѣмъ добрые плоды. Много уже объ этомъ писали и продолжаютъ писать въ разныхъ, преимущественно свѣтскихъ газетахъ».

---

[1]) Конечно это было участіе самое благородное: безкорыстнѣе человѣка надо было искать днемъ да съ огнемъ. П. Б.

[2]) Вотъ что, между прочимъ, читаемъ въ № 115 газ. „Голосъ“ отъ 26-го Апр.: „Графу Толстому, нынѣ оставившему свой постъ, пожелаемъ успокоенія отъ понесенныхъ имъ трудовъ. Успокоеніе нужно ему потому уже, что онъ сходитъ съ своего поприща, сопровождаемый далеко не благословеніями общества. Но безпристрастная исторія скажетъ, что не на него должна лечь вся тяжесть посылаемыхъ ему упрековъ. Она раскроетъ до нага истинныхъ виновныхъ, сдѣлавшихъ графа Толстого своею жертвою. Они отвѣтятъ предъ Богомъ и потомствомъ за эти блѣдныя лица, за эти слезы, за всю бездну отчаянія и скорби матерей—они, они“.

Преемникъ графа Толстого по званію оберъ-прокурора Св. Синода, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, тайный совѣтникъ Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ встрѣтилъ во всѣхъ слояхъ общества самое живое горячее сочувствіе; всѣ, въ одинъ голосъ, превознесли его похвалами во всѣхъ отношеніяхъ, и всѣ ожидали отъ его просвѣщенной и вполнѣ христіанской дѣятельности на новомъ поприщѣ служенія самыхъ благихъ плодовъ. Дай Богъ!...»

2-го Іюля прибыла въ Тверь великая княгиня Александра Іосифовна съ дѣтьми. Помолившись въ соборномъ храмѣ, августѣйшіе посѣтители прибыли въ Отрочъ Успенскій монастырь. Здѣсь случилось неожиданное приключеніе, доставившее преосвященному много тяжелыхъ минутъ. Настоятель монастыря, архимандритъ Серафимъ на этотъ разъ отлучился изъ монастыря; вмѣсто его принималъ высокихъ особъ казначей іеромонахъ Игнатій. «Когда они вступили въ соборную монастырскую церковь, вмѣстѣ съ братіею вошелъ туда и іеромонахъ Сергій, который въ это время былъ въ нетрезвомъ видѣ. Его начали было выводить изъ церкви, но онъ поднялъ шумъ, и великая княгиня приказала оставить его въ покоѣ. Онъ, между тѣмъ, подошелъ къ царскимъ особамъ и началъ вмѣшиваться въ разговоръ ихъ съ казначеемъ, при чемъ произнесъ нѣсколько дерзкихъ и оскорбительныхъ словъ великому князю. О столь неожиданномъ и прискорбномъ происшествіи на другой день донесъ мнѣ архимандритъ Серафимъ. Я предписалъ тотчасъ же каѳедральному протоіерею Первухину произвесть дознаніе какъ объ этомъ происшествіи, такъ и о причинѣ отлучки изъ монастыря настоятеля. По разсмотрѣніи затѣмъ Консисторіею произведеннаго дознанія опредѣлено: 1) іеромонаха Сергія послать, съ запрещеніемъ священнослуженія, въ Краснохолмскій Антоніевъ монастырь подъ особо строгій надзоръ настоятеля; 2) настоятелю Отроча монастыря, архимандриту Серафиму, поставить на видъ, что онъ, во время пребыванія въ городѣ высочайшихъ особъ, рѣшился оставить монастырь, притомъ во время богослуженія, и уѣхалъ въ городъ безъ особенной существенной надобности, и 3) объ этомъ распоряженіи епархіальнаго начальства, по важности случившагося происшествія, донести (и донесено) Св. Синоду».

Не смотря однако на этотъ случай, преосвященный получилъ приглашеніе во дворецъ. Владыка, конечно, принесъ извиненіе за прискорбное монастырское происшествіе. «Великая княгиня благодушно и милостиво повела со мною объ этомъ рѣчь, выразивши только сожалѣніе, что это случилось въ храмѣ. Эта бесѣда происходила въ присутствіи прочихъ особъ».

«Около этого времени, мнѣ случилось прочитать секретную брошюру, разосланную всѣмъ губернаторамъ и начальникамъ жандармскихъ управленій, подъ заглавіемъ: «Сводъ указаній данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, Мая 1880 г.» Я сдѣлалъ изъ этой брошюры нѣсколько извлеченій. Вотъ они:

«Убійство Харьковскаго губернатора, князя Крапоткина, принадлежитъ по замыслу и исполненію всецѣло одному Григорію Гольденбергу *), купеческому сыну изъ Кіевскихъ Евреевъ. Эта преступная мысль созрѣла въ немъ подъ вліяніемъ убѣжденія въ томъ, что князь Крапоткинъ былъ главнымъ виновникомъ тяжелой участи политическихъ преступниковъ, заключенныхъ въ центральныхъ тюрьмахъ Харьковской губерніи (стр. 78)... 9 Февраля 1879 г. Гольденбергъ рѣшился привести въ исполненіе задуманное преступленіе. Съ этимъ намѣреніемъ, пользуясь выѣздомъ князя Крапоткина, вечеромъ 9 Февраля, онъ вмѣстѣ съ Кобылянскимъ сталъ ожидать возвращенія губернатора, вблизи дома послѣдняго. Когда, около полуночи, карета князя Крапоткина стала приближаться къ дому, Гольденбергъ подбѣжалъ къ ней и, схватившись за ручку двери съ лѣвой стороны, произвелъ выстрѣлъ внутрь кареты. Въ туже ночь Гольденбергъ отправился въ Кіевъ, гдѣ сообщилъ объ убійствѣ Самарской, Орлову, Дическулло и Игнату Ивичеву. Все дѣло по убійству князя Крапоткина обошлось въ 520 р., которые даны были Зубковскимъ. По словамъ Гольденберга, онъ первый вызвался совершить преступленіе 2-го Апрѣля 1879 г., а за нимъ Кобылянскій; но ихъ предложенія не были приняты на томъ основаніи, что Гольденбергъ Еврей, а Кобылянскій Полякъ, тогда какъ признавалось безусловно необходимымъ, чтобы злоумышленникъ былъ непремѣнно Русскій. По этому, когда послѣ того предложилъ свои услуги Соловьевъ, его признали совершенно пригоднымъ для задуманнаго дѣла».

«Въ Іюлѣ 1879 г. назначенъ былъ въ г. Липецкѣ, Тамбовской губ., съѣздъ соціально-революціонныхъ дѣятелей изъ партіи террористовъ. На этомъ съѣздѣ впервыя заговорили о примѣненіи къ дѣлу динамита, а также высказывалась необходимость направить убійство на Одесскаго, Кіевскаго и С.-Петербургскаго генералъ-губернаторовъ. Въ тоже время предположено было устроить мину и на Одесской желѣзной дорогѣ. Всѣхъ лицъ, упоминаемыхъ въ запискѣ, около 670-ти. Изъ нихъ три

---

*) Гольденбергъ въ Апр. 1878 г. высланъ былъ въ Холмогоры и оттуда бѣжалъ въ Іюнѣ того же года (стр. 100). Въ Августѣ 1880 г. онъ лишилъ себя жизни въ Кіевской тюрьмѣ, повѣсившись на крюкѣ отъ лампы (Моск. Вѣд. 1880 г. № 273).

профессора: Кіевскаго университета Антоновичъ, Драгомановъ и Казанскаго Щаповъ, два священника, въ томъ числѣ Николаевскій, въ Харьковѣ, Лизогубъ Д., богатый дворянинъ Черниговской губерніи, нѣсколько семинаристовъ и одинъ студентъ Кіевской Духовной Академіи Павелъ Подолка».

10-го Іюня владыка получилъ письмо священника Кашинскаго Срѣтенскаго дѣвичьяго монастыря о. Колтынина съ приложеніемъ брошюръ съ житіемъ Анны Кашинской, при чемъ о. Колтынинъ жаловался, что статья Костомарова, помѣщенная въ «Вѣстникѣ Европы» за Апрѣль 1879 г., во многихъ поколебала почитаніе къ этой будто бы мнимой святой, которой, по изслѣдованіи историка, вовсе и не существовало. Имѣя свѣдѣнія о страдальческой и подвижнической жизни великой княгини Анны, продолжаетъ священникъ, я написалъ все, что могъ въ ея защиту, при чемъ онъ присовокупляетъ и устныя преданія о великой княгинѣ Аннѣ. 1) Говорятъ, что, въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія, бывшій въ Кашинѣ, деревянный Воскресенскій соборъ сгорѣлъ, при чемъ огонь коснулся и мощей великой княгини Анны; но это не ослабило благоговѣнія къ ней, такъ какъ, по изволенію Божію, сожигались и св. мощи мучениковъ. 2) При высокопр. Григоріи, архіеписк. Тверскомъ (1831—1848 г.), впослѣдствіи митрополитѣ С.-Петербургскомъ, граждане г. Кашина просили Св. Правит. Синодъ о разрѣшеніи молебныхъ пѣній и празднествъ великой княгинѣ Аннѣ; но какъ въ прошеніи не были обозначены противорѣчія лѣтописей съ рукописнымъ житіемъ Анны, потому прошеніе гражданъ не было исполнено. Вотъ преданія, относящіяся къ этому.

До XVII в. о княгинѣ Аннѣ, умершей въ 1337 г., не было и помину, и только въ 1649 г. священникъ Кашинской Успенской церкви съ гражданами довелъ до свѣдѣнія Государя о чудесахъ при гробѣ княгини Анны. Царь приказалъ Тверскому архіепископу Іонѣ открыть гробъ и освидѣтельствовать ея мощи. Былъ построенъ новый каменный храмъ. Перенесеніе мощей происходило въ личномъ присутствіи царя Алексѣя Михайловича. Было написано житіе, и въ 1650 г. установлено празднованіе. Но черезъ 27 лѣтъ объ этихъ мощахъ возникло дѣло; составилась комиссія, а затѣмъ патріархъ созвалъ соборъ, который и постановилъ, что въ житіи княгини Анны оказалось несходство съ лѣтописями, что въ чудесахъ оказались многія несогласія и неприличія, что въ житіи написано въ трехъ мѣстахъ, что «тлѣнію же не токмо мощи, но и ризы не причастны быша»; на самомъ же дѣлѣ по осмотрѣ оказалось, что мощи въ разныхъ мѣстахъ истлѣли и разрушились, а

риза и схима истлѣли и т. д. Соборъ тогда постановилъ гробъ, оставя въ церкви, запечатать архіерейскими печатями, но празднества не творить, молебновъ не пѣть, и образовъ не писать, а покровъ и бывшія иконы отобрать и взять въ Москву. Затѣмъ патріархомъ Іоакимомъ 1-го Января 1678 г. былъ въ Москвѣ собранъ великій соборъ, который и подтвердилъ вышеизложенное, при чемъ храмъ, созданный во имя великой княгини Анны Кашинской, велѣно переименовать во имя Всѣхъ Святыхъ *).

Попытки открывать мощи бывали и будутъ повторяться, тѣмъ болѣе, что самый опасный вопросъ, о нетлѣніи, уже разрѣшенъ въ 1903 г.: нетлѣніе вовсе не считается непремѣннымъ признакомъ для прославленія святыхъ угодниковъ.

Въ данномъ случаѣ преосв. Савва, принимая сочувственно такое посланіе о. Колтышина, не пожелалъ вспомнить о Духовномъ Регламентѣ, въ которомъ строго приказывается епископамъ о мощахъ святыхъ, «гдѣ какія явятся, быть сумнительнымъ, разыскивать, ибо много о семъ наплутано. Смотрѣть же долженъ епископъ, чего смотрѣть обѣщался съ клятвою на своемъ поставленіи; сіе есть о монахахъ, дабы не волочились безпутно, дабы лишнихъ безлюдныхъ церквей не строено, дабы иконамъ святыхъ ложныхъ чудесъ не вымышлено, такожъ о кликушахъ, о *тѣлесахъ мертвыхъ несвидѣтельствованныхъ*, и прочихъ, всего того добрѣ наблюдать».

При обозрѣніи епархіи въ 1880 г. преосв. Савва много скорбѣлъ о непорядкахъ, нетрезвости и корыстолюбіи духовенства, но особенно его огорчала монашествущая братія. Про одинъ изъ богатыхъ монастырей, подъ названіемъ «Теребенская пустынь», гдѣ одному настоятелю приходится 2500 р., не говоря объ остальной братіи, владыка пишетъ, что «столь обильныя средства не служатъ на пользу братіи. Многіе, если не большая часть изъ нихъ, злоупотребляютъ этими средствами. Съ давняго времени между монашествующими Теребенской пустыни развитъ былъ порокъ нетрезвости съ его извѣстными послѣдствіями. Къ несчастію, иные и настоятели подавали собою недобрый примѣръ братіи. Отсюда происходили разныя безчинія, буйства и даже, къ великому ужасу, убійства»...

«Не былъ утѣшенъ и я, при своемъ посѣщеніи, благоповеденіемъ Теребенской братіи. Не далѣе какъ за двѣ недѣли до моего пріѣзда въ

---

*) Исторія канонизаціи святыхъ, Голубинскаго, стр. 164.

пустынь, именно 6-го Іюля, іеромонахъ Арсеній въ запальчивости толкнулъ настоятеля, архимандрита Нила, съ лѣстницы, на что архимандритъ принесъ мнѣ письменную жалобу. Іеромонахъ Макарій, при самомъ моемъ пріѣздѣ, оказался нетрезвымъ, и на другой день подана была мнѣ на него крестьянкою жалоба на причиненіе ей обиды въ нетрезвомъ видѣ. И самъ настоятель, несмотря на преклонность лѣтъ (ему 75 лѣтъ), нечуждъ порока нетрезвости. Посему ему, какъ за это, такъ и за слабый надзоръ за братіею, внушено подать прошеніе объ увольненіи отъ настоятельства, и онъ вскорѣ былъ уволенъ. Я оставилъ Теребенскую съ грустнымъ настроеніемъ души и съ тяжелою заботою въ сердцѣ о приведеніи въ порядокъ этой, обильной матеріальными средствами, но скудной благочестіемъ обители».

Не лучше вело себя и бѣлое духовенство. При посѣщеніи большого Кушалинскаго прихода, состоящаго изъ 2,000 душъ муж. пола, владыка нашелъ: «настоятель, священникъ А. Кустовъ, студентъ, честнаго и трезваго поведенія, усердный проповѣдникъ слова Божія. Не таковъ его помощникъ, священникъ С. Садиковъ: вслѣдствіе ли вдовства, или по другимъ причинамъ, часто предается нетрезвости и потому неисправенъ по своей должности. Предъ моимъ посѣщеніемъ дошелъ до такой степени нетрезвости, что впалъ въ умопомѣшательство и былъ отвезенъ въ градскую больницу, гдѣ вскорѣ и умеръ, оставивъ послѣ себя 8 безпріютныхъ дѣтей. Между тѣмъ, до моего прибытія въ село Кушалино, я не имѣлъ оффиціальныхъ свѣдѣній отъ благочиннаго ни о нетрезвости священника Садикова, ни о его тяжкой болѣзни. Такова добросовѣстность выборныхъ благочинныхъ». И такихъ примѣровъ въ путевомъ журналѣ преосв. Саввы нѣсколько.

На пьянственныя дѣла Тверской монашествующей братіи было обращено вниманіе и оберъ-прокурора Св. Синода, который писалъ преосвященному: «Не могу скрыть отъ васъ, что прискорбный случай въ Отрочѣ монастырѣ, при посѣщеніи великихъ князей и королевы Греческой, произвелъ здѣсь тяжелое впечатлѣніе, о чемъ я имѣю оффиціальное извѣщеніе и изъ III Отдѣленія Собств. Е. В. Канцеляріи. Осуждаютъ безпорядокъ монастырскаго управленія, при коемъ возможно было настоятелю отлучиться въ тотъ день, когда слѣдовало ожидать вѣроятнаго посѣщенія высочайшихъ особъ, находившихся въ городѣ, а іеромонаху, вѣдомому пьяницѣ, страдавшему запоемъ и въ хмѣлю безпокойномъ, проникнуть въ церковь и слѣдовать за посѣтителями безвозбранно. Настоятелю и грѣшно, и стыдно такое небреженіе. Вотъ какія слышатся рѣчи, и противъ нихъ возразить нечего. Монастырь Отрочъ, сколько

помню, всегда былъ не въ порядкѣ; замѣчено было это и при посѣщеніи его въ 1866 году великими князьями Цесаревичемъ и Владиміромъ, когда и я при нихъ находился. А мѣсто историческое и, конечно, посѣщается многими».

Но какія бы письма владыкамъ ни писали, какія бы мѣры ни принимались, монахи, отучнѣвшіе отъ ничего-недѣланія, всегда будутъ паразитами и нежелательнымъ въ настоящее время элементомъ, подрывающимъ религіозное чувство народа. Только коренная реформа и превращеніе монастырей въ богоугодныя или учебныя заведенія могутъ вернуть къ нимъ то уваженіе, какимъ они пользовались въ доброе старое время, когда эти монастыри, гдѣ нынѣ спасаются иноки отъ трудовой жизни, были основаны, по словамъ древняго лѣтописца, трудомъ, подвигомъ, молитвами, слезами...

26-го Іюля преосвященнаго Савву посѣтилъ профессоръ Казанской семинаріи А. Ѳ. Гусевъ, который между прочимъ говорилъ о домогательствѣ Казанскаго викарія, епископа Павла, получить должность ректора въ Казанской Академіи и объ укоризненномъ и угрожающемъ письмѣ бывшаго оберъ-прокурора Синода, графа Толстого къ Казанскому преосвященному Антонію, по поводу протеста со стороны послѣдняго противъ церковныхъ и духовно-учебныхъ реформъ.

Харьковскій акаѳистныхъ дѣлъ мастеръ, А. Ѳ. Ковалевскій *), не оставлялъ владыку и въ Твери своими благоназидательными посланіями. Скорбя въ одномъ изъ писемъ о судьбѣ благовѣрной княгини Анны Кашинской, Ковалевскій говоритъ: «Недавно былъ я въ Святогорской пустыни, именно праздновалъ тамъ праздникъ Воздвиженія Креста. Извѣстный туристъ Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, въ свое время ѣдкимъ перомъ своимъ описавшій Соловки, теперь тѣмъ же почтилъ и Святогорье. Въ «Русской Рѣчи» помѣщена эта не Русская рѣчь о Русскомъ Аѳонѣ, цѣль которой понятна: это глумленіе надъ всѣмъ тѣмъ, что̀ чтитъ и чѣмъ дорожитъ Русскій народъ. Старцы Святогорскіе впрочемъ очень мирно и по евангельски отнеслись къ этой новой на нихъ клеветѣ, и даже защищаться отнюдь не желаютъ. О. архимандритъ Германъ, тоже выведенный въ этой статьѣ въ очень непривлекательномъ видѣ

---

*) Ковалевскій написалъ очень много акаѳистовъ разнымъ святымъ и такъ этимъ дѣломъ прославился, что получалъ изъ епархій заказы. Одинъ профессоръ академіи объ этой плодовитости сказалъ, что удивляться нечему: это также просто, какъ и составленіе либретто; стоитъ только прочитать хорошенько содержаніе предмета, а подогнать ритмъ недолго.

какого-то дурочка-идіота, удивляется только тому, что, не видя въ глаза Немировича-Данченка, не имѣя съ нимъ никогда никакихъ разговоровъ, печатно удостоился этой чести [1]). И это гласность нашего времени! А вотъ если совсѣмъ снимутъ съ писателей узду всякой цензуры (о чемъ такъ громко теперь заговорили газеты), еще больше народится разныхъ подобныхъ пасквилей».

Очевидно благочестивому Александру Θеодоровичу не понравилась VII глава сочиненія краснорѣчиваго писателя [2]), такъ живо изобразившаго этихъ «монастырскихъ дамъ» и существованіе «женской больницы при мужской Святогорской обители». Не понравилась ему и бѣседа писателя съ о. Серапіономъ, повѣствовавшимъ слишкомъ откровенно «о сихъ сластолюбивыхъ Венерахъ, могущихъ принимать на себя и не такіе еще виды». Удивляться и негодовать на это однако особенно нечего: если въ мужскихъ монастыряхъ живутъ Венеры, то вѣдь и въ женскихъ обителяхъ пребываютъ Аполлоны, да еще по указамъ Синода, что можно видѣть изъ 245 стр. офиціальнаго синодскаго изданія: «Составъ Св. Синода и Россійской церковной іерархіи на 1905 г.»

Изъ числа нѣсколькихъ писемъ, полученныхъ преосв. Саввой по поводу выхода въ отставку графа Д. А. Толстаго, приведемъ письмо одного провинціальнаго протоіерея, всего болѣе характеризующее взгляды нашего духовенства: «Назначеніе новаго оберъ-прокурора, какъ ожиданное, не произвело большой сенсаціи. О новомъ мало говорятъ, и о старомъ не жалѣютъ. Изъ Петербурга впрочемъ слышатся вѣсти, что новый человѣкъ благочестивый и высказывался въ томъ смыслѣ, что не будетъ допускать противоцерковныхъ реформъ. Но будутъ ли церковныя реформы, какія и скоро ли, Господь вѣсть; а, кажется, время къ тому уже идетъ».

3-го Октября преосв. Савва получилъ отъ одного законоучителя письмо, въ которомъ описывалось торжественное служеніе въ гимназической церкви Уфимскаго преосвященнаго Никанора [3]). Послѣ обѣдни владыка говорилъ слово объ истинной христіанской мудрости, о вѣрѣ, надеждѣ и любви христіанскихъ. Слово направлено противъ современной программы гимназій по классическимъ наукамъ. Ученый ораторъ изобразилъ, какъ воспитанники переводятъ изъ Гомера, какъ они знакомятся съ языческою миθологіею. Въ проповѣди немалое мѣсто зани-

---

[1]) Увѣряютъ, что г-нъ Немировичъ-Данченко никогда не бывалъ въ Соловкахъ. Н. Б.

[2]) Святыя горы, гл. VIII. Монастырскія дамы. Женская больница.

[3]) Никаноръ Боровковичъ, потомъ архіеп. Одесскій † 1890 г.

маетъ, какъ бѣгали, дрались и ухищрялись другъ противъ друга герои Троянской войны изъ-за прекрасной Елены, какъ участвовали въ интригахъ ихъ языческіе боги и богини. «Не лучше ли было бы заняться переводомъ Блаженнаго Августина «О градѣ Божіемъ», перевесть нѣкоторыя творенія св. отцовъ церкви, заняться переводомъ св. Евангелія съ Греческаго на Русскій языкъ?» Проповѣдь вообще очень хороша; но что́ это такое? Два года тому назадъ была отпечатана его же проповѣдь за классицизмъ, современный, гимназическій, сказанная имъ въ одной изъ гимназій около Ростова на Дону. Въ этой проповѣди онъ выхвалялъ систему настоящаго классическаго образованія гимназій, прославлялъ его дѣятелей. Савва на это письмо отвѣтилъ: «Рѣчь вашего владыки я читалъ въ Церковномъ Вѣстникѣ (№ 42), и немало я подивился его рѣшимости произносить ее съ церковной каѳедры. Для такой рѣчи мѣсто въ стѣнахъ гимназической актовой залы, а не въ храмѣ Божіемъ. Оставайся въ живыхъ покойный владыка Московскій Филаретъ, такая рѣчь не могла бы безнаказанно или, по крайней мѣрѣ безупречно появиться на страницахъ церковной газеты съ именемъ церковной встрѣчи. O tempora, o mores!»...

Въ Запискахъ преосв. Саввы часто попадаются замѣтки весьма характернаго содержанія. Напримѣръ, одинъ изъ его посѣтителей сынъ секретаря Кіевской Духовной Консисторіи, бывшаго при митрополитѣ Евгеніи (Болховитиновѣ), передавалъ, что Евгеній занимался составленіемъ алфавитнаго указателя церковныхъ законовъ и что онъ, при всей учености своей, не чуждъ былъ мздоимства. Такъ, онъ принялъ въ даръ отъ генеральши У́домъ карету съ шестернею лошадей, и за это обѣщалъ ей рѣшить, въ угодность ея, дѣло о признаніи ея дочери законнорожденною; но рѣшенію въ такомъ смыслѣ дѣла воспротивился секретарь Матвѣевъ. Митрополитъ такъ былъ раздраженъ сопротивленіемъ секретаря по этому дѣлу, что пораженъ былъ смертельнымъ апоплексическимъ ударомъ. Это было 23 Февраля 1837 года.

Другой знакомый Саввы А. Н. Ладыженскій, доцентъ Ярославскаго Лицея, между прочимъ, сообщалъ, что ректоръ Московскаго Университета Н. С. Тихонравовъ изъ трактирныхъ мальчиковъ взятъ былъ графомъ Остерманомъ и отданъ имъ въ гимназію, откуда поступилъ въ Университетъ.

Намѣстникъ Невской лавры, архимандритъ Симеонъ, поздравляя съ праздникомъ, между прочимъ сообщалъ выдающіяся новости. Ожидаются реформы въ духѣ сдержанности и осторожности, въ ограниченіе свободолюбія, въ поддержаніи монашества, въ сокращеніе рвенія къ классициз-

му, въ несочувствіи къ выборному началу. Оберъ-прокуроръ съ нашимъ владыкою пребываютъ во взаимной любви и уваженіи другъ къ другу, а это для блага церкви немало... «Много зла внесло это начало, писалъ въ отвѣтъ преосвященный Савва, и въ наши учебныя заведенія, и въ епархіальную область. Здѣсь свѣтскія лица выборныхъ благочинныхъ не иначе называютъ какъ ширмами, за которыми укрываются отъ взоровъ архіереевъ всякія безчинія и пороки бѣлаго духовенства. И это совершенная правда. А сколько безчинія и всякихъ безобразій происходитъ при самомъ выборѣ благочинныхъ, и при томъ гдѣ же? Въ храмѣ Божіемъ! Подобныя безчинія при выборахъ дворянскихъ и земскихъ совершаются, по крайней мѣрѣ, внѣ храма. Тверь на сихъ дняхъ была свидѣтельницею этихъ безобразій и низкихъ интригъ, происходившихъ въ Дворянскомъ собраніи».

И такъ недолго просуществовали выборные благочинные.

Еще въ 1864 г. И. С. Аксаковъ писалъ *), чтобы благочинные непремѣнно избираемы были самимъ духовенствомъ, и мы рѣшительно не понимаемъ, что могло препятствовать опредѣленію выборныхъ благочинныхъ. Неужели недовѣріе къ недостаточному развитію духовенства? Но вѣдь крестьяне выбираютъ же изъ среды себя выборныхъ представителей своего сословія. Неужели уровень развитія нашего духовенства ниже уровня развитія ихъ прихожанъ?

Антагонистъ Саввы, о. Бѣлюстинъ къ этому добавлялъ: «Да неужели духовенство безсмысленнѣе всякаго мѣщанина, что не умѣетъ выбрать дѣльнаго благочиннаго. Дайте же духовенству право выбирать изъ среды себя благочинныхъ и выбирать на три года не больше, и исчезнетъ нечестивое племя злочинныхъ». «Несмотря на всѣ доказательства, писалъ также профессоръ Ростиславовъ, что благочинные должны выбираться духовенствомъ, епархіальныя власти не очень охотно соглашаются; хотя нѣсколько архіереевъ и ввели въ своихъ епархіяхъ выборное начало, но большинство владыкъ не хотятъ разстаться съ своими прежними правами. Да и что, впрочемъ, можно ждать отъ выбора благочиннаго духовенствомъ? Вѣдь при архіереяхъ остаются прежніе письмоводители, податчики, лакеи, экономы и вся челядь, а въ консисторіи—тоже ненасытное полчище взяточниковъ, тѣже члены безъ значенія, тотъ же бичъ духовенства—секретарь. Что же при такомъ положеніи дѣлать выборному благочинному? Удовлетворять всѣхъ взяточниковъ изъ своего кармана? Не достанетъ денегъ; придется разо-

*) День, № 31.

риться. Не расплачиваться же съ Консисторіею и архіерейской челядью невозможно: замучатъ придирками, оклевещутъ передъ владыкою, подвергнутъ суду, и выборному благочинному придется сдѣлаться взяточникомъ или мученикомъ. Благочинные дѣйствительно должны быть избираемы самимъ духовенствомъ, но они составляютъ низшую ступеньку лѣстницы; надобно въ одно время вычистить среднія и верхнія ступеньки. Гдѣ же тотъ Геркулесъ, который бы для чести не только духовенства, но и всего человѣчества своею палицею уничтожилъ полчище взяточниковъ и получилъ за то Георгія 1-й степени!?» Это было писано Ростиславовымъ за 15 лѣтъ до вышеупомянутаго письма, полученнаго Саввой, съ радостной вѣстью объ отмѣнѣ выборныхъ благочинныхъ.

Вообще всѣ Толстовскія реформы возбудили негодованіе въ епархіальныхъ властяхъ, и ловкіе люди воспользовались этимъ въ смыслѣ нѣкоторой наживы, въ виду исключительнаго положенія нашихъ владыкъ, могущихъ безапелляціонно налагать дани на церкви и сбывать имъ всякій литературный и иной хламъ.

Н. В. Елагинъ обратился къ Саввѣ съ просьбой о распространеніи своей книги «Бѣлое духовенство и его интересы». «Послѣднія реформы въ церкви», писалъ онъ, «столько надѣлали зла, что настоитъ неотлагательная надобность къ искоренію его. Съ этою цѣлію и издана сія книга; при нынѣшнемъ оберъ-прокурорѣ, кажется, лучшее къ тому время». Преосв. Савва, изъявивъ готовность распространить это твореніе, свое письмо закончилъ увѣренностью, что всякій, кто прочитаетъ эту книжку, воздастъ автору искреннюю благодарность, исключая, разумѣется, «Бѣлюстина и его неразумныхъ почитателей». Книга Елагина была раздѣлана подъ орѣхъ въ «Востокѣ» (№ 80—82 за 1881 г.). И старый Питерскій знакомецъ преосв. Саввы, архим. Симеонъ (впослѣдствіи Минскій преосвященный) объ этой раздѣлкѣ писалъ преосвященному: «Странно, какъ могутъ безнаказанно сходить съ рукъ такія издѣлія нынѣшней прессы, столь оскорбительныя для высшаго духовенства!» Въ этихъ двухъ строкахъ такъ и сказывается вся монашеская злоба и нетерпимость къ малѣйшему проявленію свободнаго слова и вмѣстѣ съ тѣмъ жестокая мстительность, и мы повторимъ то замѣчаніе, которое было сдѣлано профессору Никольскому: «Вы, кажется, затрогиваете въ своихъ лекціяхъ монашество; будьте осторожны: монахи выше Бога» *).

*) Лекціи по гомилетикѣ, читан. проф. В. К. Никольскимъ ст. 61 и 62 курса Спб. Дух. Академіи въ 1903—1904 гг., стр. 151.

На второй годъ своего пребыванія въ Твери, 14-го Марта 1881 года, Савва писалъ въ Ташкентъ преосвященному Александру: «При переводѣ съ Харьковской епархіи на Тверскую, меня изъ Спб. увѣряли, что въ Твери, послѣ такихъ великихъ свѣтилъ, какъ Платонъ, Филаретъ, Григорій, Филоѳей и др., все должно обстоять въ наилучшемъ видѣ, ничего не встрѣтится темнаго и мрачнаго. Между тѣмъ, на первыхъ же порахъ моего здѣсь пребыванія, мнѣ представилась очень мрачная картина. Въ Консисторіи оказалось такое же кривосудіе, лицепріятіе и мздоимство, яко же и вездѣ; по монастырямъ, коихъ здѣсь очень немало, распущенность дошла до убійствъ; нигдѣ между бѣлымъ духовенствомъ не встрѣчалъ я такого пьянства, какъ здѣсь. Но верхъ безобразій и непорядковъ нашелъ я въ здѣшней семинаріи, многолюднѣйшей изъ всѣхъ Русскихъ семинарій (до 800 воспитанниковъ). Въ прошедшемъ году назначено было сюда двѣ ревизіи: одна по учебно-педагогической и административной части, а другая исключительно по экономической. По той и другой ревизіи главнымъ виновникомъ всѣхъ безпорядковъ оказался ректоръ, къ сожалѣнію, мой воспитанникъ по Академіи. Само-собою разумѣется, что онъ удаленъ уже отъ должности. Произведенъ въ прошедшемъ Январѣ выборъ новаго ректора; избранъ свѣтскій инспекторъ Смоленской семинаріи Соколовъ и мною представленъ въ Синодъ, но избранный еще не утвержденъ Синодомъ. При этомъ выборѣ ученая корпорація наша раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря, хотя эта взаимная вражда существовала и прежде, и мнѣ поручено Синодомъ умиротворить эту вражду и вообще водворить въ семинаріи порядокъ. Можете послѣ сего судить, каково мое здѣсь положеніе; не лучше Витебскаго!..»

Изъ Владимира викарный Іаковъ 9-го Апрѣля писалъ: «Архіепископъ Филаретъ (Гумилевскій) вызванъ въ Синодъ для присутствованія именно вслѣдствіе Девіеровскаго дѣла. Ему долѣе оставаться въ Харьковѣ нельзя было. Слишкомъ много грязи накидали на него и на монастыри, не исключая и архіерейскаго дома. Синодъ на этотъ разъ очень ловко поступилъ, взявъ его къ себѣ подъ покровъ. И преосв. Филаретъ и я въ одно время пріѣхали въ Москву; но я предупредилъ его визитомъ къ владыкѣ *), который въ то время жилъ въ скиту. Это было въ Іюнѣ. Изъ краткаго моего словеснаго отчета владыка узналъ обстоятельство, насколько неправъ былъ гость, и два дня пробиралъ его. Что за келію было передано, того изъ письменнаго отчета не видно. Успѣшному ходу слѣдствія по доносу помогъ губернаторъ И. Д. Лу-

*) Митрополитъ Филаретъ.

жинъ. Позвавъ къ себѣ Девіера, онъ спросилъ его, кто писалъ ему доносъ, и, узнавъ, что составлялъ пасквиль чиновникъ Наколовъ (Кіевскій уроженецъ), онъ тотчасъ донесъ министру о пасквилянтахъ и получилъ приказаніе Наколова удалить изъ города въ 24 часа, а графу воспретить выѣздъ изъ имѣнія. Я свободно могъ вести слѣдствіе, никѣмъ нестѣсняемый».

Девіеровское дѣло состояло вотъ въ чемъ. Оно возникло въ 1857 году по обоюднымъ жалобамъ Харьковскаго помѣщика графа Девіера и игуменьи Хорошевскаго монастыря Антонины, при чемъ графомъ Девіеромъ на преосв. Филарета было возведено обвиненіе въ подкупѣ. Игуменья Антонина жаловалась Филарету, что графъ Девіеръ съ братьями дѣлали монастырю непріятности: курили сигары, пѣли пѣсни у ограды, пускали фейерверки; затѣмъ графъ Девіеръ сманилъ у монахини Рахили племянницу Татіану, жившую много лѣтъ въ монастырѣ и потомъ привелъ ее къ обѣднѣ «одѣтую неприлично, съ открытою таліею». Когда ихъ стали просить удалиться изъ храма, то они не послушались, стояли неприлично и смѣялись. Кромѣ того Девіеръ дѣлалъ игуменьѣ угрозы и кричалъ, что будетъ стрѣлять въ монастырь изъ ружья. Дѣло по этой жалобѣ перешло въ Губернское Правленіе, которое назначило слѣдствіе. Девіеръ съ своей стороны жаловался на оскорбленіе, нанесенное его женѣ Татіанѣ, на которой онъ женился: будто бы при выходѣ изъ церкви ее нарочно облили помоями. Въ дальнѣйшихъ своихъ просьбахъ Девіеръ заявлялъ, что къ нему приходилъ одинъ извѣстный ему человѣкъ съ предложеніемъ отъ архіеп. Филарета кончить все это дѣло миромъ. Но, такъ сказать, вѣнецъ убѣжденія былъ не въ устахъ посредника, а въ 1500 рубляхъ серебромъ, которые онъ и предложилъ отъ имени его высокопреосвященства. Выразивъ свое согласіе на мировую и принявъ предлагаемыя деньги (такъ какъ пріятно воспользоваться ошибкою противника и употребить на что-либо благое), Девіеръ однакоже просилъ Консисторію продолжать начатое дѣло, и оно продолжалось со всевозможными кляузами съ обѣихъ сторонъ. Въ концѣ-концовъ дѣло дошло до высочайшаго усмотрѣнія Императора, который повелѣлъ оное прекратить. Девіеръ былъ высланъ изъ губерніи на три мѣсяца, а игуменьѣ Антонинѣ и казначеѣ Елисаветѣ Синодомъ было предписано, удалясь изъ Хорошевской обители, избрать для жительства другіе монастыри. Самъ Филаретъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Синодѣ и затѣмъ перемѣщенъ на Черниговскую епархію *).

*) Болѣе подробно это интересное дѣло напечатано въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1888 г., т. XXXIII.

Въ этомъ же письмѣ преосв. Іаковъ сообщаетъ, что по поводу катастрофы 1-го Марта «у насъ привлечены къ слѣдствію три священника. Это очень смутило насъ, особенно владыку *). Двое, кажется, оправдаются, а одинъ уличается свидѣтелями въ говореніи дерзкихъ рѣчей противъ усопшаго Государя». На это сообщеніе Савва отвѣтилъ: «По поводу катастрофы 1-го Марта получилъ и я не одну уже жалобу на нѣкоторыхъ сельскихъ священниковъ, которыхъ и привлекаю, конечно, къ отвѣту. Смутное и тяжелое переживаемъ время».

«6-го Іюля дошли до меня слухи, заноситъ въ свой дневникъ Савва, вѣрныя свѣдѣнія о болѣзненномъ состояніи высокопреосвященнаго Филоѳея, митрополита Кіевскаго. Къ великому прискорбію всѣхъ его чтущихъ, онъ впалъ въ разстройство умственныхъ силъ. Причиною этого печальнаго и ни для кого неожиданнаго состоянія досточтимаго іерарха одни полагаютъ нравственное потрясеніе вслѣдствіе ужаснаго событія 1-го Марта; другіе—крайнее истощеніе организма отъ недостаточнаго питанія и чрезмѣрно усиленныя занятія епархіальными дѣлами и экстренными порученіями отъ Св. Синода; иные приписываютъ душевное разстройство владыки вліянію подметныхъ писемъ отъ социалистовъ, въ коихъ угрожали взрывомъ Кіево-Печерской лавры; наконецъ, на это разстройство имѣло, говорятъ, вліяніе извѣстное уголовное дѣло о вдовѣ надворнаго совѣтника Булахъ, одной изъ учредительницъ Ржевскаго Училища дѣвицъ духовнаго вѣдомства. Но очень вѣроятно, что всѣ эти причины въ своей совокупности произвели печальную катастрофу въ состояніи здоровья Кіевскаго святителя».

О болѣзни и послѣднихъ дняхъ Филоѳея въ дневникѣ Саввы есть немало записей. Такъ, будучи въ Петербургѣ, Филоѳей чрезъ оберъ-прокурора подавалъ прошеніе на высочайшее имя, писанное на осьмушкѣ почтовой бумаги, съ явнымъ отсутствіемъ логической послѣдовательности. Въ этомъ прошеніи Филоѳей жаловался, что Синодъ, будто бы, отлучилъ его отъ церкви и проклялъ какъ еретика, вслѣдствіе чего митрополитъ, не ища ничего для себя, предлагалъ Государю нѣкоторые вѣрноподданническіе совѣты. По пріѣздѣ въ Кіевъ, онъ сдѣлался такимъ раздражительнымъ, что разрывалъ на себѣ одежды и обнаженный бѣгалъ по комнатѣ; его съ трудомъ удерживали, никого не принималъ, даже родственниковъ, пріѣхавшихъ изъ Ярославля. Филоѳей умеръ 30-го Января 1882 года.

---

*) Еп. Ѳеогноста.

Безспорно, что умопомѣшательство и смерть Филоѳея произошли въ ожиданіи печальныхъ послѣдствій отъ сообщничества съ Булахъ, обобравшей несчастную Мазурину, во время бытности его на Тверской епархіи. Это подтверждается и приводимыми у преосв. Саввы письмами. Такъ Т. И. Филипповъ писалъ: «Высокопреосвященный Филоѳей дѣйствительно очень встревоженъ этимъ дѣломъ, которое его приближенными признается за главную причину его умственнаго разстройства. Я все себѣ задавалъ вопросъ, въ какомъ именно видѣ выразилось его участіе въ дѣлѣ о передачѣ капиталовъ Мазуриной, и ничего другого придумать не могъ и не могу, кромѣ слѣдующаго гадательнаго предположенія: когда грабительница *) подстроила поѣздку Мазуриной на Алтай, тогда онѣ обѣ ѣздили въ Тверь, гдѣ и произошла, если не ошибаюсь, передача, такъ не далъ ли на это дѣло неосмотрительный владыка своего благословенія? Одно мѣшаетъ согласиться съ симъ предположеніемъ: владыка никогда не былъ неосмотрительнымъ, напротивъ всегда блюлъ форму самымъ строгимъ образомъ. Не пишу вамъ подробностей, которыя не оставили бы въ васъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что бѣда владыки имѣетъ корень въ Мазуринскомъ дѣлѣ; скажу только, что въ бесѣдѣ со мною 16 Іюля въ Голосѣевѣ онъ не могъ не заговорить о немъ со мною. Тогда она была уже въ тюрьмѣ, но я отъ него это собственно обстоятельство утаилъ. Его же занималъ вопросъ о томъ, прекратилось ли о Булахъ дѣло, или нѣтъ».

Да и самъ преосв. Савва записалъ, что у него былъ въ числѣ гостей судебный слѣдователь Ржевскаго Окружнаго Суда Лагоріо, который производилъ слѣдствіе по дѣлу Булахъ. Онъ передавалъ, что запросъ, сдѣланный по этому дѣлу въ Петербургѣ митрополиту Филоѳею, былъ ближайшею причиною его умственнаго разстройства.

Затѣмъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Т. И. Филиппову преосв. Савва, упоминая о смерти Филоѳея, говоритъ: «Какая странная судьба постигаетъ лицъ, прикосновенныхъ къ извѣстному Ржевскому дѣлу! Владыка Филоѳей разстроился въ умѣ, судебный слѣдователь Барабинъ повѣсился (21-го Ноября), товарищу прокурора Лагоріо, какъ слышно, сдѣлано предостереженіе. Не пришлось бы и мнѣ съ вами потерпѣть что-нибудь недоброе? Да сохранитъ насъ отъ сего Господь! Неизвѣстно ли вамъ, какъ смотрятъ на этотъ процессъ въ Петербургскихъ высшихъ, разумѣется, судебныхъ сферахъ?» Однако, какъ потомъ заноситъ далѣе въ свой дневникъ Савва, по сообщенію Викторова, оказывается, что Барабинъ не самъ удавился, а его удавили, и неудивительно...

*) Разумѣется Н. А. Булахъ († въ ссылкѣ, въ Сибири въ 1891 г.).

Скорбя о свѣтильникѣ церкви Кіевской и Всероссійской, составитель акаѳистовъ, А. Ѳ. Ковалевскій писалъ: «Не скрою предъ вами и скорби моей на газеты, что съ особымъ злорадствомъ разнесли вѣсти о томъ, что высокопреосвященный Филоѳей оставилъ по себѣ 97,000 рублей, воспроизвели подробности описи его имущества гражданскими властями, намекаютъ на иски отъ его наслѣдниковъ. Къ чему все это обнародовать, кому полезно это знать? Если я, знавши лично святителя и его св. жизнь, и то нѣсколько удивился и смутился тѣмъ, что копилъ онъ капиталъ (чего учитель его, Филаретъ Московскій былъ вполнѣ чуждъ): то какія же сужденія могутъ вызвать о немъ и вообще архіереяхъ, въ лицахъ свѣтскихъ, подобныя повѣствованія съ разными комментаріями при нихъ? Горестное время, въ которое все и вся пишутъ и печатаютъ безъ разбора. Отъ души желаю, чтобы всѣ эти повѣсти оказались преувеличены и ложны, и были опровергнуты близкими къ святителю лицами. Я помню, какъ покойный Антоній [1]) возмущался описью наслѣдства митрополита Арсенія [2]) и требованіями его наслѣдниковъ; но тогда хоть въ печать не проникло ничего подобнаго, чтò видимъ теперь».

Опять виноваты газеты, раскрывшія корыстолюбіе и мздоимство Кіевскаго владыки, котораго почитатели уже готовы были причислить къ лику святыхъ, чтò видно изъ письма дѣйств. статскаго совѣтника Виноградова: «Въ 17-й день по кончинѣ святителя Филоѳея, мнѣ, къ душевному утѣшенію, довелось быть въ его усыпальницѣ и поклониться избраннику Божіему. При этомъ добрымъ инокомъ приподнята была нѣсколько верхняя часть гроба, наглухо до того закрытая. Святитель покоится какъ бы въ глубокомъ снѣ, и въ воздухѣ, окружающемъ его, едва-едва ощущается мертвенность. Рядомъ съ новопреставившимся святителемъ Филоѳеемъ покоится блаженной памяти митрополитъ Кіевскій Филаретъ [3]), скончавшійся въ Декабрѣ 1857 года. Гробъ цѣлъ, только бархатная обивка онаго нѣсколько потемнѣла, нѣсколько повредилась, также приподнята была нѣсколько верхняя часть гроба. Видимое чудо Божіе: святитель почиваетъ какъ бы въ близкіе дни погребенный. Съ благоговѣніемъ выходя изъ усыпальницы святителей, въ сердцѣ моемъ говорилось: Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ. Я увлекся разсказомъ, но сознаю, что это довѣренно сообщается также святителю Божіему».

Въ святости Филоѳея первое время не сомнѣвался, очевидно, и самъ Савва, чтò видно изъ письма его къ Горскому, сбиравшемуся въ

---

[1]) Амфитеатровъ, архіеп. Казанскій † 8 Ноября 1879 г.

[2]) Москвина II-го, митр. Кіевскаго † 28 Марта 1876 г.

[3]) Амфитеатровъ.

Кіевъ. «Когда вы будете тамъ, писалъ преосвященный, то поклонитесь и отъ меня гробу свято-почившаго владыки. О неповрежденности его тѣлесныхъ останковъ писали и мнѣ изъ Кіева. Видно, надъ сими останками исполняется слово Писанія: Хранитъ Господь вся кости ихъ, и не едина отъ нихъ сокрушится».

Но вскорѣ послѣ этихъ писаній владыка началъ получать извѣстія другого рода. «На счетъ воспоминаній моихъ, писалъ ему тотъ же Ковалевскій, о почившемъ митроп. Филоѳеѣ, Лаврскій отецъ намѣстникъ какъ-то замялся дать свое разрѣшеніе, почему я и не настаивалъ. Удивила меня вообще перемѣна въ лаврѣ къ Филоѳею: что-то не стали его тамъ долюбливать, и къ кому ни относился съ разговоромъ о немъ, все слышалъ уклончивые, сухіе отзывы, а высокопреосвященный Платонъ такъ и совсѣмъ критически отнесся къ нему и къ собранному имъ для наслѣдниковъ своихъ капиталу. Кажется, это и въ лаврѣ охладило къ нему усердіе многихъ; впрочемъ, это въ порядкѣ вещей: нѣсть пророкъ безъ чести, токмо въ отечествіи своемъ». Оставшаяся послѣ Филоѳея и найденная въ угольникѣ подъ образами такая крупная сумма денегъ волновала не однихъ мірянъ, но и архіереевъ. Предсѣдатель Нижегородскаго Окружного Суда Рникъ писалъ владыкѣ: «На Страстной недѣлѣ, говѣя, я посѣщалъ крестовую церковь, гдѣ ежедневно отправлялъ служеніе преосв. Макарій. Во Вторникъ, по окончаніи литургіи, подхожу къ преосвященному подъ благословеніе и заявляю, что мнѣ прислано изъ Кіева описаніе погребенія митроп. Филоѳея. Вотъ, отвѣчаетъ владыка, умри вы и окажись у васъ 90,000 сер., начнутъ говорить, награбилъ; а у святителя нашлись 90,000 р., это ничего».

Впрочемъ, и самъ Макарій, переведенный въ 1885 году изъ Нижняго въ Вятку, оставилъ послѣ себя († 1894 г.) немного менѣе Филоѳея. Во время его управленія Нижегородской епархіею сложились цѣлыя легенды и ходило множество злыхъ стихотвореній. Поступающіе на мѣста кандидаты хорошо знали нелюбостяжательность владыки и его присныхъ.

„Продаются мѣста,
Да цѣна ужъ не та:
Меньше ста и мараться не станутъ.
Если дашь пощедрѣй,
Будетъ дѣло скорѣй,
Да и мѣсто „безъ взятья“ достанутъ.
А не хочешь—ступай,
Во дьячки поступай,
Года два поучиться заставятъ.
А потомъ позовутъ
И невѣсту найдутъ,
И беднѣйшій приходъ предоставятъ“ и т. д.

Но самую лучшую оцѣнку Филоѳея безспорно сдѣлалъ его сослуживецъ преосвященный Порфирій въ Книгѣ своего бытія, приравнивъ его къ безплодному полуизсохшему древу.

Между тѣмъ дѣло Булахъ и Мазуриной, оставленное Филоѳеемъ въ наслѣдство Саввѣ, все продолжало безпокоить владыку. Еще въ Ноябрѣ 1880 г. онъ писалъ Т. И. Филиппову, что поручилъ соборному протоіерею произвесть изслѣдованіе о своеволіи Булахъ, но до сихъ поръ не имѣетъ свѣдѣній о результатѣ этого изслѣдованія. Владыка очень сожалѣлъ, что ихъ не посѣтилъ оберъ-прокуроръ: при личномъ свиданіи удобнѣе было бы разъяснить не только это вопіющее дѣло, но и много другихъ дѣлъ, которыя безпокоили и озабочивали его еще болѣе, чѣмъ Ржевское.

Т. И. Филиппові уведомлялъ Савву, что онъ начинаетъ дѣло о погребеніи заживо Анны Васильевны Мазуриной въ стѣнахъ Ржевскаго Духовнаго Училища, ибо совѣсть не дастъ ему покоя, если онъ не обнаружитъ этого грандіознаго мошенничества. 9-го Февраля 1881 года Савва пишетъ Т. И. Филиппову, что Булахъ не даетъ ни ему, ни училищному персоналу покою, забросала бумагами и всѣмъ надѣлала множество огорченій и безпокойствъ. «Какъ бы предчувствуя свою бѣду, она излила на насъ всю свою злобу. Ничего не желалъ бы болѣе, какъ удаленія отъ училища Булахъ». Наконецъ началось формальное слѣдствіе. Владыка у себя давалъ объясненіе товарищу прокурора Ржевскаго Окружнаго Суда Лагоріо по дѣлу Булахъ, обвиняемой въ насильственномъ заключеніи и угнетеніи другой учредительницы того же училища, дѣвицы Мазуриной. Это преосвященный и отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ 16-го Мая, а 29-го Мая имъ было послано въ Св. Синодъ представленіе объ отмѣнѣ проектовъ устава Ржевскаго училища, по которымъ Булахъ имѣла право пожизненно оставаться въ училищномъ домѣ и вмѣшиваться въ дѣла училищнаго правленія.

Вскорѣ Т. И. Филиппові писалъ владыкѣ: «7-го Іюля я выѣзжаю изъ Ржева въ Кіевъ и другіе города по дѣламъ службы. Здѣсь всѣ заняты дѣломъ Мазуриной, которую я самъ видѣлъ. Просидѣвъ съ нею въ бесѣдѣ около часу, я вынесъ надежду, что она, можетъ быть, совсѣмъ поправится. Жена, которая видѣла ее еще въ ея тюрьмѣ и которая вывела ее оттуда, радостно удивляется той перемѣнѣ, которая съ той минуты съ нею произошла. Въ минуту освобожденія ея изъ комнаты заключенія она была похожа на испуганнаго звѣрька; теперь же она оболчена и до нѣкоторой степени смыслящa. Она вспоминала со мною многое изъ ея прежней жизни и меня вообще почти совсѣмъ не дичилась. Къ женѣ она тоже питаетъ явное сочувствіе и всегда ра-

дуется ея появленію. Звѣроподобная же Булахъ заточена къ общему ликованію». Только 6-го Февраля 1882 года Савва могъ отвѣтить Т. И. Филиппову, что до его свѣдѣнія было доведено, что «Ржевское полицейское управленіе, вслѣдствіе распоряженія высшаго начальства, признавшаго Мазурину малоумною, потребовало отъ училищнаго правленія выдачи принадлежавшаго ей денежнаго капитала (5000 р.) и вещевого имущества, которое оказалось совершенно ничтожнымъ. Требованіе, конечно, исполнено, и тѣмъ, вѣроятно, окончатся всѣ истязанія членовъ училищнаго правленія. Дай-то Богъ!»

Затѣмъ въ Апрѣлѣ Саввою было получено два прошенія отъ опекунши А. В. Мазуриной Ерофѣевой. Въ одномъ изъ нихъ она спрашиваетъ, кѣмъ положены въ Государственный Банкъ 5000 рублей (сверхъ 95 тысячъ на обезпеченія училища) и кто пользовался по настоящее время процентами съ этой суммы? Въ другомъ она проситъ высылать, за отмѣною преподаванія въ училищѣ Французскаго языка, назначенные на этотъ предметъ 166 рублей, въ пособіе къ содержанію несчастной Мазуриной.

Интересна бесѣда Саввы съ ректоромъ Московской Духовной Академіи Смирновымъ, которую онъ излагаетъ въ своихъ Запискахъ, и свѣдѣнія о митрополитѣ Московскомъ Макаріи. «Сколько онъ расположенъ къ своему второму викарію, епископу Можайскому Алексѣю, столько же далекъ отъ Амвросія будто бы изъ ревности къ его проповѣдническому дару. Между тѣмъ Амвросій, отличаясь даромъ слова, не имѣетъ довольно учености и даже вовсе не любитъ читать книги. Напротивъ, еп. Алексій, не обладая даромъ краснорѣчія, превосходитъ Амвросія ученостію и въ особенности затмѣваетъ его добрыми нравственными качествами, коими привлекаетъ къ себѣ общее расположеніе Москвичей, къ досадѣ и неудовольствію Амвросія».

О намѣстникѣ Троицкой лавры, архимандритѣ Леонидѣ (Кавелинѣ), онъ пишетъ: «Леонидъ избранъ митрополитомъ Иннокентіемъ на мѣсто архимандрита Антонія, вопреки предостереженія митрополита Петербургскаго Исидора. Намѣстничества домогался бывшій Серпуховскій архим. Мелетій и предлагалъ сыну митрополита, протоіерею Гавр. Ив. Веніаминову, значительную сумму, но договоръ почему-то не состоялся».

О бывшемъ епископѣ Смоленскомъ Іоаннѣ (Соколовѣ): «Онъ былъ воспитанникомъ Смирнова по Академіи. Предъ окончаніемъ курса, въ Маѣ 1842 г. во время прогулки съ нимъ въ рощѣ за Сергіевскимъ посадомъ, Іоаннъ поразилъ его неожиданнымъ объявленіемъ мысли о принятіи монашества. При этомъ объяснилъ, что, при постриженіи въ монашество, онъ имѣетъ цѣлію исправленіе ошибокъ въ управленіи Рус-

скою церковію со стороны Синода и парализованіе самовластія оберъ-прокурора, графа Протасова. Таковы были замыслы гордаго, молодого студента! Но этимъ замысламъ не суждено было осуществиться».

Другая бесѣда съ ректоромъ Воронежской семинаріи тоже заслуживаетъ вниманія.

«Бесѣдовали о Воронежѣ, о преосв. Серафимѣ, о его замкнутой для должностныхъ лицъ жизни, объ отношеніяхъ его къ секретарю Консисторіи, котораго онъ не принимаетъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, о безусловномъ довѣріи къ одному изъ членовъ Консисторіи, о немирныхъ отношеніяхъ его къ губернатору Богдановичу. Разсказывалъ о. Пѣвницкій о совершившейся съ нимъ самимъ катастрофѣ, угрожавшей ему смертью, т. е. о взрывѣ въ его кабинетѣ, произведенномъ учениками семинаріи; объ угрозахъ смертію со стороны той же мятежной партіи ревизору Ненарокомову» и пр.

Ѳ. И. Буслаевъ, посѣтившій преосв. Савву, также передавалъ Петербургскія новости. Между прочимъ, онъ сообщилъ о томъ, что графъ Строгановъ говорилъ ему въ свое время, что реформы, предпринятыя покойнымъ Государемъ Александромъ II, не пройдутъ для него даромъ, упадутъ на его голову, что̀, къ несчастію и сбылось.

Въ письмѣ Т. И. Филиппова, полученномъ 25 Марта 1882 года, между прочимъ сообщалось. «Въ дѣлахъ правительственныхъ есть нѣчто отрадное: удаленіе барона Николаи спасло дѣло народнаго просвѣщенія отъ прямой гибели; назначеніе Делянова есть залогъ шествія по прямому пути. Дай ему Богъ силу духа, дабы онъ возмогъ противиться въ день лютъ грозному ополченію духовъ злобы поднебесныхъ!»

Печальное событіе 1-го Марта и перемѣна направленія въ высшихъ сферахъ породили множество борцовъ и радѣтелей за незыблемость основъ и Православіе. Одинъ изъ таковыхъ—извѣстный писатель по сельскому хозяйству, составившій прекрасный словарь сельскохозяйственныхъ растеній,—И. У. Палимпсестовъ сочинилъ брошюру «Голосъ мірянина», которая очень понравилась преосв. Саввѣ. Палимпсестовъ, благодаря Савву за сочувствіе, писалъ ему: «До тяжелыхъ временъ дожили мы; но что̀ ожидаетъ насъ, если постараются окончательно принизить, обезличить, ослабить послѣднюю нравственную силу въ Русскомъ народѣ,—силу духовной власти?.. Что̀ посѣютъ, то и пожнутъ! Такъ обыкновенно говаривалъ мой незабвенный другъ и отецъ, почившій святитель Гурій, котораго потерю я не перестаю оплакивать. Но какова будетъ жатва? Не будетъ ли она—жатва крови и желѣза?..

О, Господи! спаси Царя и услыши ны». ЗатѣмъПалимпсестовъ жалуется на неправославное глумленіе газетъ и на «Русскую Рѣчь», помѣстившую въ Январской книжкѣ 1881 г. статью Е. Маркова подъ названіемъ «Религія въ народной школѣ», гдѣ Русское духовенство названо жрецомъ православнаго капища, всею жизнью своею провозглашающимъ одинъ грубый культъ мамоны. Письмо почтеннаго дѣйствительнаго стат. сов. Ивана Устиновича кончается, разумѣется, тѣмъ, чѣмъ всегда оканчиваются письма ревнителей, т. е. готовностью составить сборникъ въ защиту Православія въ количествѣ 10 тысячъ экземпляровъ съ тѣмъ, чтобы за деньги *распредѣлять по епархіямъ*.

Изъ Вѣрнаго преосвященный Александръ писалъ: «Желаю облегчить предъ вами свое наболѣвшее сердце, но боюсь, чтобы не сказать въ письмѣ жестокой фразы, такъ какъ нелѣпѣйшее изъ человѣческихъ учрежденій, Консисторія, въ которой секретарь играетъ болѣе преобладающую роль, чѣмъ оберъ-прокуроръ въ Синодѣ, до сихъ поръ не даетъ мнѣ покоя, парализуетъ всѣ мои дѣйствія, ставитъ преграды на всякомъ шагу. На окраинахъ свѣтское правительство признаётъ необходимымъ и полезнымъ усиливать власть мѣстныхъ правителей учрежденіемъ званія генералъ-губернатора, по нашему же вѣдомству чѣмъ отдаленнѣе епархіальный начальникъ отъ центра управленія, тѣмъ онъ безпомощнѣе. Секретарю полное довѣріе, архіерею—никакого. Такъ, по крайней мѣрѣ, было съ моимъ предмѣстникомъ. Онъ неоднократно доносилъ бывшему тогда оберъ-прокурору о разныхъ художествахъ секретаря, о его наклонности къ азартной игрѣ, о дурномъ поведеніи, объ обидахъ и оскорбленіяхъ, словомъ и дѣломъ, на письмѣ и на словахъ, лично и чрезъ своихъ клевретовъ, наносимыхъ ему, 80-тилѣтнему старцу. И что же? Не только не защитили, допустивъ консисторскому сатрапу задушить свою жертву (Софроній, какъ это всѣмъ извѣстно у насъ, умеръ отъ огорченія, причиненнаго ему секретаремъ и его достойнымъ камрадомъ, каѳедральномъ протоіереемъ), но даже меня не предупредили о грядущей опасности. Господи, за что такая неправда? Но довольно объ этомъ... Владыко святый, когда будете засѣдать въ Синодѣ (время это близко), Бога ради, возбудите вопросъ о преобразованіи Консисторіи! Пусть она будетъ помощницей архіерея, а не тормозомъ; пусть секретарь завѣдуетъ канцеляріей и писцами, а не эрархіей; пусть онъ даетъ отчетъ архіерею, который имѣетъ возможность учесть его, а не кому-то тамъ живущему за горами и долами, который, не читавши, бросаетъ эти отвѣты подъ столъ, въ корзинку; наконецъ, пусть прекратится это возмутительное запанибратство секретарей Консисторій съ оберъ-прокуроромъ, въ силу котораго первые, т. е. секретари, имѣ-

отъ право непосредственно и безнаказанно сообщать конфиденціально оберъ-прокурору всякія мерзости, большею частію злостныя и ложныя, объ архіереѣ, духовенствѣ и епархіи. Такого нравственно-растлѣвающаго безобразія нѣтъ ни въ одномъ вѣдомствѣ. Здоровье мое слабо, и, кажется мнѣ, не протяну долго. Не хотѣлось бы умереть слишкомъ далеко отъ родныхъ могилъ. Но мнѣ говорятъ, что самъ я себѣ загородилъ дорогу, взявшись за устройство миссіонерскаго монастыря. Слишкомъ много чести! Устраиваю монастырь не я, а преосв. Амвросій и К. П. П., единственный оберъ-прокуроръ, возлюбившій славу Божію паче славы человѣческой». Этотъ пр. Александръ одинъ изъ самыхъ добрѣйшихъ и благороднѣйшихъ архіереевъ, впрочемъ, не долго пробылъ въ Ташкентѣ. Переведенный въ 1883 году въ Кострому, онъ скончался въ 1888 г. и оставилъ по себѣ прекрасную память.

1882 годъ преосв. Савва заканчиваетъ письмомъ, полученнымъ имъ отъ преосв. Алексѣя, епископа Можайскаго, съ скорбнымъ извѣстіемъ о тяжкой болѣзни преосвященнаго Михаила, епископа Курскаго. «Ему угрожаетъ параличный ударъ. Отъ 20-го Декабря мнѣ телеграфировалъ профессоръ Вороновъ, что здоровье преосвященнаго поправляется, но опасность удара еще не миновала. Удивительное дѣло, какъ умножились въ послѣднее время эти удары. Помолитесь о семъ полезнѣйшемъ дѣлателѣ вертограда Христова. Дарованія его велики, и много еще онъ могъ бы сдѣлать для Церкви. Труды его назидаютъ и утѣшаютъ православныхъ христіанъ».

Преосвященный Михаилъ, впрочемъ, жилъ еще болѣе четырехъ лѣтъ и скончался 20-го Марта 1887 года. Знаменательна судьба этого талантливаго духовнаго писателя. На послѣднемъ курсѣ Московской Духовной Академіи Матвѣй Ивановичъ Лузинъ готовилъ себя къ свѣтской научной дѣятельности, но передъ самыми экзаменами совершилъ паденіе, которымъ былъ не безгрѣшенъ и праотецъ нашъ Ной. Паденіе это было осложнено и другими обстоятельствами очень крупнаго свойства, такъ что дѣло грозило окончиться совершеннымъ исключеніемъ Лузина. Оставалось одно: или быть изгнаннымъ или принять монашество. Лузинъ избралъ послѣднее. Оставленный при Академіи, онъ былъ потомъ профессоромъ, инспекторомъ и ректоромъ. Самое лучшее его сочиненіе—докторская диссертація о Евангеліи и Евангельской исторіи по поводу книги Ренана «Жизнь Іисуса». (Москва 1864 г.) Жаль, что до сего времени нѣтъ обстоятельной біографіи этого выдающагося архіерея-писателя.

А. Титовъ.

Ростовъ Великій, 2 Февраля 1906.

ИЗЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ БЫЛОГО ВРЕМЕНИ.

Это было давно, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, когда граждане Нижняго Новгорода, а также и купечество другихъ городовъ Россійской имперіи, пріѣзжавшее сюда на ярмарку по своимъ торговымъ дѣламъ, считали своею непремѣнною обязанностію побывать во время архіерейскаго богослуженія въ каѳедральномъ соборѣ, чтобы усладиться тѣмъ, поистинѣ, величественнымъ и благоговѣйнымъ зрѣлищемъ, которое проявлялось въ величайшей красотѣ, выполняемое всѣми участвовавшими тогда въ богослуженіи лицами, начиная съ преосвященнаго Іоанна и кончая послѣднимъ псаломщикомъ. И дѣйствительно: каждый изъ совершавшихъ богослуженіе, строгій и серьезный въ исполненіи своей обязанности, тщательно выхоленный и обряженный какъ невѣста, обладая при этомъ величественною осанкою, соединенною съ спокойною и ровною поступью, разсчитанною какъ будто бы по мѣркѣ, все это взятое вмѣстѣ вполнѣ гармонировало съ хорошими голосами въ стройномъ и пріятномъ пѣніи тогдашнихъ пѣвчихъ. Но особенно хорошъ былъ протодіаконъ Іоасафъ Егорычъ, мужчина полный, съ широкою грудью, роста, можно сказать, высокаго, съ величественною осанкою и походкою какъ пава, а голосъ — голосъ просто чудо! густой, органистый, звучный, какъ колоколъ, и ровный во всѣхъ видахъ, начиная съ октавы и кончая самыми высокими нотами. По отзыву знающихъ лицъ не было ему подобныхъ даже во всей Россіи, исключая, разумѣется, императорскихъ придворныхъ. Да великій же онъ былъ искусникъ и въ служеніи, и въ пѣніи; эктенію говорилъ не стѣсненно, спокойно, ровно и четко такъ, что каждое слово его одинаково внятно слышно было какъ стоящимъ у амвона, такъ и у дверей, даже и на волѣ, если двери въ это время были отворены. Но всего лучше читалъ онъ Евангеліе и говорилъ многолѣтіе: четко, толково и ровно, идя къ верху, какъ по ступенямъ, безъ всякаго волненія и оканчивая самыми высокими нотами, чисто и пріятно, безъ всякаго уханья. А какъ, бывало, скажетъ октавой «вонмемъ», точно крупной дробью разсыплетъ по всему собору. Просто удивленіе! Всего же замѣчательнѣе было, когда онъ выполнялъ Православіе, гдѣ и читалъ, и пѣлъ, можно сказать, неподражаемо, а какъ грянетъ своей могучей грудью «анаѳема», точно громомъ ударитъ по всему собору, даже страшно дѣлалось. Это былъ въ полномъ смыслѣ баловень природы изъ числа являющихся на свѣтъ Божій вѣками, и не даромъ его считали всѣ за великаго артиста. Вотъ даже и на мавзолеѣ его надпись, начертанная однимъ изъ заслуженныхъ протоіереевъ

и знаменитыхъ въ то время проповѣдниковъ П. И. Лебедевымъ. «Всѣ дарованія съ жизнію оканчиваются; одна добродѣтель, украшающая человѣка, спокойно препровождаетъ его въ обитель вѣчности».

Іоасафъ Егорычъ и въ буденное время почти не пропускалъ въ соборѣ ни одной службы, и любимымъ его дѣломъ было пѣть на правомъ клиросѣ и притомъ, чтобы одному: онъ не любилъ, чтобы ему мѣшали. Въ то время, впрочемъ, вообще было принято всѣми соборянами, не исключая даже и священниковъ, въ буденное время непремѣнно пѣть на клиросахъ, особенно въ великомъ посту въ преждеосвященныя литургіи. И умилительно же тогда было пѣніе соборянъ, потому что всѣ, какъ наподборъ, были съ хорошими голосами и въ пѣніи большіе искусники; пѣніе же было столповое, т. е. старинное монастырское. Что́ за прелесть бывало, когда Іоасафъ Егорычъ и съ нимъ діаконъ Константинъ Егорычъ, залетный теноръ, да еще человѣка два-три изъ соборянъ, пѣвали въ Страстную Великую Субботу предъ плащаницею «блажени непорочніи», — прочто чудо! Господи Боже мой, говорилъ въ умиленіи сердца регентъ Сергѣй Александрычъ Магницкій, можно ли еще спѣть лучше этого! Самъ же Сергѣй Александрычъ хотя и не изъ капеллы, но, можно сказать, выросъ въ пѣвчихъ и обучался подъ руководствомъ лучшаго въ то время регента, капеллиста Крейсова; поэтому и хоръ свой онъ поставилъ на высоту совершенства такъ, что, во время посѣщенія Н. Новгорода Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, находившійся въ его свитѣ капеллистъ такое высказалъ мнѣніе относительно хора Сергѣя Александрыча, что, посѣтивши семь губерній, лучше здѣшняго пѣнія онъ не встрѣтилъ. Въ свою очередь и Государь высказалъ сожалѣніе о томъ, что протодіаконъ Іоасафъ Егорычъ уже довольно старъ, и поэтому уже не сто́итъ его тревожить, чтобы брать въ придворные.

Пѣніе тогда было Бортнянскаго, эфдурное, громкое, и при всемъ этомъ все-таки бывало не услышишь ни фальши какого-либо голоса, ни перебивки и ни того, чтобы одинъ голосъ заглушалъ другой; относительно этого строго слѣдилъ Сергѣй Александрычъ, поэтому въ пѣніи и слышалась только одна прелестная мелодія. Партесное пѣніе въ соборѣ онъ ставилъ не прежде, какъ только убѣдится, что хоръ его выполняетъ извѣстную піесу безъ всякаго, какъ говорится, сучка и задоринки, что́, разумѣется, считается въ пѣніи уже верхомъ совершенства. И сильно же былъ строгъ Сергѣй Александрычъ къ своимъ пѣвчимъ: у него ни одинъ не смѣлъ на клиросѣ ни переминаться съ ноги на ногу, ни разговаривать, тѣмъ болѣе смѣяться или оборачиваться назадъ, а всѣ должны были стоять спокойно. Онъ и самъ все это строго соблюдалъ; даже въ случаѣ неправильности или фальши въ пѣніи, онъ уже дѣлалъ замѣчанія по приходѣ въ архіерейскій домъ, гдѣ въ то время жили и всѣ пѣвчіе, большіе и мальчики. Ты что, Виноградовъ, актеръ что ли — руки въ карманъ, ногу выставилъ впередъ и голову кверху задралъ? Но спѣлъ хорошо. Это замѣчаніе Сергѣй Александрычъ сдѣлалъ своему первому тенору, который, по случаю

даннаго чрезвычайно высокаго тона для пѣнія «покаянія отверзи ми двери», не надѣялся выполнить высокія ноты въ словѣ «студными», почему и принялъ такую позу.

Какъ ни хорошо было пѣніе во время управленія хоромъ Сергѣя Александрыча, но съ прибытіемъ изъ Императорской Капеллы обучавшагося тамъ два года Виктора Побѣдоносцева *), пѣніе архіерейскихъ пѣвчихъ установилось еще лучше и сдѣлалось, можно сказать, неподражаемымъ. Онъ сразу измѣнилъ методу пѣнія, вмѣсто прежняго эф-дурнаго ввелъ це-дурное знаменитаго композитора и капельмейстера Императорской Капеллы Львова. Эта метода въ настоящее время регентами-самоучками изуродована, можно сказать, до неузнаваемости, несмотря на то, что всему церковному пѣнію есть полный печатный обиходъ, составленный Львовымъ. Помнится даже, что со стороны Св. Синода было вмѣнено въ обязанность епархіальныхъ преосвященныхъ эти обиходы выписать для руководства въ своихъ капеллахъ, и чуть ли не тогда же ли имъ было предписано слѣдить, чтобы пѣніе въ церквахъ производилось пѣвчими не иначе, какъ по печатнымъ нотамъ.

И такъ этотъ регентъ Побѣдоносцевъ, будучи ученикомъ Львова, не только что изучилъ, усвоилъ и понялъ всю его композицію, но, можно сказать, до костей проникся и душою его: вотъ до чего хорошо было его пѣніе. Однакоже надобно сказать, что это пѣніе все-таки никоимъ образомъ нельзя сравнивать съ императорскимъ придворнымъ, гдѣ голоса и выполненіе еще много лучше. Мнѣ одинъ разъ только привелось быть на царской панихидѣ въ С.-Петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ и слушать пѣніе придворныхъ пѣвчихъ, которое такъ очаровало меня, что даже не находится и словъ, которыми можно бы было высказать всю прелесть его. Самъ же Викторъ Побѣдоносцевъ о капеллѣ придворной отзывался такъ: «я былъ два года въ ней и каждый день находился при ея спѣвкахъ, а что̀ слышалъ, то желалъ бы слушать весь свой вѣкъ, и никогда бы не соскучился».

По смерти протодіакона Іоасафа Егорыча, хотя нѣкоторое время и держался въ Нижегородскомъ соборѣ прежній порядокъ, какъ относительно красоты служенія, такъ и пѣнія, но потомъ время отъ времени сталъ приходить въ упадокъ, а почему? Богъ вѣсть! Такое ли время наступило, что трудно подыскать и хорошихъ регентовъ и хорошихъ діаконовъ, или денежныхъ средствъ для этого недоставало, или же, наконецъ, всему этому причиной апатичное отношеніе самихъ преосвященныхъ, которые, можетъ быть, считаютъ совсѣмъ второстепеннымъ дѣломъ имѣть при своемъ богослуженіи хорошихъ діаконовъ и хорошихъ пѣвчихъ, — дескать была бы только теплая и усердная

---

*) Этотъ Викторъ прежде былъ подрегентомъ у Сергѣя Александрыча. Человѣкъ очень даровитый, выказавшій свои способности, бывши еще исполлатчикомъ, а потомъ по распоряженію преосвященнаго Іакова былъ отправленъ для усовершенствованія въ Императорскую Капеллу, гдѣ и пробылъ два года.

молитва къ Богу. Но какая бы причина ни была этому, все-таки надобно сказать, что хорошее пѣніе и торжественное богослуженіе необходимы даже и въ религіозномъ отношеніи. Не даромъ же еще въ древности у Израильтянъ имѣлась въ храмѣ и вокальная и инструментальная музыка; а въ настоящее время въ католической и лютеранской церквахъ тоже имѣются и органы, и пѣвчіе, отъ чего, естественно, болѣе возбуждаются религіозныя чувства молящихся и болѣе располагаются сердца молитвою къ Богу; при этомъ все вниманіе настроено бываетъ къ одному только чистому, святому, и забываются суеты мірскія со всѣми нуждами и печалями, злобою и ненавистію къ ближнимъ. Пріятно ли въ самомъ дѣлѣ слушать діакона съ телячьимъ мычаніемъ, или пѣвца съ козлинымъ блеяніемъ? Но хуже этого еще слушать такихъ пѣвчихъ, которые и простого-то церковнаго пѣнія складно и съ толкомъ выполнить не умѣютъ, а берутся еще за партесное, отъ чего пѣніе уродуютъ уже до безобразія. Или же какой-нибудь регентъ-самоучка, не довольствуясь печатными нотами, старается еще самъ пофантазировать, т. е. или нѣчто убавить, или же что-нибудь измѣнить, вводя при этомъ неумѣстные и черезчуръ грубые свои мотивы, или же мотивъ какой-нибудь одной піесы, хотя и съ печатныхъ нотъ, примѣняетъ къ другой, не обращая при этомъ вниманія на характеръ этой піесы, къ которой вовсе не идетъ избранный имъ мотивъ. Да объ этомъ онъ и не думаетъ; ему нужно только, чтобы былъ трезвонъ, какъ въ Москвѣ на Ивановской колокольнѣ, а затѣмъ все остальное для него пустяки. Извѣстно, что въ Москвѣ на Ивановской колокольнѣ, по нахожденію колоколовъ въ нѣсколькихъ ярусахъ, трезвонъ бываетъ самый нестройный и представляется звономъ въ разныхъ церквахъ. Далѣе еще скажу то, что иногда такіе регенты цѣликомъ выставляютъ свою композицію, дескать знай нашихъ, или берутъ съ нотъ никогда небывшихъ въ цензурѣ, какихъ-нибудь странствующихъ композиторовъ, въ родѣ Суздальскихъ офеней.

Послѣ Іоасафа Егорыча нѣкоторые изъ послѣдующихъ протодіаконовъ хотя были и не съ очень сильными голосами, но за то мастерски служили и пѣли. Одинъ только діаконъ съ Калмыцкою физіономіею, прозванный «протодіакономъ мясниковъ», производилъ между ними сильный контрастъ своею нелѣпою методою, такъ какъ пѣлъ онъ почти неумѣло, но ектеніи говорилъ четко и, можно даже сказать, что недурно; но за то при чтеніи Евангелія, Апостола и многолѣтія онъ имѣлъ обыкновеніе забираться уже черезчуръ къ верху. Вотъ напримѣръ при архіерейскомъ служеніи онъ читаетъ Апостолъ: началъ довольно низко, но не октавой (у него ея и не было), а потомъ возвышается все сильнѣе и сильнѣе, отъ чего начинаетъ ухать, а все лѣзетъ выше; при этомъ жилы на шеѣ напрыживаются толще пальца и лицо дѣлается краснымъ, какъ точно сейчасъ вышелъ изъ бани, голову къ верху задралъ и глаза на полвершка расширились, а все лѣзетъ и лѣзетъ къ верху, да наконецъ во всю мочь гаркнетъ такъ, какъ будто бы надутый воловій пузырь лопнулъ; даже отъ этого васъ точно морозомъ по кожѣ подернетъ. А мясники Шмелевъ съ Гавриломъ Ива-

пычемъ и съ другими въ компаніи стоятъ вдали и восторгаются. Эхъ, ребята, голосина-то, говоритъ Шмелевъ, словно пушка! Одинъ не изъ ихъ компаніи вздумалъ было высказать имъ свое мнѣніе и отдать при этомъ преимущество протодіакону, но Гаврила Иванычъ прямо ему отвѣтилъ, что ты ничего не понимаешь,—знай, молись только. А потомъ всѣ и начали судить каждый по своему, перебирая при этомъ всѣхъ голосистыхъ діаконовъ, начиная съ протодіакона. Долго они между собою спорили; видимо никто изъ нихъ не желалъ склониться къ чужому мнѣнію, каждый сознавая свое непогрѣшимымъ, и въ концѣ-концовъ порѣшили тѣмъ, что Костю послѣ обѣдни нужно угостить хорошенько, и пошли всѣ изъ собора вонъ. А въ это время Петръ Васильичъ задалъ уже тонъ своимъ пѣвчимъ для начала херувимской пѣсни. Начали пѣть, но для Петра Васильича показалось неладно: одинъ басъ снизилъ, теноръ въ словахъ «тайно образующе» не выждалъ окончанія такты басовой партіи, альтъ діеза не выполнилъ, а дисконтъ, — какъ котенокъ запищалъ. И мечется бѣдный Петръ Васильичъ, какъ угорѣлый, отъ голоса къ голосу, принявъ при этомъ самую недовольную и сердитую физіономію. А вѣдь извѣстно, что при такихъ обстоятельствахъ весь эффектъ теряется въ пѣніи; когда видишь, что регентъ мечется изъ стороны въ сторону, значитъ идетъ пѣніе неладно, хотя самъ даже и не замѣчаешь этого.

Сверстники протодіакона Іоасафа Егорыча разсказывали, что онъ когда былъ молодъ, то во время чтенія имъ Евангелія ухо съ клироса не свѣшивай: оглушитъ! А когда Іоасафъ Егорычъ еще былъ въ архіерейскомъ хорѣ пѣвчимъ, то голосъ его въ верхнихъ нотахъ былъ весьма грубъ, тяжелъ и съ уханьемъ; поэтому бывшій въ то время преосвященный Моисей, который, говорятъ, самъ былъ большой артистъ и въ музыкѣ, и въ манерахъ, задумалъ голосъ Іоасафа Егорыча, какъ говорится, отполировать и во всемъ вышколить его самого по своему, подготовляя его такимъ образомъ въ протодіаконы. Онъ училъ его и произношенію словъ, діаконскому пѣнію, походкѣ и наконецъ, какъ кадить. А такъ какъ въ архіерейскомъ домѣ неудобно было заставлять его кричать во всю мочь для полировки голоса, то лѣтомъ онъ заставлялъ его уходить раннимъ утромъ на Воробьевы горы за городъ, что́ нынѣ въ концѣ Ковалихи близъ Солдатской слободки, гдѣ онъ и разработывалъ свой голосъ сильнымъ крикомъ, слышнымъ даже, бывало, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города.

В. И. Глоріантовъ.

А. В. СТУПИНЪ И ЕГО УЧЕНИКИ.

(Арзамасская школа живописи).

I.

Исторія Русской живописи, не говоря уже о XVIII вѣкѣ, но даже болѣе поздняго времени, еще чрезвычайно мало изслѣдована. Правда, за послѣднее время появилось нѣсколько спеціальныхъ трудовъ въ области изученія Русскаго искусства, но, не смотря на все многіе, весьма интересные художники совсѣмъ оставлены въ тѣни, и о нихъ почти нигдѣ даже не упоминается.

Къ такимъ забытымъ, но интереснымъ и даже замѣчательнымъ личностямъ, принадлежитъ Александръ Васильевичъ Ступинъ. Съ именемъ Ступина нѣкоторымъ образомъ связаны исторія живописи 1-ой половины XIX вѣка и вся та плодовитая школа учениковъ его, извѣстная подъ наименованіемъ Арзамасской Академіи. Школа эта, появившаяся въ глуши, въ небольшомъ уѣздномъ городѣ Нижегородской губерніи и образовавшая, помимо Петербургской Академіи Художествъ, большое количество живописцевъ, заслуживаетъ особаго изслѣдованія. Правда, что часть учениковъ Арзамасской школы, посвятившихъ себя религіозной живописи, осталась совсѣмъ неизвѣстною, но за то отъ другихъ, собственно портретистовъ, дошло до насъ нѣсколько первоклассныхъ произведеній. Къ тому же Арзамасская школа является какъ бы первымъ предвѣстникомъ послѣдующаго движенія въ искусствѣ. Она совершенно самостоятельна, отчасти сходится съ Венеціановцами и открываетъ своимъ появленіемъ цѣлый рядъ художественныхъ школъ, какъ то: Общество поощренія художниковъ, Московскій натурный классъ, Саранскую рисовальную школу и другихъ учрежденій, служившихъ посредниками между художниками и обществомъ.

Къ сожалѣнію, до насъ дошло весьма мало образцовъ ея живописи: такъ много погибло ихъ, благодаря небрежному къ нимъ отношенію. Да и печатныхъ источниковъ объ исторіи школы почти не существуетъ. Часть картинъ, находившихся нѣкогда въ большомъ музеѣ при Ступи-

ской школѣ, сгорѣла въ 1842 г., часть вывезена по смерти Ступина его зятемъ и ученикомъ Н. М. Алексѣевымъ-Сыромяпскимъ, распродана и раздарена въ С.-Петербургѣ по рукамъ, и слѣды ихъ мѣстонахожденія совсѣмъ неизвѣстны. Весной 1902 г., нарочно побывавъ въ Арзамасѣ, я старался найти какіе либо матеріалы для исторіи Ступинской школы. Въ подвалахъ и чердакахъ мнѣ указывали цѣлыя груды буквально сгнившихъ полотенъ, не представляющихъ въ настоящее время никогда художественной цѣнности. Тѣмъ болѣе важно теперь (пока еще хоть кой-гдѣ сохранились слѣды работъ Ступина) собрать воедино весь запасъ свѣдѣній объ этой достопамятной личности.

II.

Александръ Васильевичъ Ступинъ родился 13-го Февраля 1776 г. въ Арзамасѣ. Онъ былъ сыномъ Надежды Никитишны Борисовой (дочери Костромского воеводы), почти вслѣдъ за рожденіемъ усыновленъ Арзамасскимъ мѣщаниномъ Василіемъ Ступинымъ и приписанъ къ мѣщанскому званію. Пріемный отецъ его, скоро сданный въ рекруты, оставилъ маленькаго Ступина на попеченіе жены своей, Анисьи Степановны, женщины доброй, но совершенно простой и безграмотной.

Въ 1782 г. маленькій Ступинъ отданъ былъ въ обученіе сперва къ мѣстной старой учительницѣ, а потомъ къ часовому мастеру, который занимался болѣе своимъ ремесломъ, нежели преподаваніемъ грамоты. Ступинъ уже черезъ годъ закончилъ свое образованіе и вынесъ изъ такой науки врядъ ли особенно много пользы.

Въ 1786 г. пріемные родители помѣстили было Ступина сидѣльцемъ въ лавку; но, видя, что такого рода занятія совсѣмъ не подходятъ къ его живому, любознательному нраву, они черезъ годъ отдали его въ обученіе къ сосѣду-художнику, при чемъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ посѣщалъ, хотя и недолго, классы народнаго училища.

Въ 1788 г. Ступинъ уже исполняетъ, въ качествѣ помощника своего учителя, иконостасы въ церкви села «Воронцова» у тамошняго помѣщика Полчанинова, а въ 1790 г. вновь работаетъ иконы для церкви въ городѣ «Темниковѣ» Тамбовской губерніи. Въ этомъ первоначальномъ вліяніи на него нашей церковной живописи съ ея условнымъ колоритомъ и кроется, по всей вѣроятности, подчасъ столь непріятная, «иконнаго пошиба» манера почти всѣхъ учениковъ вышедшихъ изъ Ступинской школы.

Проведя такимъ образомъ все свое дѣтство, то въ однообразномъ занятіи сидѣльца лавки, то въ качествѣ подмастерья живописнаго мастера, Ступинъ не вынесъ ни изъ того, или другого какихъ-либо, опредѣленныхъ познаній, но все же, имѣя несомнѣнное влеченіе къ живописи, поступилъ подмастерьемъ къ живописцу-дьякону Зосимовскому. Приблизительно къ 1795 г. слѣдуетъ отнести женитьбу его на дочери мѣщанина Екатеринѣ Ивановнѣ Селивановой. Къ этому же времени относятся первыя его самостоятельныя работы иконостаса въ церкви села Кошелевки, Спасскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, у помѣщика Арцыбашева. Къ сожалѣнію живопись не могла доставить Ступину достаточныхъ средствъ къ существованію, почему онъ вскорѣ перешелъ подканцеляристомъ на службу въ Губернское Правленіе. Впрочемъ пребываніе въ Нижнемъ принесло ему свою долю пользы. Живя здѣсь, онъ близко сошелся съ нѣкоторыми преподавателями Семинаріи и началъ по возможности пополнять свое скудное образованіе. Но казенная однообразная служба день за днемъ не могла долго удержать такого живого человѣка, какъ Ступинъ, и потому, рѣшивъ, не смотря на всѣ препятствія, окончательно посвятить себя живописи, онъ берется за сравнительно-большой заказъ 24-хъ образовъ въ Арзамасскую Всесвятскую церковь. Видя успѣхъ въ своихъ работахъ и скопивъ хотя небольшія деньги, онъ покупаетъ въ Арзамасѣ небольшой домъ и начинаетъ съ 1-го Сентября 1797 г. принимать въ обученіе учениковъ. Въ этомъ же и слѣдующемъ году Ступинъ беретъ за 500 р. крупный подрядъ на 31 образъ въ церкви села «Кеньши» Пензенскаго уѣзда. Понятно, что эти первыя попытки самостоятельныхъ работъ и вообще первыя произведенія Ступинскихъ иконописцевъ не представляютъ ничего хоть сколько нибудь замѣчательнаго, но все же они заслуживаютъ вниманія для дальнѣйшаго изслѣдованія живописи Ступина и его учениковъ.

Будь Ступинъ посредственностью, онъ вѣроятно такъ навсегда и остался бы иконописнымъ мастеромъ Арзамаса, изготовлялъ бы святыхъ и ангеловъ по опредѣленному шаблону и расписывалъ бы всѣ церкви темными образами; но живой характеръ его и страсть къ реальной живописи не давали ему покою.

Около 1800 г. онъ случайно познакомился съ нѣкіимъ Туринымъ, долго жившимъ въ Петербургѣ и, посовѣтовавшись съ нимъ, рѣшилъ ѣхать въ столицу. Выѣхавъ 5-го Марта изъ Арзамаса, онъ 17-го пріѣхалъ въ Петербургъ и тотчасъ же обратился къ смотрителю классовъ Академіи, Фаняеву.

Академія, въ первые годы по воцареніи Александра Павловича, сохраняла еще все свое первоначальное старо-академическое направленіе, весь духъ занесенный къ намъ изъ-за границы, но какъ-то особенно по своему понятый и еще болѣе оформленный и урегулированный какимъ-то чисто-казеннымъ отношеніемъ. Красота, помимо Грековъ, Рафаэля и Болонцевъ, какъ-то совсѣмъ не признавалась и даже не приходила въ голову старымъ профессорамъ, до безконечности заставлявшимъ рисовать своихъ учениковъ академическихъ натурщиковъ для миѳологическихъ композицій. Лосенко уже умеръ, но вліяніе его крѣпко утвердилось въ Академіи. Ничего бы еще, если бы преподаваніе чисто-живописной техники было поставлено въ такія узкія рамки, но къ сожалѣнію даже общее воспитаніе учащихся, часто совсѣмъ еще дѣтей, было и того менѣе удовлетворительно. Старые профессора смотрѣли на своихъ учениковъ какъ на какихъ-то машинъ, снабженныхъ зрительнымъ аппаратомъ и могущихъ по ихъ указаніямъ воспроизводить до безконечности классическихъ «Нимфъ», «Аполлоновъ» и «Геркулесовъ». Индивидуальность каждаго воспитанника, столь важная во всякомъ художественномъ творчествѣ, совсѣмъ не принималась въ расчетъ, и профессора-руководители, часто какъ имъ приходило въ голову, размѣщали учениковъ по категоріямъ живописнаго и скульптурнаго отдѣловъ. Иванъ Теребеневъ, впослѣдствіи столь прославившійся своими интересными карикатурами и рисунками, былъ «по усмотрѣнію начальства» и не смотря на свое явное нежеланіе, отданъ въ скульптурный классъ [1]). Тоже повторилось и позже, именно въ 1819 году, когда даже такой по тому времени гуманный президентъ, какъ Оленинъ, исходя изъ того, что произволъ слѣдуетъ гнать и видя, что никто не желаетъ идти на скульптурное отдѣленіе, насильно размѣстилъ всѣхъ воспитанниковъ по собственнымъ соображеніямъ [2]). Іорданъ въ своихъ Запискахъ упоминаетъ, что ему десять лѣтъ пришлось пробыть въ Академіи, такъ какъ его за «малый ростъ» не хотѣли переводить въ третій возрастъ. Благодаря этому, множество художниковъ, по природѣ своей безспорно талантливыхъ, окончательно сбились съ пути и не дали въ результатѣ ничего, сравнительно съ тѣмъ, чего можно было ожидать отъ ихъ дарованія.

Въ 1800 году, т. е. въ годъ поступленія Ступина въ Академію, ректоромъ ея былъ Иванъ Акимовичъ Акимовъ, человѣкъ заслуживающій вниманія. Ученикъ Лосенко, горячій его поклонникъ и подража-

---

[1]) „Сынъ Отечества“ 1815 г. № 4.

[2]) „Русская Старина“ 1884 г. т. XI, стр. 631.

тель, Акимовъ все же не имѣлъ крупныхъ достоинствъ своего учителя, и его скучныя картины изъ миѳологіи и Русской исторіи мало чѣмъ замѣчательны. Одно что можно замѣтить относительно Акимова, это то, что отъ природы у него въ сущности все же было нѣкоторое дарованіе, что особенно сказывается въ его карандашныхъ наброскахъ, удивительныхъ по рисунку и композиціи. Впрочемъ, къ слову сказать, большинство нашихъ старыхъ академиковъ, въ рисункахъ своихъ, сдѣланныхъ подъ первымъ впечатлѣніемъ, несравненно интереснѣе скучныхъ, заслуженныхъ, оффиціальныхъ холстовъ на заданныя темы. Лосенко для Акимова всегда былъ какимъ-то богомъ, и это отношеніе къ своему учителю сказывается во многомъ. «Хотя и остались художники» (послѣ смерти Лосенки) говоритъ Акимовъ, «но всѣ послѣ таковой потери обучавшіеся погружены были въ уныніе и мало кому довѣряли» [1]). Впрочемъ въ описываемое время въ Академіи дѣйствительно безсознательно чувствовалась какая-то ненужность всего направленія, и дисциплинированные ученики, хотя и повторяли старыя истины своихъ руководителей, но какъ-то невольно чувствовали приближеніе новыхъ вѣяній. Что же касается Акимова, то онъ, хотя и посредственный художникъ, какъ преподаватель и отзывчивый человѣкъ былъ искренне любимъ своими учениками. «Акимовъ», говоритъ про него Ступинъ, «бросалъ въ своихъ учениковъ не скорлупами, но ядрами питательными» [2]). Акимовъ завѣщалъ все свое состояніе на вспомоществованіе учениковъ Академіи.

Другой человѣкъ, также игравшій немалую роль въ воспитаніи учениковъ Академіи, былъ далеко не на высотѣ своего положенія. «Николай Никитовичъ Фаняевъ», говоритъ про него одинъ изъ воспитанниковъ *), «сердитый съ сиплымъ басомъ отъ неумѣреннаго употребленія алкоголя; дерзкій на руку, въ которой онъ держалъ ключъ, и часто, бывало, имъ ранилъ онъ ученика отъ неудовольствія; къ тому же имѣлъ еще выбитый глазъ, отчего и былъ одноглазый. Какъ художникъ и учитель, Фаняевъ былъ совершенная ничтожность; ученики ничего не дѣлали, боялись только его ужаснаго голоса, ключа и его нетрезвости, въ каковомъ положеніи онъ буйствовалъ, ходя по корридору, усмиряя каждаго своимъ бычачьимъ голосомъ и изрыгая непечатныя ругательства».

---

[1]) „Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ Россійскихъ художникахъ“ И. Акимова „Сѣверный Вѣстникъ“ 1804, кн. I.

[2]) „Современникъ“ 1850 г. № 10, стр. 129.

Таково было преподаванiе въ Академiи.

Вскорѣ по вступленiи своемъ, Ступинъ, оказывавшiй большiе успѣхи въ рисованiи, былъ переведенъ въ натуральный классъ, а черезъ годъ награжденъ серебряной медалью. Академическое начальство и особенно президентъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, весьма сочувственно относились къ Ступину и, благодаря ходатайству графа Строганова, онъ былъ по высочайшему повелѣнiю (1-ое Апрѣля 1802 г.) освобожденъ отъ подушнаго оклада и награжденъ 200 р. для поѣздки въ Арзамасъ. Поводомъ къ этой милости послужила автобiографическая записка, написанная Ступинымъ и переданная имъ Императрицѣ черезъ Акимова, бывшаго въ то время преподавателемъ Государыни.

Уѣзжая на родину, Ступинъ взялъ съ собой нѣсколько картинъ, подаренныхъ ему его покровителями; изъ нихъ Егоровъ особенно сочувственно къ нему относился и имѣлъ на него большое влiянiе, слѣды котораго отразились даже на многихъ работахъ Арзамасской школы.

Первые годы существованiя Ступинской школы ничѣмъ не замѣчательны. Ступинъ, въ первые годы своей педагогической дѣятельности, заставлялъ своихъ учениковъ копировать эстампы, рисовать съ гипсовыхъ фигуръ и, совсѣмъ позабывъ натуру, чуть было также не пошелъ по ложному пути своихъ учителей. Однако по прiѣздѣ въ Арзамасъ онъ первымъ дѣломъ занялся внутреннимъ устройствомъ школы.

Въ 1808 г. онъ покупаетъ у нѣкоей г-жи Юрловой за 2800 р. домъ и устраиваетъ его насколько возможно удобнѣе съ цѣлью завести музей и библiотеку и дать своимъ ученикамъ помимо обученiя живописи еще общее образованiе. Весьма замѣчательно, что при трудности тогдашнихъ путей сообщенiя и сравнительно ничтожныхъ средствахъ Ступинъ устраиваетъ у себя нѣчто въ родѣ маленькой академiи. Въ библiотекѣ при его школѣ находилось болѣе 2000 книгъ и около 6500 картинъ, оригиналовъ и копiй, гипсовыхъ бюстовъ и фигуръ [1]). Правда, многiя картины были вѣроятно копiями съ разныхъ знаменитыхъ мастеровъ, но все же по дошедшему до насъ, хотя и не полному списку, видно, какiя интересныя картины тамъ находились [2]).

---

[1]) См. Архангельскiй. „Александръ Васильевичъ Ступинъ" и „Современникъ" 1850 г. т. XXIII № 10 отд. VI смѣсь стр. 123—140.

[2]) Вотъ приблизительный списокъ ихъ: Цилидонiя съ отцомъ въ темницѣ, Вирсавiя, жена Урiи въ саду, мученiе св. Севастьяна раб. Л. Джiордано, Семирамида съ головой мужа раб. Лазарини, 10 картинъ Французской школы, кухня съ дичью, два голубя, Лотъ

Въ школѣ, кромѣ живописи, преподавались Русскій языкъ, географія и исторія [1]), постоянно устраивались, подъ руководствомъ Рафаила Ступина-сына, любительскіе спектакли. Представленія эти давались періодически, преимущественно въ большіе праздники, и сильно занимали учениковъ-живописцевъ увлекавшихся театромъ. Спектакли прекратились вскорѣ по смерти Рафаила Ступина, страстнаго, увлекавшагося артиста, ведшаго безалаберную жизнь, скоро спившагося и умершаго въ Нижнемъ.

Окончивъ внутреннее устройство школы, Ступинъ, энергичная натура котораго не могла удовлетвориться тихой работой въ глуши, везетъ своихъ учениковъ въ столицу.

Въ 1809 г., снабдившись аттестатами Нижегородскаго начальства и сосѣдей-помѣщиковъ и забравъ лучшихъ учениковъ своихъ: Ивана Горбунова, рѣзчика Михаила Коринѳскаго [2]) и сына Рафаила, онъ отправляется въ Петербургъ и представляетъ Академіи 4 картины и 30 рисунковъ своихъ учениковъ.

Совѣтъ Академіи, разсмотрѣвъ эти работы, постановилъ: наградить медалями Ивана Лебедева [3]), Соколова за его картину «Самсонъ съ Далилой» (копія съ Рубенса) и Ивана Горбунова за портретъ Ступина.

10-го Мая 1809 года Ступинъ, «яко заводитель дѣла еще необыкновеннаго», признанъ академикомъ, и школа его принята подъ покровительство Петербургской Академіи Художествъ [4]).

съ дочерьми, изображеніе художествъ въ видѣ женщины, Астрономія съ принадлежностями, Діана съ любовникомъ, дѣти раб. Ванлоо, несеніе креста (по грудь) раб. Тиціана, Рождество Спасителя (Сублера), поклоненіе волхвовъ (его же), 8 картинъ профессора А. Е. Егорова, а именно: Распятіе, Битва Центавровъ, Иродіада, Мученіе Св. Варѳоломея, автопортретъ и 3 портрета Ступина юношей, писанные въ бытность его въ Академіи работы К. Брюлова, „старикъ съ книгой", графъ В.; портретъ Корсакова кисти Угрюмова (нынѣ собственность Фролова въ СПБ.), Предтеча Господень, Далила съ Самсономъ, дѣти Іакова приносящіе ему одежду Іосифа; голова съ рукой Василія Блаженнаго раб. Шебуева (нынѣ собственность Фролова), Іоаннъ Предтеча (поясной) раб. Варнека, портретъ Лабзина и его жены, крещеніе св. Ольги раб. Акимова (подаренная еще въ бытность Ступина въ Академіи); 3 портрета раб. Ступина, Семейство за чаемъ, раб. Алексѣева, а также работы: Бѣльскаго, Тихонова (одна изъ нихъ находится у Фролова), Горбунова, Раева и Левицкаго. Подробнѣе см. въ Нижегородскихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1850 г. №№ 22—25.

[1]) Зайцевъ. Записки стараго учителя „Русская Старина" 1887 г. т. 54 стр. 666—669.

[2]) Михаилъ Петровичъ Коринѳскій, ученикъ Воронихина. Награжденъ въ 1811 г. 1-й серебр. медалью и атестатомъ 1-ой степени со шпагой. Съ 1823 г. служилъ архитекторомъ при Казанскомъ университетѣ. Строитель собора въ Арзамасѣ.

[3]) Иванъ Алексѣевичъ Лебедевъ, служившій 25 лѣтъ учителемъ рисованія въ Арзамасѣ.

[4]) Ордеръ И. А. Х. на званіе академика выданъ 19 Авг. 1809 г. опредѣленіемъ Совѣта отъ 14 Авг. 1809 г.

Послѣ этого оффиціальнаго заявленія о заслугахъ Ступинской школы, на него невольно обращается всеобщее вниманіе, и наименованіе «Арзамаса» служитъ даже кличкой столь извѣстному въ 20-хъ годахъ литературному обществу [1]).

Вообще, надо сказать, что отношеніе не только Академіи, но даже всего общества къ Ступину было весьма сочувственное. Правда, замѣчается даже немного смѣшная сторона въ торжественныхъ донесеніяхъ Академіи часто любящаго о себѣ напоминать Ступина и въ высокопарныхъ благодарностяхъ его; но надо помнить, что возникновеніе гдѣ-то въ Арзамазѣ такой большой школы живописцевъ дѣйствительно было явленіемъ до сихъ поръ необыкновеннымъ. Нижегородское начальство также видимо заинтересовалось «Арзамасской Академіей», и вскорѣ по возвращеніи Ступина, 24 Августа 1810 г., Нижегородскій губернаторъ Руновскій, осматривавшій школу, сообщаетъ въ своемъ донесеніи о найденномъ имъ «хорошемъ порядкѣ и устройствѣ въ разсужденіи преподаванія рисовальныхъ художествъ ученикамъ, которыхъ въ школѣ 15 человѣкъ» [2]). Около 1811 г. Ступинъ открываетъ въ своей школѣ классъ гипсовыхъ фигуръ, съ каждымъ годомъ число учениковъ его увеличивается и въ 1812 г. достигаетъ 20. Ступинъ рѣшилъ увеличить музей и зданіе школы. Постройка ея, равно какъ и «картинной и антической» галлерей, началась въ 1813 г., когда въ Арзамасъ пріѣхалъ бывшій воспитанникъ Ступина, теперь уже архитекторъ, Коринѳскій, ученикъ знаменитаго Воронихина и человѣкъ безспорно талантливый. Зданіе школы и «галлерей», по своей оригинальности заслуживаетъ особаго описанія. Оно состояло изъ длиннаго центральнаго корпуса [3]), съ двумя, по бокамъ возвышающимися «античными и художественными» галлереями, въ которыхъ были разставлены статуи и развѣшаны картины. Къ сожалѣнію до насъ не сохранилось почти никакихъ слѣдовъ этого нѣкогда красиваго зданія, о которомъ даетъ довольно слабое понятіе плохая гравюра на деревѣ, приложенная къ «Иллюстраціи» 1862 г. Нынѣ весь фасадъ окончательно перестроенъ и изуродованъ какими-то отвратительными передѣлками, «галлереи» окончательно уничтожены, садъ вырубленъ, и только фасадъ на Троицкую улицу сохранилъ хоть отчасти первоначальную архитектуру [4]).

---

[1]) См. „Москвитянинъ" 1854 г. т. I. стр. 189. М. А. Дмитріевъ. Мелочи изъ запаса моей памяти.

[2]) „Иллюстрація" 1862 г. № 222.

[3]) Главный фасадъ расположенъ по Троицкой улицѣ (45 саженъ), другой на Прогонную (47 саж.), а садъ на Стрѣльнинскую (10 саж.).

[4]) Теперь въ зданіи помѣщается приходское Троицкое училище.

Внутреннее устройство зданія также окончательно изуродовано, и лишь центральный залъ главнаго корпуса, нѣкогда вѣроятно служившій рисовальнымъ классомъ и освѣщенный верхнимъ свѣтомъ, сохранилъ хоть нѣкоторые признаки прежнихъ украшеній. Весь потолокъ и боковые карнизы его украшены сѣрыми аллегорическими фигурами, каріатидами и очаровательнымъ орнаментомъ «empire», красиво выдѣляющимся на темносинемъ фонѣ. Къ сожалѣнію, варварская рука не пощадила и этихъ восхитительныхъ узоровъ, и грубая, сплошная, чисто-малярная живопись сверху до низу прописала всѣ фрески, что̀ подтверждаетъ и находящаяся на потолкѣ надпись: «Поправлялъ Николай Свѣшниковъ 1891 года 25 часовъ» [1]). Такимъ образомъ, благодаря небрежному отношенію, неумѣлымъ поправкамъ и реставраціямъ, зданіе школы въ настоящее время лишено всякой художественной цѣнности.

Когда зданіе было построено, пріѣхалъ въ Арзамасъ обучавшійся въ Академіи Иванъ Горбуновъ и занялся преподаваніемъ.

Нужно замѣтить, что столь часто повторяемый по адресу школы упрекъ въ томъ, что всѣ ученики занимались исключительно иконописью, далеко неоснователенъ. Правда, у Ступина много писали иконъ [2]), работа, доставлявшая весьма хорошій заработокъ, безъ котораго школа положительно не могла бы существовать; правда, что Ступинъ, желая радѣть Академіи, неоднократно присылалъ въ Петербургъ работы на религіозныя темы, большей частью плохо и скучно написанныя; но ужъ одно то, что въ школѣ было исполнено болѣе 2,000 портретовъ и болѣе 100 портретовъ самого Ступина доказываетъ, что немало вниманія преподавателя удѣлялось на работу съ натуры. Къ тому же, съ 13 Августа 1817 г. открывается при школѣ «перспективный классъ», подъ руководствомъ сына Ступина Рафаила, классъ, изъ котораго вышло столько художниковъ, къ сожалѣнію не оставившихъ намъ даже своихъ

[1]) Вѣроятно Николай Ивановичъ Свѣшниковъ, сынъ Ивана Свѣшникова, ученика Ступина, иконописца, долго жившаго въ Арзамасѣ.

[2]) Вотъ нѣкоторыя данныя объ иконописныхъ работахъ школы до 1850 г. Иконостасовъ до этого года исполнено въ церквахъ: Симбирской и Оренбургской 47, образовъ (тамъ же) 887; въ Саратовской, Пензенской и Тамбовской губ.,—иконостасовъ—44, образовъ—737; въ Нижегородской и Казанской губ.:—иконостасовъ 24, образовъ 432; въ Арзамасѣ иконостасовъ 21, образовъ 392. Итого всего иконостасовъ 136, образовъ 2,448 и церквей расписано 10. Наиболѣе значительныя работы исполнены въ соборахъ: Оренбургскомъ, Уральскомъ, Пензенскомъ, Кизлярскомъ, Нижегородскомъ (ярмарочномъ), Цивильскомъ, Томскомъ и Арзамасскомъ и въ пустыняхъ: Саровской и Вышенской; въ монастыряхъ Нижнеломовскомъ и Казанскомъ (женскомъ) и въ частныхъ домахъ: 508 образовъ, картинъ, портретовъ и проч. болѣе 6,000. См. „Нижегородскія Губернскія Вѣдомости“ 1850 г. №№ 22, 23, 24 и 25.

именъ. Изъ дошедшихъ же до насъ источниковъ можно упомянуть: Вука Волкова, интересная работа котораго (къ сожалѣнію очень сильно попорченная) находится въ Нижегородскомъ музеѣ, Владиміра Щеголькова, который «зналъ хорошо перспективу» и наконецъ извѣстнаго Василія Раева, способнаго отъ природы человѣка, но окончательно испорченнаго поѣздкой за границу и вліяніемъ Италіи.

Въ 1823 г. Ступинъ со своими учениками исполняетъ большую работу, по росписи иконостаса ярмарочнаго собора въ Нижнемъ, сохранившагося и понынѣ, но сильно попорченнаго реставраціей, да и вообще мало интереснаго, какъ и большинство религіозныхъ картинъ, исполненныхъ Арзамасской школой. Въ 1825 году Ступинъ вновь ѣдетъ въ С.-Петербургъ съ рапортомъ объ успѣхахъ своей школы и представленіемъ списка учениковъ, бывшихъ у него съ 1809 года. Вотъ этотъ списокъ:

I-ое отдѣленіе:

1) Кузьма Макаровъ [1]) (г. Горихвостова) отпущенъ на волю, 2) Никита Шведовъ (г. Соловцова), 3) Павелъ Снѣтковъ (Горихвостова) 4) Павелъ Калидановъ (изъ вольныхъ хлѣбопашцевъ), 5) Василій Бѣльскій (изъ мѣщанъ), 6) Михайло Морозовъ (г. Болтина, отпущенъ на волю), 7) Иванъ Соколовъ (княгини Оболенской), отпущенъ на волю, 8) Аѳанасій Надеждинъ [2]) (г. Степанова).

II-ое отдѣленіе:

9) Григорій Мельниковъ (г. Гладкаго), 10) Николай Алексѣевъ (г. Колокольцова) отпущенъ на волю, 11) Александръ Сорокинъ (Арзамасскій мѣщанинъ), 12) Епафродитъ Рамейскій (г. Языкова), 13) Иванъ Каширинъ (Ульянова), 14) Александръ Миловановъ (его же), 15) Дмитрій Щегловъ (Павлова), 16) Константинъ Молчановъ (Бетлинга).

III-е отдѣленіе:

17) Дмитрій Ботовъ (г-жи Микулиной), 18) Петръ Мироновъ (г-на Грязовскаго, отпущенъ на волю), 19) Иванъ Кутайсовъ (генерала Котлубицкаго), 20) Василій Раевъ [3]) (г-на Кушелева), 21) Аполлонъ Воскресенскій (г-на Аргамакова) отпущенъ на волю.

---

[1]) Отецъ извѣстнаго Ивана Кузмича Макарова, открывшаго рисовальную школу въ Саранскѣ.

[2]) А. Н. Надеждинъ, основатель художественной школы въ Козловѣ (см. Отчетъ И. А. Х. отъ 1-го Сент. 1860 года по 1861 годъ стр. 16).

[3]) Василій Егоровичъ Раевъ (1807—70) извѣстный религіозный живописецъ и пейзажистъ. Нѣсколько работъ его находится въ Музеѣ Александра III и въ Третьяковской галлереѣ.

IV-е отдѣленіе:

22) Лука Лонгиновъ (Караулова), 23) Василій Карасевъ (Арапова), 24) Владиміръ Щеголковъ [1]) (Арзамасскій мѣщанинъ), 25) Николай Стрюковъ (Турчанинова), 26) Иванъ Зайцевъ [2]) (Зайцева). Вмѣстѣ съ этимъ спискомъ своихъ учениковъ Ступинъ представилъ на судъ Академіи 4 историческія картины и 31 рисунокъ ихъ работы, за которыя Академія и наградила медалями второго достоинства: Аѳанасія Надеждина, Александра Макарова и Ивана Соколова.

Вообще не только Академія, но Общество поощренія художествъ, и отдѣльныя лица какъ графъ Кутайсовъ и Англійскій художникъ-портретистъ Дау, гостившій въ Россіи, особенно сочувственно относились къ работамъ Арзамасской школы и старались содѣйствовать ея успѣхамъ.

Въ 1826 году Ступинъ снова присылаетъ въ Академію работу сына своего Рафаила, картину «Іоаннъ Креститель», за которую Рафаилъ признанъ художникомъ. Съ этого времени начинается непрерывное общеніе Ступина съ Академіей, которая множество разъ выражаетъ ему одобреніе и оказываетъ помощь. Отношеніе общества и печати къ успѣхамъ Арзамасской школы весьма любопытно, какъ соединеніе восторженныхъ восклицаній о задачахъ искусства съ постояннымъ и неустаннымъ угожденіемъ академическому начальству. «Счастливый вниманіемъ Академіи», пишетъ одинъ изъ современниковъ [3]), «Ступинъ продолжаетъ занятія, питаясь сладостною мыслію, что труды его отечеству небезполезны и начальству пріятны».

Впрочемъ не всѣ такъ добродушно относились къ успѣхамъ школы. Такъ въ 1815 году, посѣтившій школу новый Нижегородскій архіерей Іеремія осматривалъ работы учениковъ и «античныя галлереи» и вдругъ возмутился, увидѣвъ гипсовыя статуи: «Зачѣмъ вы имѣете у себя идоловъ!!» и въ негодованіи оставилъ школу [4]). Спустя нѣкоторое время, Ступинъ навсегда отрѣшенъ отъ званія церковнаго старосты.

---

[1]) Владиміръ Щеголевъ—хорошій перспективный живописецъ, долго служившій учителемъ рисованія въ Пермской гимназіи.

[2]) И. К. Зайцевъ (1805—1887), сынъ крѣпостного живописца, помѣщика Ранцева. Родился въ селѣ Архангельскомъ Пензенской губ., Керенскаго уѣзда. Съ 1824—1027 г. г. обучался у Ступина. Въ 1830 г. сталъ посѣщать классы И. Ак. Художествъ. 1-го Мая 1834 г. за автопортретъ награжденъ серебряной медалью. Въ 1835 г. вторично награжденъ медалью и званіемъ свободнаго художника. Съ 1839—1847 г. г. былъ учителемъ рисованія въ 1-омъ Кадетскомъ корпусѣ. Въ 1847 г. переведенъ въ Полтаву. Любопытныя записки его помѣщены въ Русской Старинѣ 1887, т. 54 стр. 663—691.

[3]) „Московскія Вѣдомости“ 1844 г. № 33, стр. 214.

[4]) „Иллюстрація“ 1862 г.

Съ 1834 г., начинается самый блестящій періодъ существованія школы. Въ этомъ году Николай Михайловичъ Алексѣевъ, одинъ изъ даровитѣйшихъ учениковъ Ступина, женится на его дочери Клавдіи († 1842).

Въ 1835 году, за присланныя въ Академію 4 картины [1]) и 13 рисунковъ работы Алексѣева, постановленіемъ Совѣта отъ 25 Августа рѣшено: разрѣшить переходъ школы въ полное завѣдываніе Алексѣева и признать его «назначеннымъ» на программу: «Ступинъ, окруженный своими учениками, разсматриваетъ гравюры». Этотъ послѣдній портретъ Ступина, исполненный Алексѣевымъ лишь въ 1838 году и находящійся въ Академіи Художествъ, является однимъ изъ блестящихъ образчиковъ работъ Арзамасской школы и по своимъ выдающимся достоинствамъ можетъ считаться на ряду лучшихъ Русскихъ портретовъ 30-хъ годовъ. Къ сожалѣнію, Алексѣевъ, такъ блестяще выказавшій свои дарованія, позже подобно Раеву совсѣмъ сбился съ дороги и, увлекшись моднымъ подражаніемъ Брюллову и Болонцамъ, совсѣмъ посвятивъ себя религіозной живописи, въ концѣ концовъ не исполнилъ ничего, чего можно было бы ожидать отъ его крупнаго дарованія.

Въ 1838 г. Арзамасская школа присылаетъ въ Академію картины: вышеупомянутый портретъ Ступина, автопортретъ съ дѣтьми и старушкой, дочери его сидящей на коврѣ, дѣвушки изъ села Выѣзднова въ Мордовскомъ нарядѣ и еще одинъ портретъ Ступина, и прилагаетъ новый списокъ учениковъ:

I-ое отдѣленіе:

1) Павелъ Рачковъ [2]) (Нижегородскій мѣщанинъ), 2) Василій Бовинъ (Моршанскій мѣщанинъ), 3) Вукъ Волковъ, 4) Иванъ Жуковъ, 5) Павелъ Турченииовъ.

II-ое отдѣленіе:

6) Николай Рачковъ [3]), 7) Иванъ Свѣшниковъ (Арзамасскій мѣщанинъ), 8) Алексѣй Колчинъ (тоже), 9) Василій Нащокинъ (вольноотпущ. Нижег. губ.), 10) Василій Крыловъ (Нижегород. губ.).

---

[1]) 1) Сраженіе, 2) „Мальчикъ съ гитарою“ или „Торбанистъ“, картина бывшая на выставкѣ 1836 г. и пріобрѣтенная императрицей Александрой Ѳеодоровной, 3) Портретъ Ступина и 4) автопортретъ съ женой.

[2]) Павелъ Рачковъ—учитель рисованія въ Аракчеевскомъ кадетскомъ корпусѣ.

[3]) Николай Ефимовичъ Рачковъ (1825—1895), портретный и жанровый живописецъ. Нѣсколько картинъ его находятся въ Третьяковской галлереѣ, въ галлереѣ Солдатенкова въ Москвѣ, у М. П. Фабриціусъ въ Спб. и у П. И. Щукина въ Москвѣ.

III-ое отдѣленіе:

Крѣпостные: 11) Карпъ Виноградовъ (Поповой) Симбирской губ., 12) Памфилъ Незнаевъ (Полтева) Оренбург. губ., 13) Антонъ Кудряшовъ (Карпова) Симбирской губ., 14) Михайло Галкинъ (Янычаровой) Нижегород. губ., 15) Кориилъ Сѣровъ (княгини Мустафиной) Нижегородской губерніи.

Академія, разсмотрѣвъ присланныя работы, постановила, опредѣленіемъ Совѣта отъ 19-го Сентября 1839 г., удостоить «назначеннаго» Н. Алексѣева — званія академика, наградить серебряными медалями 2-й степени Павла Рачкова 1-го и Василія Бовина и высказать «особенную благодарность Панфилу Незнаеву, при чемъ увѣдомить Бовина и Рачкова, что они могутъ просить о званіи свободнаго художника». Къ сожалѣнію, за исключеніемъ портрета «Ступина и его учениковъ», до насъ не сохранилось работъ ни Бовина, ни Павла Рачкова.

Впрочемъ, можно предположить о несовсѣмъ безпристрастной оцѣнкѣ картинъ академическими судьями, такъ какъ по словамъ ученика Ступина, Зайцева, Академія «высылала ученикамъ награды, серебряныя медали, разумѣется только ученикамъ свободнаго званія, а не крѣпостнымъ, хотя крѣпостныхъ-то и было наибольшее число *)». Понятно, при такой своеобразной оцѣнкѣ, очень трудно на основаніи офиціальныхъ опредѣленій Академіи дѣлать хоть какія либо заключенія относительно достоинствъ картинъ, присылаемыхъ изъ Арзамаса.

Черезъ 3 года въ школѣ снова происходитъ серьезная перемѣна. 5-го Ноября 1842 г. сильный пожаръ истребляетъ почти весь домъ, галлереи школы и часть картинъ и предметовъ, тамъ находящихся, и Ступинъ, лишенный всякихъ средствъ, обращается за пособіемъ къ Академіи, которая и выдаетъ ему, по высочайшему повелѣнію, 5,000 руб. и нѣсколько гипсовыхъ бюстовъ и статуй. Въ благодарность за это пособіе въ «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1844 года (№ 78) появляется чрезвычайно витіеватое письмо «кавалера и академика Ступина», въ которомъ онъ высказываетъ благодарность Академіи и говоритъ, что «по вниманію благодѣтельнаго начальства, школа моя, яко фениксъ, снова возродилась изъ своего пепла». Зданіе было возстановлено, и Ступинъ снова принимается за свою педагогическую дѣятель-

---

*) Записки стараго учителя „Русская Старина“ 1887, т. 54, стр. 667.

ность, о чемъ свидѣтельствуетъ поданный имъ въ 1845 г. рапортъ *), съ новымъ спискомъ учениковъ:

1) Рачковъ, 2) Иванъ Свѣшниковъ, 3) Андрей Имсенъ (Прусскій подданный), 4) Константинъ Келлеръ (Саратовскій колонистъ), 5) Александръ Лысковцевъ (Арзамасск. мѣщанинъ), 6) Сергѣй Дубровинъ (дворянскій воспитанникъ), 7) Александръ Дмитріевъ (тоже), 8) Василій Нащокинъ (дана свобода), 9) Гавріилъ Малышевъ (обѣщана свобода), 10) Аѳанасьевъ (крѣпостной).

Вообще съ самаго начала 40-хъ годовъ, когда постепенно начинаетъ зарождаться отчужденіе общества отъ интересовъ къ настоящему, безыдейному искусству, превратившемуся въ 60-хъ годахъ въ передвижничество, значеніе Ступинской школы начинаетъ постепенно уменьшаться. Изъ году въ годъ ученики, не видящіе ужъ болѣе интереса въ простыхъ работахъ съ натуры, въ искусствѣ безъ опредѣленной тенденціи, безъ какихъ либо общественныхъ идей, начинаютъ покидать Арзамасскую школу. Помѣщики, переставшіе понимать своихъ собственныхъ крѣпостныхъ живописцевъ, ужъ не посылаютъ ихъ учиться пустому и ненужному искусству рисованія, а употребляютъ ихъ на болѣе утилитарныя цѣли. Паденіе чисто-художественныхъ идеаловъ и искра любви къ искусству, вновь было вспыхнувшая, начинаетъ гаснуть, и съ ней теряется весь смыслъ простой безыдейной живописи.

Вотъ почему школа Ступина, все мельчая и мельчая, прекращаетъ свое существованіе, оставивъ для насъ, лишь какъ память, нѣсколько интересныхъ работъ, случайно приписываемыхъ нѣкоторымъ живописцамъ, большая часть которыхъ навсегда останется для насъ «неизвѣстными», но часто очень интересными и милыми художниками.

III.

О заслугахъ самого Ступина, какъ живописца, судить намъ къ сожалѣнію чрезвычайно трудно. Не говоря уже о маломъ количествѣ картинъ, которыхъ можно было бы навѣрное отнести къ работамъ этого художника, но даже все то, что́, на основаніи какихъ либо данныхъ, можно приписать ему, находится въ такомъ плачевномъ состояніи, что положительно теряется возможность произнести хоть какое-нибудь

*) Понятно, что въ приводимыхъ здѣсь спискахъ далеко не значатся всѣ ученики Ступина, такъ какъ списокъ, обрываясь на 1845 г., не даетъ свѣдѣній объ дальнѣйшихъ успѣхахъ школы. Изъ невошедшихъ въ списокъ художниковъ отмѣтимъ: Ивана Аѳанасьевича Бабилева († 1882 г.), Александра Васильевича Шмидта (1834—86), Льва Свѣшникова, извѣстнаго профессора Кошелева и наконецъ знаменитаго Перова, обучавшагося у Ступина съ 1846 по 1849 гг.

сужденіе. Ясно лишь одно, что Ступинъ все же не былъ такой бездарностью, какимъ выставленъ онъ біографомъ и ученикомъ его Николаемъ Рачковымъ.

О живописныхъ церковныхъ работахъ Ступина лучше вовсе и не говорить. Всѣ эти типично-академическіе святые въ застылыхъ позахъ, съ условными тѣлодвиженіями, не могутъ почитаться самостоятельными работами нашего художника; да и къ тому же они всѣ, безъ исключенія, до того пострадали отъ позднѣйшихъ варварскихъ реставрацій и передѣлокъ, что врядъ ли сохранили на себѣ хоть какіе либо признаки кисти Арзамасскаго академика. Исключеніе составляетъ лишь одна большая фреска въ церкви Св. Духа въ Арзамасѣ. Фреска эта изображаетъ Іисуса Христа, бесѣдующаго съ фарисеемъ, въ удивительно красивомъ длинномъ залѣ «empire», съ колоннами и мраморными вазами. Фигуры Христа и фарисея не болѣе какъ банальны; но оригинальное сочетаніе ихъ съ красивой перспективой залы начала XIX столѣтія, по вкусъ композиціи въ архитектурѣ комнаты и сѣрыя фигуры ангеловъ, равно какъ и синій орнаментъ на темносѣромъ полѣ, выказываютъ небанальное дарованіе.

Что же касается до рисунковъ, находящихся въ собраніи А. О. Карелина въ Нижнемъ и приписываемыхъ Ступину, то къ сожалѣнію они также являются малодостовѣрными его работами. Рисунки эти, почти всѣ исполненные кѣмъ либо изъ учениковъ Арзамасской школы, любопытны тѣмъ, что рядомъ съ ними и на обратной сторонѣ листовъ находятся исправленные наброски, очевидно, исполненные рукой самого руководителя и отличающіеся большимъ вкусомъ и ловкой, прекрасно выработанной техникой. Впрочемъ увѣренно отнести эти рисунки къ работамъ самого Ступина опять невозможно, въ виду того, что они одинаково могли бы быть исполнены кѣмъ либо изъ другихъ руководителей: Н. Алексѣевымъ, Горбуновымъ или даже сыномъ Ступина Рафаиломъ.

Наконецъ, третье указаніе о написанномъ въ 1826 г. Ступинымъ пейзажѣ «Видъ Арзамаса», находившемся въ Таврическомъ дворцѣ и особенно заинтересовавшемъ Нижегородскаго губернатора А. Н. Бахметева [1]), купившаго его для Государя, также ни къ чему не служитъ, такъ какъ мѣстонахожденіе этой картины неизвѣстно [2]).

---

[1]) „Нижегородскія губ. Вѣдомости“ 1850 г.

[2]) Тутъ же замѣтимъ, что картина „Мальчики, играющіе въ шашки“, находящаяся въ собраніи М. П. Фабриціуса и бывшая на портретной выставкѣ 1902 года, безъ вся-

Такимъ образомъ, главная заслуга Ступина заключается вовсе не въ оставшихся по немъ живописныхъ работахъ, но всецѣло относится къ его художественно-педагогической дѣятельности.

Что же касается до характера этой интересной личности, то, по словамъ современниковъ, Ступинъ былъ чрезвычайно умный и живой человѣкъ, сохранившій бодрость до глубокой старости.

Отличительной чертой его характера была, особенно въ послѣдніе годы его жизни, какая-то невѣроятная скупость, анекдоты о которой до сихъ поръ повторяются людьми его знавшими.

Не чуждый тщеславія, Ступинъ особенно гордился своей извѣстностью, постоянно напоминалъ о себѣ Академіи и заставлялъ чуть не всѣхъ своихъ учениковъ писать съ него портреты. По свидѣтельству современниковъ, такихъ изображеній Ступина было исполнено болѣе ста; до насъ же дошло всего пять портретовъ, писанныхъ его учениками, остальные же Богъ вѣсть куда дѣвались [1]). Изъ этихъ изображеній, особенно интересенъ портретъ работы Ивана Кузьмича Макарова [2]), впослѣдствіи столь извѣстнаго портретиста, находящійся въ Нижегородскомъ музеѣ. На этомъ портретѣ Ступинъ изображенъ уже въ пожиломъ возрастѣ, стоящимъ въ ростъ съ палитрою въ рукѣ, и по выразительному рисунку, энергичной лѣпкѣ и темному, коричневатому, чуть чуть черному тону, портретъ этотъ является одной изъ краснвѣйшихъ работъ Русской школы первой половины XIX вѣка. Что же касается до другого [3]), совсѣмъ уже въ другой манерѣ писаннаго портрета Ступина, портрета полнаго старика съ яркими, живыми, немного хитрыми глаза-

---

кихъ основаній приписывалась Ступину, такъ какъ она писана въ 1824 г. по заданной отъ Академіи программѣ, на которую конкурировали ученики: Грязновъ, Петръ Григорьевъ, Ѳ. Солнцевъ и Петръ Пнинъ, имена которыхъ не значатся въ спискахъ учениковъ Ступина. (См. Журналъ Изящныхъ Искусствъ 1825 г. ч. II, а также „Сборникъ матеріаловъ для исторіи И. Акад. Худ. за 100 лѣтъ существованія").

[1]) Списокъ портретовъ Ступина приложенъ къ книгѣ П. Ремезова „Александръ Васильевичъ Ступинъ, Арзамасскій мѣщанинъ-иконописецъ" С.-Пб. 1880 г. Въ словарѣ гравированныхъ портретовъ Ровинскаго также упоминается два портрета Ступина, находившихся въ собраніи Быкова. Одинъ работы Варнека (нынѣ въ Третьяковской галлерѣ), другой—Егорова.

[2]) И. К. Макаровъ (1822—1897). Ученикъ Ступина, а потомъ своего отца, имѣвшаго художественную школу сперва въ Саранскѣ, а позже въ Пензѣ. Съ 1844 г. обучался въ Академіи подъ руководствомъ А. Макарова. Съ 1853—1855 г.г. путешествовалъ за границей. Въ 1855 г. академикъ. Авторъ множества портретовъ, преимущественно женщинъ и дѣтей. Нѣсколько работъ его находятся въ Третьяковской галлерѣ.

[3]) Находится въ собраніи А. О. Карелина въ Нижнемъ.

ми, то это прекрасное произведеніе, къ сожалѣнію, не можетъ быть приписано никому изъ извѣстныхъ намъ Ступинскихъ учениковъ, а потому должно быть отнесено къ работамъ одного изъ «неизвѣстныхъ» его школы [1]).

Ступинъ умеръ 85 лѣтъ отъ роду, 31-го Іюля 1861 года и погребенъ въ Арзамасѣ, гдѣ надъ могилой его понынѣ существуетъ маленькій памятникъ.

Вотъ какъ Ступинъ заключаетъ свои Записки [2]): «Никакъ не ожидалъ, что доживу до такихъ лѣтъ; мнѣ скоро исполнится 84 года, и что́ всего удивительнѣе, я не чувствую особенной старческой слабости. Разсудокъ и память не измѣняютъ мнѣ, зрѣніе также еще держится, вотъ только по временамъ дрожатъ руки и поэтому неразборчиво пишу письма. Подивитесь, ко мнѣ въ школу отдаютъ еще ученика: знать, слава школы моей не совсѣмъ погибла».

Баронъ Н. Врангель.

---

[1]) Изъ другихъ изображеній Ступина отмѣтимъ: портретъ раб. Алексѣева, изображающій „Ступина и его учениковъ", приписываемый Алексѣеву портретъ изъ собранія Карелина и маленькій портретъ его, находящійся въ Нижегородскомъ музеѣ, болѣе другихъ приближающійся къ гравюрамъ, приложеннымъ къ Иллюстраціи 1862 г., къ соч. Ивана Ремезова и къ книгѣ о Ступинѣ-Архангельскаго.

[2]) Иллюстрація 1862 г. № 221, стр. 343.

М. Г. ЧЕРНЯЕВЪ.

Во время Русско-Турецкой войны 1853—1856 гг.

По случаю грозныхъ событій, разыгравшихся на Дальнемъ Востокѣ, тихо и незамѣтно прошла славная и достопамятная годовщина 50-лѣтія обороны Севастополя. Немного уже осталось въ живыхъ его доблестныхъ защитниковъ, и съ каждымъ годомъ все рѣдѣетъ число ихъ. Кровавыми буквами записана оборона Севастополя на скрижаляхъ нашей Исторіи и не смотря на то, что уже цѣлыхъ полстолѣтія отдаляетъ насъ отъ Севастопольской эпопеи, каждый разъ при произнесеніи этого слова сердце истинно Русскаго человѣка невольно переполняется и гордостью, и чувствомъ грусти.

Шесть лѣтъ тому назадъ сошелъ въ могилу М. Г. Черняевъ, тоже одинъ изъ бывшихъ защитниковъ Севастополя; но боевое крещеніе Михаила Григорьевича произошло не на Севастопольскихъ бастіонахъ, а на равнинахъ Дунайскихъ княжествъ, въ Молдавіи и Валахіи, во время первой половины Турецкой кампаніи, впослѣдствіи перенесенной на берега Чернаго моря.

14-го Августа 1853 года, М. Г. Черняевъ былъ командированъ въ Мало-Валахскій отрядъ, состоявшій подъ начальствомъ генерала Липранди, и назначеніе его въ дѣйствующую армію на Дунаѣ, а именно въ 4-ый корпусъ, состоялось одновременно съ зачисленіемъ въ Генеральный Штабъ. М. Г. Черняевъ былъ посланъ прямо подъ Калафатъ, въ отрядъ генерала Фишбаха и находился у него постоянно съ казаками на аванпостахъ. Здѣсь онъ пріобрѣлъ свою первую воинскую опытность и убѣдился въ дѣлѣ, насколько теорія войны, преподаваемая въ Академіи Генеральнаго Штаба, далека отъ боевой дѣйствительности.

Вскорѣ послѣ прибытія на мѣсто назначенія, М. Г. Черняеву пришлось участвовать во многихъ дѣлахъ, а незадолго до оставленія нами княжествъ онъ находился при главной квартирѣ, стоявшей въ

Боллацети, громадномъ селѣ въ Малой Валахіи, въ Калафатѣ же расположился большой Турецкій гарнизонъ. Въ концѣ Декабря начались сильные морозы, и войска наши расположились на зимнія квартиры, а для того, чтобы препятствовать Туркамъ фуражировать въ Валахіи, необходимо было стѣснить ихъ. Въ это же самое время, въ 14 верстахъ отъ Калафата, какъ повѣствуетъ М. Г. Черняевъ, въ селеніи Четати расположился Тобольскій полкъ съ 4-мя орудіями и двумя баталіонами гусаръ, подъ командою генер. Баумгартена. Одесскій же полкъ, съ бригаднымъ командиромъ Бельгардомъ, былъ сзади, верстахъ въ 15-ти, въ другомъ селеніи, Модоцей. Главный отрядъ, состоявшій изъ двухъ полковъ подъ начальствомъ ген. Анрепа, стоялъ въ Боялешти, такъ что между этимъ послѣднимъ отрядомъ и Четати было около 30 верстъ перехода.

25 Декабря, на зарѣ, раздался первый выстрѣлъ. День стоялъ морозный, было болѣе 20 градусовъ, выстрѣлы ясно доносились за 30 верстъ. Услышавъ ихъ, Бельгардъ поспѣшилъ двинуться къ Баумгартену на помощь и, опасаясь опоздать, рѣшилъ идти прямо въ тылъ непріятельскому отряду, чтобы отвлечь Турокъ на себя, чѣмъ спасъ весьма стойко державшагося Баумгартена.

Однако и Баумгартенъ, и Бельгардъ понесли оба страшныя потери, потому что Анрепъ, изъ за глубокомысленныхъ стратегическихъ плановъ, не пошелъ имъ на выручку, опасаясь, какъ онъ впослѣдствіи оправдывался, за свою базу. Онъ рѣшился выступить только въ часъ пополудни и пришелъ на мѣсто сраженія уже въ сумерки, заставъ только хвостъ Турокъ. Вскорѣ послѣ этого, когда Анрепъ вышелъ передъ войскомъ послѣ парада, въ рядахъ послѣдняго раздался ропотъ: «нашихъ бьютъ».

Такъ *) обстояли дѣла наши подъ Калафатомъ, когда Австрія, удививъ міръ своей неблагодарностью, потребовала очищенія нами Дунайскихъ княжествъ и объявила за casus belli взятіе нами Силистріи. Мало-Валахскій отрядъ, подъ командою П. П. Липранди (дивизія пѣхоты, бригада артиллеріи, два полка гусаръ и полкъ казаковъ) сталъ медленно отступать отъ Калафата (противъ крѣпости Виддинъ), прикрыва-

---

*) Приводимое описаніе кавалерійскаго боя подъ Каракаломъ было написано М. Г. Черняевымъ по просьбѣ кн. Николая Петровича Мещерскаго, покойнаго попечителя Московскаго учебнаго округа, пожелавшаго отъ очевидца узнать подробности смерти А. Н. Карамзина, который приходился ему дядей по матери.

ясь притоками Дуная и въ началѣ Мая 1854 г. остановился у города Слатина, за рѣкою Ольтою.

Чтобы слѣдить за отступающимъ отрядомъ, Турки выдвинули съ того берега Дуная всю свою кавалерію, въ числѣ 6—8 тысячъ всадниковъ, подъ начальствомъ какого-то Польскаго графа, возведеннаго въ званіе паши.

При такомъ скопленіи кавалеріи, Турки скоро почувствовали недостатокъ въ фуражѣ и для добыванія его стали высылать своихъ фуражировъ чуть ли не подъ выстрѣлы нашего отряда.

Для противодѣйствія имъ, генералъ Липранди рѣшилъ выслать за рѣку Ольту легкіе кавалерійскіе отряды при орудіяхъ.

При Мало - Валахскомъ отрядѣ въ это время находились два офицера Генеральнаго Штаба: капитанъ Кебеке и штабсъ-капитанъ Черняевъ.

Первый легкій отрядъ, высланный противъ Турецкихъ фуражировъ, былъ составленъ изъ дивизіоновъ Ахтырскаго гусарскаго полка и дивизіона гусарскаго князя Варшавскаго полка (командиромъ послѣдняго былъ А. Н. Карамзинъ), сотни казаковъ при четырехъ орудіяхъ конной артиллеріи подъ общимъ начальствомъ командира Ахтырскаго полка, генералъ-маіора Салькова. Въ его распоряженіи находился капитанъ Кебеке.

На привалѣ было получены отъ жителей свѣдѣнія, что Турецкіе фуражиры грабятъ недалеко селеніе. Полковникъ Карамзинъ настаиваетъ немедленно двинуться противъ нихъ, но капитанъ Кебеке, болѣе осторожный, совѣтовалъ послать предварительно казаковъ на развѣдку. Съ мнѣніемъ послѣдняго согласился начальникъ отряда.

Между тѣмъ Турки, нагрузившись фуражемъ и ограбивъ селеніе, быстро удалились и когда отрядъ пришелъ наконецъ къ мѣсту, то ихъ и слѣдъ простылъ. Ограбленные жители обступили отрядъ съ крикомъ и плачемъ. А. Н. Карамзинъ былъ возмущенъ и всю вину приписывалъ Кебеке.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, былъ высланъ второй летучій отрядъ изъ трехъ дивизіоновъ князя Варшавскаго полка (безсмертные гусары), сотни казаковъ и четырехъ конныхъ орудій подъ начальствомъ полковника Карамзина (за болѣзнью графа Алопеуса, командира этого

полка). На мою долю, повѣствуетъ М. Г. Черняевъ, выпало находиться въ распоряженіи А. Н. Карамзина.

Сборъ отряда былъ впереди, перейдя черезъ рѣку Ольту. Выступленіе назначено въ шесть часовъ утра. Я явился къ А. Н. Карамзину и получилъ отъ него приказаніе, коротко выраженное, слѣдовать съ сотнею казаковъ впереди отряда и обо всемъ замѣченномъ доносить ему.

День былъ невыносимо жаркій. Пройдя нѣсколько верстъ, у первой воды я остановилъ свою сотню и прискакалъ къ начальнику отряда спросить, не прикажетъ ли онъ пріостановить отрядъ. «Зачѣмъ?» спросилъ онъ меня.—Для того, чтобы подтянуть подпруги и дать оправиться людямъ и лошадямъ, какъ обыкновенно это дѣлается при движеніи кавалеріи.—«Я не признаю это нужнымъ», возразилъ Карамзинъ. Мы пошли безостановочно до рѣки Ольтеца, пройдя 35 верстъ, гдѣ и стали на привалъ передъ мостомъ, не переходя его. Я разставилъ аванпосты и послалъ разъѣзды въ близъ лежащія селенія привести языковъ.

Когда я вернулся къ отряду, то старики дивизіонеры: подполковникъ Дика и маіоръ Бантышъ подошли ко мнѣ, прося доложить начальнику отряда, что дальше идти нельзя, люди и лошади утомлены, отъ главнаго отряда отошли далеко, никакой опоры сзади нѣтъ. Я не рѣшился докладывать и предложилъ имъ самимъ идти къ А. Н. Карамзину, они тоже не пошли.

Здѣсь я долженъ сказать, что Карамзинъ принятъ былъ въ полку не съ распростертыми объятіями. Причиной этому былъ его полковничій чинъ, сбившій всѣ расчеты на производство и сравнительно молодые года его. Сѣдые дивизіонеры и эскадронные командиры не могли охотно подчиняться ему, а солдаты не могли имѣть довѣрія. Если бы онъ прибылъ какъ полковой командиръ, то съ этимъ легче бы примирились, такъ какъ къ назначенію изъ гвардіи молодыхъ полковниковъ въ армію уже привыкли, и это было тогда не рѣдкостью. Надо прибавить къ этому, что въ обоихъ полкахъ бригады большинство офицеровъ были Поляки, а меньшинство Русскіе, и потому общество офицеровъ было раздѣлено на два лагеря *).

Когда съ аванпостовъ привели изъ разныхъ деревень жителей, я, разспросивъ ихъ порознь, пошелъ доложить А. Н. Карамзину. Онъ сп-

*) У А. Н. Карамзина былъ пасынокъ, князь П. П. Демидовъ Санъ-Донато, при которомъ наставникомъ прославившійся позднѣе Полякъ Огрызко. П. Б.

дѣлъ съ книгою у походнаго стола, накрытаго для завтрака. Разсказавъ ему, что жители единогласно показываютъ, что Турецкаго отряда они нигдѣ не видѣли, но что впереди, по дорогѣ къ городу Каракалу, верстахъ въ десяти отъ нашего привала, въ селѣ Доброславени, со вчерашняго дня стоитъ 10—15 человѣкъ конныхъ Турокъ.

Карамзинъ былъ не въ духѣ, недоволенъ самимъ собою, какъ бы вынужденный дѣйствовать вопреки всѣмъ. Онъ разсказалъ, какъ бы въ назиданіе, подробно свой набѣгъ подъ начальствомъ генерала Салькова и заключилъ свой разсказъ словами: «но по какимъ-то тонкимъ стратегическимъ соображеніямъ мы медлили и когда прибыли на мѣсто, то и слѣдъ Турокъ простылъ». Едва успѣли мы наскоро позавтракать, какъ Карамзинъ приказалъ трубить подъемъ. Я отправился съ казаками впередъ. Перейдя мостъ и, пройдя съ версту, я оглянулся и увидѣлъ, что весь отрядъ слѣдуетъ, не отставая ни на шагъ, за мною. Чтобы отдѣлиться отъ него, я поднялъ казаковъ рысью, но и отрядъ послѣдовалъ за мною также рысью. Я перешелъ на шагъ, и отрядъ также. Такимъ образомъ мы подошли гуртомъ къ Доброславени. Турецкій пикетъ, завидя насъ, сдѣлалъ сигнальный выстрѣлъ и ускакалъ. Бросившіеся за ними казаки не могли догнать ихъ. Мы продолжали идти впередъ всѣмъ отрядомъ и пройдя пустую деревню (жители разбѣжались) подошли къ болотистому ручью Тузлуй, текущему въ глубокой и широкой долинѣ съ отлогими скатами. Черезъ ручей былъ перекинутъ мостъ. Для того, чтобы перейти его, отрядъ вытянулся длинной вереницей и поднялся на противоположный берегъ.

Передъ нами открылась обширная равнина, окаймленная съ лѣвой стороны рѣкою Ольтою и завершенная передъ нами городомъ Каракаломъ, впереди котораго были выстроены четыре эскадрона Турецкихъ уланъ.

День клонился къ вечеру, мы отошли отъ отряда на 45—47 вер.

Разсыпавъ казаковъ, я вернулся къ отряду и рѣшился доложить Карамзину, что по предъидущимъ опытамъ мнѣ не случалось, чтобы Турки въ меньшемъ числѣ и безъ артиллеріи рѣшались принять нашу атаку, что поэтому я опасаюсь какъ бы за видимыми четырьмя эскадронами у нихъ не были спрятаны бо̀льшія силы.

На этотъ разъ Карамзинъ мнѣ мягко отвѣтилъ: «неудобно намъ, настигнувъ непріятеля, вернуться назадъ безъ положительныхъ объ немъ свѣдѣній. Что̀ я могу доложить теперь генералу Липранди? Поэтому мы

приблизимся къ Туркамъ на пушечный выстрѣлъ, откроемъ огонь и заставимъ ихъ развернуть свои силы».

Мы продолжали двигаться, и наконецъ казачья цѣпь впереди раздвинулась въ обѣ стороны и грянулъ выстрѣлъ. Но не успѣло 4-е орудіе выстрѣлить, какъ изъ-за обоихъ Турецкихъ фланговъ ринулась на насъ на всемъ скаку масса иррегулярной кавалеріи, стараясь, не вступая въ бой, обойти и занять мостъ черезъ Тузлуй, отъ котораго мы выдвинулись впередъ версты на полторы. Дѣло завязалось, и выпутаться изъ него, какъ изъ всякаго кавалерійскаго дѣла, было уже невозможно.

Мы начали отступать, [отстрѣливаясь изъ орудій на отвозахъ; но Турецкая конница, состоявшая большею частію изъ Албанцевъ, вооруженныхъ длинными винтовками, наносила громадную убыль нашимъ артиллерійскимъ лошадямъ, такъ что подъ конецъ боя орудія, возившіяся на шести лошадяхъ, очутились на двухъ, на трехъ.

Отстаивая артиллерію и сами защищаясь ею противъ нахлынувшихъ на насъ массъ, мы отступали медленно и дали Туркамъ возможность опередить нашъ лѣвый флангъ.

Пришлось отогнать ихъ саблями. Пущенъ былъ эскадронъ подъ начальствомъ поручика Винка (эскадронный командиръ былъ боленъ лихородкой и остался въ штабѣ), но онъ былъ убитъ первымъ, и эскадронъ, потерявъ начальника, не доскакалъ до непріятеля.

Повернули два орудія, но пока наши успѣли очистить фронтъ для стрѣльбы, Турки были уже такъ близко, что слышенъ былъ звукъ нашей картечи по тѣламъ ихъ людей. Они не выдержали огня и разсѣялись.

На правомъ нашемъ флангѣ также отбивались саблями.

Я находился при артиллеріи. Дойдя до края оврага, я увидѣлъ вверху большую толпу Турокъ у моста, окружившихъ Карамзина, который въ бѣломъ кителѣ рѣзко выдѣлялся между ними. Гусаръ около него не было видно.

Замѣтивъ во мнѣ офицера, мгновенно изъ толпы отдѣлилось нѣсколько Турокъ и бросилось на меня. Не рѣшаясь перескочить черезъ болотный ручей, чтобы нагнать своихъ, я поскакалъ вдоль его и былъ спасенъ казакомъ, спускавшимся вскачь наперерѣзъ мнѣ и завязнувшимъ въ болотѣ. Турки занялись имъ, и я благополучно перебрался

выше на ту сторону ручья, куда непріятель не рѣшался перейти, предполагая вѣроятно сзади насъ опору.

Мы спокойно дошли до мѣста нашего привала, перешли длинный мостъ черезъ Ольтецъ, и я ускакалъ впередъ, чтобы доложить о постигшей насъ неудачѣ генералу Липранди, но былъ уже предупрежденъ нѣсколькими гусарами и встрѣтилъ отрядъ нашей пѣхоты съ артиллеріей, двигавшейся по дорогѣ къ мѣсту боя.

Въ этомъ бою мы потеряли всѣ бывшія съ нами четыре орудія и всѣ зарядные ящики за исключеніемъ одного, успѣвшаго переѣхать черезъ ручей вбродъ выше моста. Всѣ ѣздовые были изрублены. Командиръ дивизіона штабсъ-капитанъ Малиновскій былъ раненъ. Изъ гусаръ были убиты поручики Вникъ и Грушевскій, юнкеръ князь Голицынъ и баронъ Ганъ, ранены маіоръ Бантышъ и еще три офицера. Изъ нижнихъ чиновъ убито человѣкъ 15—20, а всего съ ранеными выбыло изъ строя 105 человѣкъ.

На другой день, по возвращеніи пѣхотнаго отряда, привезшаго тѣла нашихъ убитыхъ, въ числѣ которыхъ находилось и тѣло А. Н. Карамзина, мы узнали изъ разсказа раненаго гусара, притворившагося убитымъ, слѣдующее: Карамзинъ былъ обезоруженъ и окруженъ около моста. Его вели пѣшаго; но онъ, выхвативъ у одного изъ конвойныхъ саблю, сталъ рубиться и былъ самъ изрубленъ. На тѣлѣ его было семнадцать ранъ. Всѣ тѣла нашихъ убитыхъ были раздѣты и къ приходу отряда сильно разложились. Тѣло Карамзина было узнано его камердинеромъ, слѣдовавшимъ на мѣсто боя съ отрядомъ.

Не смотря на пораженіе, я не услыхалъ во всемъ отрядѣ ни одного слова упрека памяти А. Н. Карамзина, не захотѣвшаго пережить неудачу. Бой подъ Каракаломъ 16-го Мая 1854 года названъ въ донесеніи фельдмаршалу Паскевичу несчастнымъ и остался въ памяти войскъ подъ названіемъ Карамзинскаго.

*

Этимъ заканчивается М. Г. Черняевымъ описаніе кавалерійскаго боя подъ Каракаломъ. Ему, какъ очевидцу и офицеру Генеральнаго Штаба, было поручено составленіе донесенія, которое было послано Государю Николаю Павловичу. «Замѣтить этого молодого офицера», начерталъ на донесеніи Черняева Государь, предугадавъ по талантливо

составленному описанію боя будущаго полководца *). М. Г. Черняевъ съ удовольствіемъ любилъ вспоминать объ этомъ фактѣ и до конца дней своихъ сохранилъ искреннее поклоненіе величавому образу Государя Николая Павловича.

*

По отступленіи въ Бессарабію, повѣствуетъ М. Г. Черняевъ, войска наши расположились было на квартирахъ, какъ вдругъ пришелъ приказъ двинуться къ Севастополю. Князь Горчаковъ приказалъ 4-ому корпусу идти на помощь Меншикову, и для скорѣйшаго прибытія его на мѣсто назначенія его везли на подводахъ день и ночь. Въ продовольствіи недостатка не было, но въ Крыму было уже холодно и чтобы на время защититься отъ вѣтра части рыли ямы и укрывались въ нихъ.

Вскорѣ по прибытіи въ Крымъ М. Г. Черняеву пришлось участвовать въ Инкерманскомъ сраженіи, гдѣ войска наши, по его выраженію, попались въ мѣшокъ и едва едва спаслись изъ своего безвыходнаго положенія.

Противъ насъ были Англійскія полевыя укрѣпленія, и мы шли подъ картечью. Спускаясь въ крутой оврагъ, колонны наши представлялись непріятелю совершенно въ планѣ; огонь былъ убійственный, прицѣльные выстрѣлы были для насъ навѣсными. Потомъ пришлось подыматься наверхъ. Шелъ дождь, было страшно скользко, и мы хватались руками за кустарникъ, чтобы не валиться внизъ. Всѣ наши батальоны перемѣшались, образовалась толпа; однако Англійское укрѣпленіе съ двумя орудіями было нами взято. Вдругъ видимъ: два батальона Венсенскихъ стрѣлковъ и два батальона Зуавовъ бѣгутъ на насъ въ штыки. Мы закричали ура и бросились имъ навстрѣчу. Другого средства не оставалось, такъ какъ мы были прижаты къ крутымъ оврагамъ.

Атака наша была удачна, и они отступили, но въ Охотскомъ полку изъ 3.000 человѣкъ осталось всего 600. Потомъ насъ отвели на Бельбекъ, а меня вытребовали въ Севастополь къ адмиралу Истомину. Состоя при немъ, я имѣлъ случай ближе познакомиться съ Тотлебеномъ, хотя зналъ я его еще раньше, во время блокады Калафата, куда онъ былъ присланъ княземъ Горчаковымъ для участія въ овладѣніи этимъ укрѣпленнымъ лагеремъ, доступъ къ которому обстрѣливался съ противоположнаго берега Дуная, первоклассною крѣпостью Виддинъ. Но Липранди благоразумно отклонилъ намѣреніе главнокомандующаго.

---

*) Это донесеніе хранится въ архивѣ Генеральнаго Штаба.

Адмиралъ Истоминъ послалъ меня къ Тотлебену по слѣдующему дѣлу. Впереди Малахова кургана была высота, которую мы съ Истоминымъ ходили осматривать и на которой рѣшили строить редутъ; но Тотлебенъ съ нами не согласился. Впослѣдствіи, когда Французы приблизились, явилась необходимость занять эту высоту, что̀ стоило намъ около 6.000 человѣкъ. Бойня на Малаховомъ курганѣ была страшная. Однажды во время обѣда шальная бомба упала посреди насъ и разнесла всѣ деревянныя переборки въ башнѣ. Однако я былъ очень счастливъ, такъ какъ за все время осады отдѣлался легкой контузіей камнемъ отъ разрыва бомбы *). Малаховъ курганъ занималъ довольно большое пространство и былъ весь въ траверзахъ, за коими только и можно было скрыться отъ огня непріятеля. Здѣсь былъ убитъ Нахимовъ. Онъ ходитъ, бывало, на Малаховъ курганъ, взойдетъ на самый валъ и долго смотритъ въ подзорную трубу. Во время этихъ наблюденій его и убили, и намъ каждый разъ, когда онъ проходилъ, казалось, что онъ искалъ смерти.

Пробывъ на Малаховомъ курганѣ 8 мѣсяцевъ, я получилъ Владиміра 4-ой степени и золотую саблю. Когда началась бомбардировка на св. недѣлѣ, пороху у насъ почти не было, и потому мы не могли отвѣчать непріятелю. Онъ же замѣчательно наловчился попадать въ свою цѣль и послѣ стрѣльбы, бывало, выскочитъ на валъ, чтобы удостовѣриться въ удачѣ своихъ выстрѣловъ. Въ это самое время, т. е. на св. недѣлѣ, пріѣхалъ къ намъ кн. Горчаковъ и мы по случаю праздника выпросили у него 150 выстрѣловъ. Только что онъ успѣлъ сойти съ кургана, какъ у Англичанъ былъ взорванъ пороховой погребъ.

Малаховъ курганъ былъ взятъ въ 11 часовъ утра, когда войска обѣдали. Прискакавъ сюда съ перваго бастіона, куда я былъ посланъ съ приказаніемъ, я засталъ уже генерала Хрулева раненымъ. На Малаховомъ курганѣ мы оставили Французамъ 15 т. снарядовъ. Мины подложены не были, иначе штурмъ могъ бы быть отбитъ, и непріятель погибъ бы въ огромномъ количествѣ. Тотчасъ послѣ занятія кургана, Французы поставили два орудія и давай провожать насъ картечью. Мы думали что всѣ погибнемъ, но Французы насъ выпустили, полагая, что нами были подложены мины, и благодаря этому, мы довольно счастливо переправились черезъ бухту. Войска лѣвой половины оборонительной линіи, чтобы попасть на сѣверную сторону, должны были пройти черезъ пловучій мостъ сажень 350 длины черезъ южную бухту, потомъ по го-

---

*) Однако эта контузія сказалась впослѣдствіи, и М. Г. Черняевъ жестоко страдалъ отъ нея.

родскимъ улицамъ и наконецъ черезъ пловучій мостъ, перекинутый черезъ сѣверную бухту, который былъ болѣе версты длины.

На мою долю пришлось ночью отводить войска съ бастіоновъ и траншей. Шепелевъ, присланный къ намъ вмѣсто генерала Хрулева, полковникъ Генеральнаго Штаба Козляниновъ, присланный также кн. Горчаковымъ, и я переправились изъ Севастополя послѣдними, когда уже войскъ тамъ не оставалось ни одного человѣка. Мосты были разобраны, и мы переправлялись на лодкахъ.

*

Въ то время какъ Михаилъ Григорьевичъ, молодымъ офицеромъ Генеральнаго Штаба, отличался беззавѣтной храбростью подъ стѣнами Севастополя, убѣленный сѣдинами отецъ его также принималъ участіе въ военныхъ событіяхъ того времени. Ветеранъ двѣнадцатаго года, участникъ боевъ при Аустерлицѣ, при Смоленскѣ, Маломъ Ярославцѣ, Бородинѣ, онъ былъ при взятіи Русскими войсками Парижа. Въ 1841 году, вызванный изъ отставки кн. Воронцовымъ, устроителемъ Новороссійскаго края, весьма цѣнившимъ Григорія Николаевича Черняева, онъ былъ имъ назначенъ начальникомъ гор. Бердянска. Всѣ жители города по случаю войны его покинули. Г. Н. Черняеву, имѣвшему въ своемъ распоряженіи всего 150 казаковъ и шесть полицейскихъ служителей, было приказано въ случаѣ покушенія непріятеля выйти на берегъ препятствовать ему силою оружія. Исполняя волю главнокомандующаго, семидесятилѣтній старикъ, удрученный ранами, полученными имъ во время войны двѣнадцатаго года, жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ опустошенномъ городѣ, подъ огнемъ непріятеля.

Сообщено **А. Ч.**

ДНЕВНИКЪ М. Г. ЧЕРНЯЕВА.

1858. Походъ въ Кунградъ.

Предисловіе.

Въ 1858 году прошлаго столѣтія, по распоряженію тогдашняго Оренбургскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Катенина (начальника весьма популярнаго въ краѣ, любившаго хорошіе обѣды и лихія солдатскія пѣсни) была снаряжена экспедиція къ г. Кунграду, на судахъ Аральской флотиліи, подъ начальствомъ капитана перваго ранга Григорія Ивановича Бутакова. Ко времени этого похода, Михаилу Григорьевичу было около 30 лѣтъ отъ роду. Окончивъ Военную Академію, онъ былъ причисленъ къ образцовому кавалерійскому полку, а затѣмъ, по нежеланію служить въ Генеральномъ Штабѣ, былъ возвращенъ въ лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ (гдѣ началъ свою службу послѣ Дворянскаго полка, изъ котораго онъ былъ причисленъ къ Генеральному Штабу) и послѣдовательно прикомандированъ къ пѣшей и конной артиллерійской бригадѣ. Въ 1853 году, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, состоялось его назначеніе въ Генеральный Штабъ, и едва онъ успѣлъ надѣть мундиръ, какъ былъ посланъ въ чинѣ штабсъ-капитана въ Мало-Валахскій отрядъ, дѣйствовавшій тогда въ Придунайскихъ княжествахъ противъ Турціи. Здѣсь онъ находился съ казаками постоянно на аванпостахъ, принималъ участіе во многихъ сраженіяхъ и едва избѣгъ смерти въ кавалерійскомъ дѣлѣ при гор. Каракалѣ, названномъ по имени начальника отряда Карамзинскимъ, по случаю гибели Карамзина въ этомъ сраженіи. Когда война перенесена была съ береговъ Дуная въ Крымъ, 4-ый корпусъ, въ которомъ находился Михаилъ Григорьевичъ, былъ внезапно вызванъ кн. Горчаковымъ изъ Бессарабіи, (гдѣ онъ расположился было на зимнія квартиры) на помощь къ князю Меньшикову. Едва переступивъ Крымскую границу, Черняевъ принялъ участіе въ Инкерманскомъ сраженіи, а во время осады Севастополя состоялъ сначала въ распоряженіи генерала Хрулева, а потомъ, когда тотъ былъ раненъ, находился на Малаховомъ курганѣ, подъ начальствомъ Истомина. За отличіе, храбрость и примѣрное мужество при геройской защитѣ Севастополя (какъ значится въ приказѣ) и за отбитіе штурма 24 Октября 1854 г., онъ былъ награжденъ золотою полусаблею съ надписью „за храбрость“ и произведенъ въ подполковники.

Послѣ войны его назначили начальникомъ дивизіоннаго штаба 3 пѣхотной дивизіи въ Царствѣ Польскомъ. Но эта мирная штабная служба не пришлась по душѣ такому дѣятельному человѣку, только что извѣдавшему потрясающія впечатлѣнія, можно сказать, двухъ войнъ. Онъ чувствовалъ природное влеченіе къ войнѣ и боевой жизни и просилъ перевода въ Оренбургъ, въ то время почти на рубежѣ нашихъ владѣній въ Азіи, въ край столь же отдаленный, загадочный и заманчивый, какимъ былъ Кавказъ, воспѣтый нашими великими поэтами.

Экспедиція въ Кунградъ состоялась вскорѣ послѣ прибытія Черняева въ Оренбургъ.

Для того, чтобы нѣсколько уяснить себѣ положеніе маленькаго отряда, отважно исполнившаго столь необдуманное порученіе, вспомнимъ вкратцѣ исторію нашего поступательнаго движенія въ Среднюю Азію. Въ царствованіе Петра Великаго состоялся первый походъ въ Азіатскія степи подъ начальствомъ князя Бековича-Черкаскаго. Этому же великому государю запала тогда мысль повернуть Аму-Дарью въ старое русло, впадавшее когда-то въ Каспійское море. Ранней весною 1717 г. двинулся отрядъ Бековича изъ Астрахани въ степь и на разстояніи двухдневнаго пути отъ Хивы поголовно погибъ, вѣроятно истребленный Хивинцами. Такъ закончилась наша первая попытка проникнуть въ далекое, таинственное и заманчивое ханство, стоявшее на пути въ Индію.

Другой путь, который намѣтилъ великій царь въ Среднюю Азію, шелъ съ Сѣвера, изъ Сибири. Одновременно съ Бековичемъ была снаряжена экспедиція капитана Бухгольца, который къ Югу отъ Сибири, на окраинѣ Киргизской степи, заложилъ нынѣшній городъ Омскъ, а вскорѣ затѣмъ была построена Семипалатинская крѣпость.

Въ 1839 г. состоялся печальной памяти походъ графа Перовскаго въ Хиву, со стороны Оренбурга. Предварительныя приготовленія къ этому походу длились два года. На рѣкѣ Эмбѣ, впадающей въ сѣверовосточную часть Каспійскаго моря, въ пятистахъ верстахъ отъ Оренбурга, была выстроена небольшая крѣпостца, и верстъ около двухсотъ далѣе другая, подъ названіемъ Акъ-Булатъ. Изъ желанія обезпечить свои войска въ пустынныхъ степяхъ водою, графъ Перовскій возымѣлъ злополучную мысль предпринять свой походъ зимою, участники несчастной экспедиціи страшно пострадали отъ зимнихъ вьюгъ и холодовъ въ необозримыхъ степяхъ и едва не погибли отъ холода. На разстояніи 800 сотъ верстъ отъ Хивы отрядъ повернулъ обратно, не достигнувъ никакихъ успѣховъ. Однако, не смотря на эту неудачную попытку овладѣть Хивой, постепенное наступленіе Русской силы въ Средней Азіи продолжалось. Около 1845 года были послѣдовательно заложены по теченію Сыръ-Дарьи Казалинетъ и Фортъ № 2, а въ 1853 году Перовскій

взялъ по теченію той же рѣки Кокандскую крѣпость Акъ-Мечеть, переименованную въ честь побѣдителя въ фортъ Перовскъ.

Ко времени похода въ Кунградъ на судахъ Аральской флотиліи *), фортъ Перовскъ былъ со стороны Оренбурга крайнимъ передовымъ постомъ въ нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣніяхъ. Подвластные Оренбургскому генералъ-губернаторству Киргизы, кочевавшіе по степи, постоянно подвергались нападенію независимыхъ народцевъ Средней Азіи, враждовавшихъ между собою, особенно страдая отъ набѣговъ Кокандцевъ и Хивинцевъ. Хива представляла тогда недосягаемое разбойничье гнѣздо, откуда Хивинцы безнаказанно совершали свои набѣги, угоняли на нашихъ пограничныхъ владѣніяхъ скотъ, забирали жителей въ плѣнъ для продажи въ рабство и затрудняли торговыя сношенія, останавливая и грабя караваны. При такихъ-то обстоятельствахъ правитель Кунграда обратился къ Оренбургскому генералъ-губернатору съ просьбою о помощи противъ Хивинцевъ.

Аральская флотилія, выступившая на помощь въ Кунградъ, состояла изъ плоскодоннаго пароходика, одного баркаса и трехъ баржъ, къ которымъ были наскоро прилажены выдвижные кили. Подъ начальствомъ капитана Бутакова было девять офицеровъ, въ числѣ которыхъ находился М. Г. Черняевъ, командовавшій сухопутнымъ десантомъ, состоявшимъ всего изъ двухсотъ человѣкъ.

Такова была морская и сухопутная сила экспедиціи, отважившейся, очертя голову, углубиться по Аму-Дарьѣ въ неизвѣданные степи Средней Азіи. Переѣхавъ съ трудомъ бурное Аральское море (гдѣ толчея сильнѣе нежели въ Каспійскомъ), суда, не смотря на всѣ усилія, были отнесены далеко въ сторону отъ первоначальнаго мѣста назначенія, и 19 Іюня, въ 7 часовъ утра вошли въ Кичкине-Дарью, одинъ изъ рукавовъ рѣки Аму, впадающей въ видѣ дельты съ многочисленными рукавами въ Аральское море. Съ этого времени и начинается дневникъ Михаила Григорьевича, веденный имъ во все время этого похода, при всѣхъ неудобствахъ походной жизни, въ палящій зной, подъ тучами комаровъ, жестоко преслѣдовавшихъ нашъ отрядъ. Эта, сумасшедшая, по словамъ Михаила Григорьевича, экспедиція чуть не стоила жизни всему отряду, который, только благодаря счастливой случайности, избѣжалъ поголовнаго истребленія.

Прибытіе Русскаго отряда къ мѣсту назначенія заставило Хивинцевъ снять осаду Кунграда; но дальнѣйшее положеніе города, послѣ ухода Русскихъ, этимъ не обезпечивалось.

Послѣдняя аудіенція капитана Бутакова у правителя Кунграда, по разсказу Михаила Григорьевича (часто любившаго вспоминать этотъ эпизодъ

---

*) Назначенный въ 1882 г. Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, Михаилъ Григорьевичъ поспѣшилъ упразднить безполезную Аральскую флотилію, сокративъ на 150 тыс. ежегодную затрату государственнаго казначейства.

изъ своей богатой впечатлѣніями жизни) происходилъ слѣдующимъ образомъ. Во избѣжаніе палящей жары, вечеромъ, когда совершенно стемнѣло, капитанъ Бутаковъ отправился въ сопровожденіи своихъ офицеровъ и одного казака проститься съ Магометомъ-Фаною. Аудіэнцъ-зала во дворцѣ хана представляла большую, пустую квадратную комнату, гдѣ были приготовлены два возвышенія, покрытыя коврами, одно для правителя, другое для капитана Бутакова. Прибывшихъ заставили ждать, чего въ предыдущіе раза не было. Наконецъ явился Магометъ-Фаны въ сопровожденіи свиты и народъ. Лица у большинства отличались выраженіемъ звѣрскимъ, и всѣ были вооружены съ головы до ногъ. Эта картинная, но далеко неуспокоительная обстановка освѣщалась дымящими факелами. Магометъ-Фаны, будучи громаднаго роста, свободно усѣлся на свой тронъ; Бутакова же пришлось лицамъ, его сопровождавшимъ, подсадить. Послѣ торжественныхъ привѣтствій, которыми у Азіатовъ всегда начинаются переговоры, Магометъ-Фаны спросилъ Бутакова о его дальнѣйшихъ планахъ. Когда же переводчикъ передалъ слова начальника нашей экспедиціи, что ни орудія, ни отряда оставить по предписанію изъ Оренбурга онъ не можетъ, все вокругъ загудѣло. Михаилъ Григорьевичъ говорилъ намъ, что во время этой аудіенціи онъ невольно посматривалъ на единственнаго казака, составлявшаго охрану Русскихъ офицеровъ. Однако на этотъ разъ дѣло окончилось благополучно, капитанъ Бутаковъ и его спутники были выпущены невредимые изъ ханскаго дворца и прибыли на мѣсто своей стоянки. Тѣмъ не менѣе въ туже ночь, нѣсколько позднѣе, преданные Русскимъ Киргизы, побывавшіе въ городѣ, донесли, что на базарѣ рѣшено, истребивъ отрядъ, овладѣть его орудіями. Тогда, еще раньше нежели стало свѣтать, наши суда покинули поспѣшно мѣсто своей стоянки у Кунграда, а Михаилъ Григорьевичъ во главѣ своей роты пошелъ берегомъ Аму-Дарьи, прикрывая отступленіе и ежеминутно подвергаясь опасности быть настигнутымъ полчищами Кунградцевъ; но они къ счастію воздержались отъ преслѣдованія.

Этимъ завершилась траги-комическая экспедиція къ городу Кунграду, на судахъ Аральской флотиліи, которая тѣмъ не менѣе для Михаила Григорьевича имѣла значеніе первостепенной важности, давъ ему возможность впервыя проникнуть по великому водному пути по рѣкѣ Аму въ далекія степи Средней Азіи. Здѣсь на практикѣ, по раскрытой передъ нимъ живой книгѣ жизни, внимательно изучилъ онъ мѣста, на которыхъ ему пришлось самостоятельно дѣйствовать въ 1865 г. Такимъ образомъ рѣшеніе судьбы Средней Азіи, взятіе Ташкента и присоединеніе къ Россіи одной изъ прекраснѣйшихъ нашихъ окраинъ, богатства которой еще далеко до сихъ поръ не изслѣдованы, является славнымъ вѣнцомъ внимательнаго и долголѣтняго изученія края во всѣхъ его отношеніяхъ *).

---

*) Въ числѣ минеральныхъ богатствъ Туркестанскаго края находятся: уголь, нефть, мѣдь, свинецъ, глауберова соль, селитра, золото разсыпное, серебро, мышьякъ, графитъ, поваренная соль (озерная и каменная), нашатырь, сѣра, квасцы, бирюза, малахитъ, аме-

Въ предлагаемомъ читателю дневникѣ Михаила Григорьевича видно, какое вниманіе обращено имъ на рѣку Аму. Мысль, запавшая въ геніальную голову Петра Великаго, неотступно занимала Михаила Григорьевича. Поворотъ въ Каспійской море Аму-Дарьи, этой Волги Средней Азіи, онъ считалъ равнозначущимъ прорытію Суецкаго канала и проведенію Сибирской желѣзной дороги, тѣмъ болѣе, что благіе результаты этого великаго предпріятія проявились бы тотчасъ по его осуществленіи. Назначенный въ 1882 г. Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, Михаилъ Григорьевичъ приступилъ было къ дѣлу. Генералъ-лейтенантъ Глуховской производилъ топографическое изслѣдованіе стараго русла древняго Оксуса, а Михаилъ Григорьевичъ внимательно слѣдилъ за ходомъ работъ. Но Англичане, всегда ревниво слѣдящіе за всѣмъ, что дѣлается на границѣ нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣній, не могли долго допускать близости Михаила Григорьевича къ своимъ владѣніямъ въ Индіи. Подстрекнувъ Авганцевъ напасть на полуподвластныхъ намъ Бухарцевъ, они создали на границѣ конфликтъ, изъ за котораго произошло разногласіе Михаила Григорьевича съ тогдашнимъ военнымъ министромъ. Придуманный Англичанами искусный шахматный ходъ вполнѣ удался; въ Петербургѣ они нашли благопріятную для себя почву, вслѣдствіе чего Михаилъ Григорьевичъ былъ отозванъ изъ Туркестана, и грандіозный замыселъ поворота Аму-Дарьи остался до сихъ поръ неосуществленнымъ. При отъѣздѣ Михаила Григорьевича изъ Ташкента одинъ изъ присутствовавшихъ на прощальномъ обѣдѣ (Н. Грязновъ) обратился къ нему со слѣдующимъ стихотвореніемъ.

Прощайте, генералъ! Съ глубокою тоскою
Вдаль провожая васъ, мы думаемъ одно:
Что годъ еще пройдетъ *), съ великою рѣкою
Великое, увы, не будетъ свершено.
Лишь, ты герой Славянъ, энергіею полный
Могъ съ Западомъ Востокъ соединить
И царственной Дарьи бушующія волны
Въ объятья Каспія сѣдого возвратить.
Пускай волнуются народные витіи,
Пусть выгоды свои теряетъ Альбіонъ,
Тебѣ ли, славному сподвижнику Россіи,
Онъ можетъ предписать законъ?
У власть имѣвшихъ лицъ ты не просилъ совѣта,
Когда, одушевленъ идеею святой,
Ты грозно поднялъ мечъ и передъ цѣлымъ свѣтомъ
Повелъ Славянъ въ кровавый, грозный бой.
Глубоко вѣримъ мы, что посланъ Провидѣньемъ
Ты въ покоренную тобою же страну,
Чтобъ наконецъ извлечь изъ заточенья
Тобой любимую, великую Дарью.

тисты, гранаты, всевозможные строительные матерьялы, превосходные мраморы, гипсъ, огнеупорная глина, сланецъ, дающій отличный цементъ и другія т. п. (смотри замѣтку горнаго инженера Мышенкова).

*) Сказано было на прощальномъ обѣдѣ, когда М. Г. уѣзжалъ въ Петербургъ, и никто не думалъ, что онъ больше въ Ташкентъ не возвратится.

Дневникъ М. Г. Черняева. Походъ въ Кунградъ.

19-го Іюня (1858). Въ 7 часовъ утра снялись мы съ якоря и вошли въ Кичкше-Дарью, поднимаясь по рѣкѣ со скоростью 2 верстъ въ часъ. Въ тѣхъ же изгибахъ, гдѣ вѣтеръ позволялъ подымать паруса на баркахъ, лотъ показывалъ $4\frac{1}{2}$ узла; но при этомъ нужно вычесть быстроту теченія, которое полагаютъ здѣсь два узла.

Въ $\frac{1}{4}$ 12-го мы подошли къ Улькунъ-Дарьѣ, гдѣ насъ силою теченія снесло къ правому берегу; но мы тотчасъ же поправились и, поднявъ паруса, на всѣхъ судахъ двинулись со скоростью 4 миль (исключивъ быстроту теченія). При отдѣленіи Кичкше-Дарьи изъ Улькунъ-Дарьи построена Каракалпаками крѣпостца изъ дерна, имѣющая въ квадратѣ до 150 саж.; вышина бруствера, почти отвѣснаго, около 1 саж. Внутренность крѣпостцы густо занята кибитками, равно ближайшія мѣста вокругъ. Вообще на всемъ пространствѣ отъ устья Кичи-Дарьи до Улькуна разбросаны во множествѣ кибитки Каракалпаковъ, занимающихся здѣсь хлѣбопашествомъ и рыболовствомъ. У Каракалпаковъ есть множество лодокъ, построенныхъ изъ небольшихъ кусковъ дерева, скрѣпленныхъ желѣзомъ; управляютъ они въ неглубокихъ мѣстахъ шестами, а весла замѣняютъ лопатами. Употребленія парусовъ они не знаютъ. Нѣкоторыя лодки имѣютъ въ серединѣ укрѣпленную палку въ саж. выш., за которою укрѣпляютъ бичеву. Берега Дарьи здѣсь низменны и представляютъ совершенно горизонтальную поверхность на $7\frac{1}{2}$ арш. выше поверхности воды въ рѣкѣ, во время разлива.

Во время нашего слѣдованія полудикіе обитатели этихъ мѣстъ выбѣгали къ берегу смотрѣть на столь необыкновенное для нихъ зрѣлище. Женщины держались поодаль, вѣроятно опасаясь, дабы не привлечь насъ своими прелестями, которыя выказывались изъ подъ рубищъ.

Положеніе Каракалпаковъ весьма бѣдственное, что̀ можно заключить по ихъ одеждѣ, состоящей буквально изъ однихъ рубищъ, а нѣкоторые не имѣютъ даже чѣмъ прикрыть верхней части тѣла отъ палящихъ лучей. Дѣти почти всѣ нагія. Нѣсколько человѣкъ, бывшихъ у насъ на судахъ, сами подтвердили намъ, что опредѣленной подати у нихъ нѣтъ, но что Хивинцы берутъ съ нихъ все, что̀ только могутъ. Кромѣ того они подвержены нападенію Туркменъ, и для защиты себя противу нихъ и построена крѣпостца. Число кибитокъ, которое мы видѣли съ парохода, простирается не менѣе 10 т.

Пройдя по Улькунъ-Дарьѣ вверхъ, мы встрѣтили еще крѣпостцу на подобіе первой. Кочующіе въ ней и вблизи оной Киргизы и Каракалпаки, въ числѣ около 1000 кибитокъ, выбѣжали всѣ на берегъ смотрѣть на насъ. За этой крѣпостцой вскорѣ прекратились кочевья, и мы вступили въ камыши, залитые въ настоящее время водою. Въ ¼ 9 часа бросили мы якорь и остались ночевать. Ночлегъ нашъ былъ очень безпокоенъ: милліарды комаровъ искусали насъ такъ, что кожа была какъ бы послѣ крапивной лихорадки. Въ 3½ часа мы тронулись далѣе по тѣмъ же камышамъ.

20 Іюня. Улькунъ-Дарья повидимому составляетъ главное русло; глубина ея во многихъ мѣстахъ на значительномъ протяженіи доходила до 6½ сажень, а наименьшая глубина 3 сажени, средняя глубина 4 сажени. Хотя въ настоящее время вода на прибыли, но едва ли можно предполагать, чтобы она поднялась болѣе 1½ саж. Вода здѣсь не такъ мутна, какъ въ Сыръ-Дарьѣ. Кажется, это происходитъ отъ того, что, выступивъ изъ береговъ своихъ, она очищается камышами и снова вливается въ русло. По мѣрѣ приближенія нашего къ Кунграду глубина и ширина рѣки начала уменьшаться. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ширина была менѣе 100 саж., а глубина доходила до 1 саж. Берега представляютъ необозримые камыши, замѣтные въ настоящее время фута на два надъ водою, а мѣстами изъ рѣки вода вытекаетъ протоками, образующими озера. Два Киргиза, перекочевавшіе въ наши предѣлы прошлаго года, взялись провести наши суда этими озерами въ Аму-Дарью выше Кунграда; но такъ какъ рѣка имѣла достаточно глубины, то мы не рѣшились слѣдовать по неизвѣстному намъ пути. Вообще съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ прекратились кочевья Каракалпаковъ до самой горы, берега не представляютъ никакихъ удобствъ для осѣдлой жизни, но мѣста эти весьма удобны для зимнихъ кочевьевъ. Здѣсь не видно ауловъ; только изрѣдка виднѣются отдѣльныя глиняныя строенія съ плоскими кровлями, въ настоящее время пустыя. При домахъ этихъ, обитаемыхъ вѣроятно только тогда, когда спадетъ вода, есть сады, состоящіе изъ ивъ и тополей.

Въ 9-ть часовъ утра мы встрѣтили лодку Каракалпаковъ, отъ которыхъ узнали, что Хивинскій ханъ расположился съ войскомъ на островѣ, образуемомъ Аму-Дарьей и протокомъ Кульдень, чрезъ который намъ предстоитъ путь. Въ прошломъ году протокъ этотъ былъ мелокъ для нашихъ судовъ, съ которыхъ должны были выгрузить тяжести на берегъ, чтобы перейти черезъ мели. Шириною онъ отъ 30—40 саж. Въ 8 часовъ мы стали на якорь, и тотчасъ же отпущена бы-

ла команда на шлюпкѣ для ловли рыбы. Въ самое короткое время бреднемъ было наловлено множество сазановъ.

21 Іюня. Въ 4 часа снялись мы съ якоря. У песчаной горы пароходъ въ первый разъ по переходѣ черезъ баръ сѣлъ на мель, но вскорѣ стащились. Выше горы въ правой рукѣ виднѣлось кладбище: памятники въ видѣ двухъ-этажныхъ домовъ съ глухими окнами безъ крышъ. Пройдя еще версты двѣ, мы увидѣли на песчаномъ высокомъ холмѣ небольшую толпу всадниковъ. Приблизясь къ горѣ, одинъ изъ нихъ выѣхалъ къ берегу и требовалъ отъ имени хана, чтобы мы не шли дальше. Не отвѣчая ему, мы продолжали нашъ путь. Пройдя еще немного, мы поровнялись съ многочисленными толпами всадниковъ, обступившими берегъ съ нашей правой стороны, и съ горы, находящейся въ верстахъ трехъ, неслись къ берегу новыя толпы.

Еще нѣсколько человѣкъ кричали намъ, чтобы мы остановились. Мы не отвѣчали и двигались впередъ. Тогда изъ толпы отдѣлился одинъ человѣкъ, слѣзъ съ лошади и, подойдя къ самой водѣ, закричалъ: «Я Мухла-Мамутъ, старшина Каракалпаковъ, остановитесь и скажите, кто вы, враги или друзья. Отвѣта не послѣдовало, но въ это время мы сѣли на мель въ виду всего Хивинскаго воинства, простиравшагося до 6 тысячъ и болѣе. Тутъ я успѣлъ разсмотрѣть составъ этой разнородной толпы. Въ составѣ этого скопища было около 200 человѣкъ пѣхоты, вооруженной ружьями и саблями. Полурегулярная кавалерія въ числѣ около 2 т. вооружена пиками, шашками и ружьями. Иррегулярныя скопища на половину только имѣли ружья съ шашками, остальныя вооружены, кто пикой и шашкой, а кто одной пикой. Увидѣвъ, что мы остановились, Хивинцы начали насыпать валикъ, чтобы защитить свои орудія, которыя прикрывали пѣхотою и регулярною конницею. Орудія были въ числѣ десяти; изъ нихъ, кажется, 4 мортиры. Всѣ они везлись на лошадяхъ, а заряды на парѣ воловъ, запряженныхъ гусемъ. Пока мы сидѣли на мели, чтобы стащиться съ нея, всѣ люди, за исключеніемъ артиллерійской прислуги, были посланы въ воду. Обѣ барки притянулись къ пароходу и закрыли одна другую такъ, что было время, когда одно только орудіе могло дѣйствовать по Хивинцамъ. Ханъ съ своими приближенными находился на Кюбе-Тау Въ это время Хивинцы, желая во чтобы-то ни стало вступить съ нами въ переговоры, закричали, что изъ Оренбурга есть почта, и въ тоже время одинъ человѣкъ, поспѣшно раздѣвшись, бросился плыть къ пароходу. Султанъ Сейдаменъ узналъ въ немъ посланнаго отъ султана-правителя, и потому онъ былъ взятъ на пароходъ. Киргизъ этотъ объ-

явилъ, что онъ имѣлъ три письма, что его перехватили, отобрали письма, все имущество, лошадь и деньги, что держали его подъ арестомъ безъ пищи и когда онъ попросилъ напиться, то дали ему горьковатую воду, отъ которой у него сдѣлались судороги въ желудкѣ. Когда онъ сказалъ объ этомъ Азбергеню, то послѣдній далъ ему противоядіе. Докторъ нашъ по освидѣтельствованіи нашелъ, что онъ былъ отравленъ. Киргизъ этотъ объявилъ намъ, что Хивинскій ханъ не рѣшилъ еще, какъ принять насъ, что Азбергенъ находится съ своими приверженцами въ его войскѣ. Капитанъ Бутаковъ отправилъ Утайса на берегъ съ тѣмъ, чтобы ему возвратили письма и его имущество.

Въ это время мы увидѣли около ста лодокъ различной величины, поспѣшно спускавшихся съ верховой стороны, мимо нашихъ судовъ. Лодки эти совершенно сходны съ описанными уже лодками, но нѣкоторыя изъ нихъ были довольно значительныхъ размѣровъ. Самая большая, принадлежавшая Хивинскому хану, могла поднять отъ 50—75 человѣкъ и имѣла навѣсъ на подобіе балдахина. На лодкѣ этой, какъ мы узнали послѣ, находился Мехтеръ съ ханскою казною. Когда лодки прошли, то вскорѣ орудія, находившіяся уже за сдѣланнымъ прикрытіемъ, потянулись въ обходъ къ Кюбе-Тау, а вслѣдъ за ними потянулись и толпы всадниковъ. Послѣдними прошли регулярная конница около 1 т. человѣкъ и пѣхота въ красныхъ кафтанахъ, прошли тихо по самому берегу, вѣроятно съ цѣлью показать могущество хана.

Киргизъ Утобли былъ перевезенъ къ намъ на пароходъ съ платьемъ, но безъ писемъ, въ лодкѣ двумя Хивинцами, которые требовали его возвращенія, что̀ конечно не было исполнено; и они удалились. Хивинцы эти требовали также, чтобы мы дали письменный отвѣтъ хану, куда мы идемъ и зачѣмъ. Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ имъ на словахъ, что мы идемъ не противъ нихъ, а въ Бухару. Когда Хивинцы начали удаляться, то и мы успѣли стащиться съ мели и тронулись далѣе.

Пройдя еще версту, мы дошли до протока, который страннымъ образомъ раздѣляетъ воды свои на двѣ противоположныя стороны: одна часть водъ поворачиваетъ на право и образуетъ начало Улькунъ-Дарьи, а другая на лѣво, протокъ Кульденъ. Поднявшись по Кульденю версты три, мы остановились за мелководіемъ на ночлегъ.

Шлюпка, посланная для промѣровъ впередъ, нашла впереди глубину всего $2\frac{1}{2}$ фута, а пароходъ Перовскій сидѣлъ въ водѣ $4\frac{1}{4}$ ф. Вечеромъ для обезпеченія себя отъ нечаянной тревоги или нападенія

нужно было выставить два секрета: одинъ со стороны Хивинцевъ, другой со стороны Кунграда. Поставивъ одинъ секретъ и возвращаясь къ пароходу, я пораженъ былъ сильнымъ запахомъ гніющаго животнаго. Предполагая, что этотъ запахъ происходъ отъ упавшей скотины, я не обратилъ на это никакого вниманія. На другой день смѣнившійся съ секрета I. О. доносилъ, что шагахъ въ 20 отъ берега лежитъ трупъ человѣка. Мы пошли посмотрѣть и увидѣли обезглавленный трупъ, у котораго отъ локтей и колѣнъ снята была кожа. Это былъ образчикъ мести хана Хивинцевъ надъ попавшимся въ его руки возмутившимся подданнымъ.

22-го Іюня. Рано утромъ 22-го Іюня человѣкъ 30 Туркменъ подъѣхали къ пароходу и послѣ привѣтствія объявили, что они отправляются въ погоню за Хивинцами. Цѣль ихъ была захватить кого-либо изъ отставшихъ и за голову получить вознагражденіе.

Часовъ въ 7 утра пріѣхалъ на пароходъ отъ правителя Кунграда Шахъ-Ніязъ, пріѣзжавшій въ Оренбургъ съ просьбою о помощи. Находящаяся впереди мель препятствовала судамъ идти далѣе безъ выгрузки.

Капитанъ Бутаковъ отправилъ меня, шт.-кап. Стаховскаго и подпоручика султана Сейдалина въ Кунградъ выбрать мѣсто для стоянки и вмѣстѣ поздравить правителя Магометъ-Фану съ избавленіемъ отъ осады; при чемъ мнѣ поручено было также просить о присылкѣ лодокъ, чтобы выгрузить съ судовъ наши тяжести.

Мы поѣхали на Туркменскихъ лошадяхъ, и я въ первый разъ испыталъ достоинство этихъ лошадей. Канавы, черезъ которыя перескакивали эти лошади, были такихъ размѣровъ, что чрезъ нихъ на нашихъ лошадяхъ самый смѣлый всадникъ никогда бы не рѣшился прыгнуть; между тѣмъ Туркменская лошадь преодолѣваетъ эти препятствія необыкновенно плавно, почти безъ напряженія.

Кунградъ отъ того мѣста, гдѣ остановились суда наши, находился верстахъ въ 5-ти. Все это пространство изрѣзано по всѣмъ направленіямъ канавами, большею частію усаженными пирамидальными тополями. Верхушки всѣхъ деревьевъ были слѣва срублены, и мы не могли догадаться о причинѣ этого, пока не подъѣхали къ высокой насыпи, окопанной валомъ, на самомъ берегу рѣки. Съ насыпи Хивинцы стрѣляли изъ орудій во внутрь города, а потому высота ея равнялась высотѣ городской стѣны. Валъ, окружающій насыпь, служилъ укрѣпленіемъ

для караула. Для этой насыпи Хивинцы срубали верхушки деревьевъ, пересыпая ихъ землею.

По мѣрѣ приближенія нашего къ берегу Талдыка, на противоположной сторонѣ котораго лежитъ Кунградъ, встрѣчали насъ Туркмены, выказывая свою радость стрѣльбой и джигитовкой. У берега мы нашли нѣсколько лодокъ. На лучшую изъ нихъ мы сѣли сами, а на другую поставили лошадей. Лодки эти построены по одному образцу съ Каракалпакскими. Составлены онѣ изъ кусковъ, скованныхъ желѣзомъ, незаконопаченыя, онѣ пропускаютъ много воды, которую все время переѣзда вычерпываютъ. Чтобы не замочить ногъ, на дно ея набрасываютъ травы или хвороста.

На противоположномъ берегу, въ который упираются стѣны Кунграда, насъ ожидало все народонаселеніе города. Изъ толпы часто слышались выстрѣлы въ честь нашу. Выходя на берегъ, я далъ лодочникамъ по 1 руб. сер. Это крайне удивило всѣхъ присутствующихъ и возбудило еще бо́льшій восторгъ. Намъ подали снова лошадей, которыхъ вели подъ уздцы въ знакъ уваженія. Нѣсколько человѣкъ разгоняли народъ, хлопая нагайками куда ни попало, въ надеждѣ обратить на себя наше вниманіе и еще больше увеличить торжественность въѣзда. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, мы въѣхали въ ворота.

Здѣсь я остановлюсь, чтобы сдѣлать описаніе самаго Кунграда.

Кунградъ представляетъ пространство, огражденное глиняною стѣною съ зубцами, служащими для защиты отъ ружейныхъ выстрѣловъ. Высота стѣны 3 сажени, толщина ея у основанія 2 саж., а вверху 1 футъ. Съ наружной стороны треугольный ровъ шириною въ 2 сажени, со внутренней стороны у самой подошвы стѣны есть также ровъ, образовавшійся при возведеніи стѣны отъ выемки земли. Съ внутренней стороны выходъ на стѣну возможенъ только въ немногихъ мѣстахъ и то крайне затруднителенъ, хотя банкетъ около 1 арш. ширины вездѣ существуетъ. Словомъ, съ внутренней стороны также трудно попасть на стѣну, какъ и съ наружной.

Этотъ способъ укрѣпленій указываетъ и на способъ атаки и обороны. Воинскія скопища здѣшнихъ народовъ состоятъ исключительно изъ одной конницы. Хотя у Хивинскаго хана и наберется до 300—400 человѣкъ пѣхоты (сарбазовъ), но они въ такомъ жалкомъ видѣ, что ихъ въ соображеніе принимать не стоитъ. Артиллерія въ самомъ жалкомъ состояніи имѣется только у Хивинцевъ. Поэтому осаж-

дающій, обложивъ крѣпость, ставитъ на высотѣ внѣ ружейнаго выстрѣла свои орудія, или если нѣтъ такой высоты, то дѣлаетъ искусственную насыпь выше городскихъ стѣнъ и стрѣляетъ во внутрь города. Съ своей стороны осажденный сосредоточиваетъ всѣ средства обороны у воротъ. Въ такомъ положеніи остаются враждующія стороны, пока голодъ или измѣна не отдадутъ крѣпости въ руки побѣдителя, который ознаменовываетъ свое торжество казнями. Въ этомъ случаѣ, чтобы умилостивить побѣдителя, ему подносятъ вмѣсто ключей головы главныхъ начальниковъ. Часто случается также, что осаждающіе, истощивъ всѣ средства продовольствія, расходятся по домамъ. Штурмъ рѣдко предпринимается. Обвалы въ стѣнахъ при отчаянномъ состояніи артиллеріи малаго калибра и отсутствіи разрывныхъ снарядовъ сдѣлать почти невозможно. Крѣпости Хивинскія не вооружены пушками, за исключеніемъ Бонте у выхода изъ Аму-Лаудона, гдѣ имѣются три орудія весьма малаго калибра.

Внутренность Кунграда въ настоящее время представляетъ самый печальный видъ. Почти всѣ дома представляютъ однѣ голыя стѣны безъ крышъ. Только домъ бывшаго эсаула-баши Кутлу-Мурата, занимаемый нынѣ правителемъ Кунграда, уцѣлѣлъ и еще нѣсколько ближайшихъ къ нему мазанокъ, въ которыхъ помѣщаются пустыя лавки. Остальное пространство занято кибитками густо поставленными, въ которыхъ помѣщаются жители, вмѣстѣ съ пришедшими къ нимъ на помощь Туркменами. Вездѣ страшная грязь и нечистота. При въѣздѣ нашемъ въ городъ повторилась сцена бывшая на берегу. Оборванная толпа провожала насъ до самаго дома Магометъ-Фаны.

Въ воротахъ дома лошадей нашихъ снова взяли подъ уздцы и отвели чрезъ дворъ между двумя шеренгами Туркменъ и Узбековъ, изъ коихъ многіе вооружены были двухствольными охотничьими ружьями. Воинство это было поставлено съ цѣлью показать могущество избраннаго хана. Сойдя съ лошадей, мы вошли чрезъ темный коридоръ подъ навѣсъ, гдѣ находился Магометъ-Фаны со своими приближенными. Тронный залъ Магомета-Фаны составляетъ небольшой дворикъ до половины покрытый (другая половина не имѣетъ крыши для освѣженія воздуха и для того, чтобы по вечерамъ можно было отъ комаровъ раскладывать курево). Направо отъ дверей находились подмостки вышиною $1\frac{1}{4}$ аршина, весьма дурно сколоченные и даже не окрашенные. На подмосткахъ разостланъ былъ коверъ. Это возвышеніе составляло тронъ избраннаго Кунградцами хана. При входѣ нашемъ онъ сидѣлъ на своемъ тронѣ; самые приближенные его на разныхъ коврахъ на полу по обѣ-

имъ сторонамъ его, остальные въ числѣ около 50 человѣкъ стояли и сидѣли поодаль. Магометъ-Фаны, лѣтъ сорока, высокаго роста, атлетическаго сложенія; густая черная борода отѣняетъ лицо его, которое можно бы назвать красивымъ, если бы въ немъ было болѣе выраженія. Вглядываясь въ черты лица его, какъ-то не вѣрится, что этотъ человѣкъ безъ всякихъ средствъ успѣлъ сдѣлать переворотъ, объявить себя независимымъ отъ Хивинскаго хана и 9 мѣсяцевъ удержаться на своемъ мѣстѣ. Кажется, что онъ былъ только предлогомъ для безпокойныхъ и жадныхъ къ добычѣ Туркменъ, въ рукахъ которыхъ онъ теперь совершенно находится. Перевороту этому много способствовало также несправедливое и жестокое управленіе его предшественника, Хивинскаго эсаулъ-баши Кутлу-Мурата.

На сдѣланное мною привѣтствіе отъ имени начальника экспедиціи капитана Бутакова и на поздравленіе съ освобожденіемъ Кунграда отъ осады Хивинцами, которые, узнавъ о нашемъ прибытіи, поспѣшно удалились, Магометъ-Фаны отвѣчалъ, что онъ давно насъ ожидалъ, что мы его избавители и что онъ самъ, весь народъ, все имущество, жены и дочери принадлежатъ намъ и что онъ въ точности будетъ исполнять всѣ наши требованія. Когда я ему передалъ, что суда наши за мелководьемъ не могутъ прямо прибыть къ Кунграду и что начальникъ экспедиціи проситъ его содѣйствія на наемъ лодокъ для скорѣйшей перегрузки, то онъ отвѣчалъ, что сейчасъ же сдѣлаетъ распоряженіе, чтобы всѣ лодки прибыли къ намъ безплатно. Я поблагодарилъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ, что лодочникамъ будетъ заплачено, потому что мы ничего безплатно брать не станемъ. Отвѣтъ мой возбудилъ ропотъ удовольствія въ присутствующихъ, привыкшихъ къ насиліямъ своихъ союзниковъ Туркменъ.

Насъ пригласили сѣсть и подали намъ чурекъ (лепешки), маленькую голову сахару и корзину абрикосовъ. Мы оставили въ сторонѣ чурекъ и сахаръ и обратили свое вниманіе на абрикосы. Когда мы приступили къ прощанью, то одинъ изъ прислужниковъ хана сталъ разносить абрикосы, въ томъ числѣ поднесъ и казаку бывшему съ нами. Казакъ спросилъ позволенія у меня взять ихъ, что привело въ неописанное недоумѣніе всѣхъ присутствовавшихъ, не имѣющихъ никакого понятія о дисциплинѣ вообще и о нашей въ особенности.

Я спросилъ хана, много ли вреда нанесли имъ Хивинцы во время осады. Онъ отвѣчалъ, что всѣ сады и пашни на противоположномъ берегу уничтожены и прибавилъ къ тому, что съ тѣхъ поръ какъ милосердый Богъ помогъ ему умертвить Кутлу-Мурата со всѣми привер-

женцами прошло уже 9 мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ онъ и весь народъ разорились на содержаніе союзниковъ своихъ Туркменъ; что у него въ настоящее время кромѣ сабли, которую онъ поднялъ, ничего не осталось и что онъ возлагаетъ всю свою надежду на насъ. Помѣнявшись еще нѣсколькими фразами, я простился съ нимъ и просилъ дать мнѣ провожатыхъ, чтобы выбрать мѣста для отряда. Онъ тотчасъ же исполнилъ мою просьбу, прибавивъ, что въ нашей волѣ остановиться гдѣ намъ угодно, въ самой ли крѣпости, внѣ оной или въ одномъ изъ садовъ его.

Взобравшись съ трудомъ на городскую стѣну, мы могли обозрѣть весь городъ и ближайшія окрестности и избрали для первоначальной стоянки мѣсто на берегу у юговосточнаго угла крѣпости, внѣ оной, чтобы быть вблизи судовъ своихъ. Вслѣдъ за тѣмъ, болѣе изъ любопытства уже, мы поѣхали осматривать ханскій садъ. Садъ этотъ принадлежалъ бывшему правителю Кунграда Кутлу-Мурату, по умерщвленіи котораго перешелъ вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ имуществомъ къ Магомету-Фаны. Садъ этотъ, или лучше сказать загородный домъ, находится въ верстѣ отъ городскихъ стѣнъ и въ верстѣ отъ берега. Онъ обведенъ глиняною стѣною съ зубцами на подобіе описанной нами уже Кунградской стѣны, но въ меньшихъ размѣрахъ. Къ одной части стѣны пристроенъ домъ. Внутренность дома, довольно обширнаго, состоитъ изъ множества темныхъ корридоровъ и комнатъ. Оконъ нигдѣ нѣтъ, свѣтъ проходитъ въ двери и въ нѣкоторыхъ чрезъ отверстія въ плоской кровлѣ. Запоровъ въ дверяхъ нигдѣ нѣтъ, за исключеніемъ главныхъ воротъ снаружи. Нѣкоторыя комнаты расписаны изразцами. Въ саду растутъ тополи, абрикосовыя и грушевыя деревья и яблони. Вокругъ стѣны расположены гряды съ дынями, арбузами и засѣянныя поля. Садъ, составляя совершенно отдѣльную крѣпостцу, былъ бы очень удобенъ для помѣщенія нашего маленькаго отряда, еслибы былъ ближе къ берегу. Съ другой стороны удаленіе его отъ города могло уменьшить наше вліяніе на необузданныхъ Туркменъ, распоряжавшихся тамъ съ безграничнымъ произволомъ.

Возвратившись къ берегу, мы сѣли въ лодки и спустились внизъ по Талдыку до протока Кульдена, а отсюда потянулись бичевой до мѣста стоянки судовъ нашихъ. Во все время осмотра мѣстности сопутствовали намъ малолѣтній сынъ и племянникъ Магомета-Фаны. Они очень привязались къ намъ, въ особенности къ Султану Сейдамену.

По прибытіи на пароходъ мы застали тамъ Туркменскихъ старшинъ. Они пріѣхали подъ предлогомъ поздравить насъ съ пріѣздомъ, но

въ сущности для того, чтобы сосчитать насъ и въ надеждѣ получить подарки, о чемъ и передали черезъ своего писаря. На это имъ отвѣчали, что мы пришли по вашей же просьбѣ и для вашего же спасенія, а потому не видимъ никакой причины одаривать прежде, чѣмъ они не заслужатъ этого. Старшины просили, чтобъ имъ дали одну пушку и десять человѣкъ Русскихъ для преслѣдованія Хивинцевъ и отбитія у нихъ всего, что ими забрано, въ особенности же, чтобы отнять плѣнныхъ и захваченныя лодки. Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ, что для преслѣдованія Хивинцевъ они недостаточно сильны и что на это онъ не имѣетъ разрѣшенія генералъ - губернатора. Тогда они просили дать желаемую пушку для того, чтобы прикрыть землепашцевъ отъ Хивинцевъ во время наступающей уборки хлѣба. Капитанъ Бутаковъ согласился для этой цѣли дать имъ 50 человѣкъ съ ракетнымъ станкомъ, но съ тѣмъ чтобы тѣ, которые къ намъ присоединятся, были въ полномъ подчиненіи Русскаго офицера. Они замолчали. Словомъ, ясно было видно, что желаніе ихъ было воспользоваться нами для грабежа.

Во время поѣздки нашей въ Кунградъ, Туркмены, подъѣзжавшіе рано утромъ къ пароходу и отправившіеся на добычу за Хивинцами, возвратились, отбивъ восемь человѣкъ плѣнныхъ своихъ и поднесли капитану Бутакову голову, говоря, что Магометъ-Фаны платитъ имъ за голову 40 рублей сер., а они слышали, что Русскіе платятъ вдвое дороже. Голову эту они сняли со старухи и чтобы сдѣлать ее похожею на мужскую бритую, повыдергали волосы. Имъ отвѣчали, что Русскіе за головы ничего не даютъ. Они съ неудовольствіемъ отправились за платой къ Магомету-Фаны.

Посланная для промѣра шлюпка возвратилась вечеромъ съ извѣстіемъ, что въ протокѣ во многихъ мѣстахъ только два фута глубины, слѣдовательно пароходъ не могъ идти къ Кунграду, куда могли пройти съ большимъ трудомъ однѣ баржи, сгрузивъ предварительно всю тяжесть на берегъ. Весь день 23 числа прошелъ въ перегрузкѣ, а къ вечеру мы вошли въ Талдыкъ.

По желанію начальника экспедиціи въ тотъ же вечеръ правитель Кунграда долженъ былъ собрать своихъ приближенныхъ и принять насъ для выслушанія воли генералъ-губернатора. Съ капитаномъ Бутаковымъ отправились и всѣ офицеры, участвовавшіе въ экспедиціи, за исключеніемъ Полякова. Мы сѣли въ шлюпки въ 9 часовъ вечера, когда уже совершенно стемнѣло; высадившись на берегъ, сѣли на лошадей, проѣхавъ около 1½ версты вдоль городской стѣны по тропинкѣ, переры-

ваемой безпрестанно глубокими канавами, подъѣхали къ воротамъ, гдѣ находился небольшой караулъ, расположившійся уже спать. Шитые мундиры наши имѣли слой пыли на палецъ. Жители уже всѣ спали, а потому на улицахъ было пусто и мы на этотъ разъ не были обезпокоены толпою.

Когда мы подъѣхали къ воротамъ ханскаго дома, насъ остановили и продержали около ¼ часа. Потомъ мы въѣхали на дворъ, слѣзли тамъ съ лошадей и уже пѣшкомъ вошли подъ навѣсъ, гдѣ въ первый разъ мы въѣзжали на лошадяхъ.

Войдя въ описанную уже нами аудіенцъ залу или тронную, освѣщенную костромъ и наполненную народомъ, мы Магомета-Фаны не застали тамъ. Для капитана Бутакова приготовлено было точно такое же возвышеніе, какъ описанное уже мною выше. Для остальныхъ поставлены были низенькіе табуреты, покрытые весьма старымъ ковромъ. Когда мы усѣлись, намъ принесли прежнее угощеніе.

Чрезъ нѣсколько времени довѣренное лицо хана Шахъ-Ніязъ сказалъ капитану Бутакову, что ханъ только что вернулся съ прогулки и проситъ отложить аудіенцію до утра, по случаю поздняго времени. Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ, что такъ какъ мы уже пріѣхали, то откладывать нельзя. Чрезъ ¼ часа явился наконецъ Магометъ-Фаны. Впереди его шли два человѣка, держа въ рукахъ сальные огарки. Присутствовавшіе привѣтствовали его салямомъ.

Когда онъ взлѣзъ на свое мѣсто, мы подошли къ нему, а послѣ пожатія рукъ, капитанъ Бутаковъ объяснилъ ему цѣль нашего прибытія и предложенныя генералъ-губернаторомъ условія, заключавшіяся въ слѣдующемъ.

1) Примириться съ нашими Киргизами, 2) защищать Бухарскіе караваны, слѣдующіе въ Россію по правому берегу Аму́, равнымъ образомъ не препятствовать Хивинскимъ караванамъ привозить въ наши предѣлы свой товаръ и 3) содѣйствовать къ заготовленію топлива для нашихъ судовъ и снабженія нашего отряда продовольствіемъ, разумѣется за деньги.

Имъ объявлено было также, что по ихъ просьбѣ, чтобы облегчить торговыя ихъ сношенія съ Россіей, посылается команда для осмотра береговъ Каспійскаго моря и избранія пункта къ открытію ярмарки и что они равнымъ образомъ должны содѣйствовать исполненію всѣхъ требованій начальствующихъ надъ этой командой. Имъ сказано при

этомъ, что отрядъ нашъ, избавивъ уже ихъ отъ осады Хивинцами, не можетъ оставаться на зиму въ Кунградѣ, за недостаткомъ помѣщенія и продовольствія.

По объявленіи этихъ условій Магометъ-Фаны и его приближенные отвѣчали:

Защищать Бухарскіе караваны они не могутъ, не зная гдѣ и когда будутъ проходить они, тѣмъ болѣе, что почти всѣ Бухарскіе караваны проходятъ вдалекѣ отъ Кунграда. Что же касается до пропуска Хивинскихъ каравановъ, то видно было, что это совершенно не совмѣстимо съ ихъ понятіями. Они говорили, что Хивинцы истребили ихъ пашни, сады, захватили большую часть лодокъ и увели болѣе 40 человѣкъ въ неволю, что все это требуетъ возмездія, если имъ за это не заплатятъ.

Когда капитанъ Бутаковъ сказалъ, что Русское правительство настаиваетъ на этомъ потому, что въ этомъ дѣлѣ замѣшаны выгоды Русскихъ, тогда они отвѣчали слѣдующее: хорошо, мы будемъ пропускать караваны въ Россію и грабить ихъ, на возвратномъ ихъ пути въ Хиву. Магометъ-Фаны сказалъ при этомъ, что если вы сами не можете остаться на зиму, то вѣроятно оставите для защиты Кунграда противу Хивинцевъ хоть 200 человѣкъ съ орудіями. Онъ при этомъ повторилъ фразу, сказанную мнѣ при первомъ свиданіи, что въ эти 9 мѣсяцевъ онъ самъ и народъ Кунградцы совершенно разорились на защиту себя противу Хивинцевъ и что у него кромѣ сабли ничего не осталось. Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ, что генералъ-губернаторъ приказалъ помочь ему по возможности.

Магометъ-Фаны сталъ просить дать ему вооруженную помощь, чтобы идти противу Хивинцевъ и отобрать у нихъ плѣнниковъ и добычу, захваченную ими въ окрестностяхъ Кунграда. Когда ему и въ этомъ было отказано, то онъ просилъ помощи для подчиненія своей власти Каракалпаковъ. Но и на это капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ ему отрицательно, говоря, что мы присланы защищать ихъ, а не дѣлать для нихъ завоеванія. Въ заключеніе Магометъ-Фаны спросилъ, признаетъ ли Русское правительство его ханомъ. Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ, что мы присланы къ нему какъ къ правителю Кунграда. Вообще по этой аудіенціи можно было вывести заключеніе, что Магометъ-Фаны ожидалъ присылки къ нему отряда постояннаго и болѣе значительнаго, а тоже и денежнаго пособія: въ такомъ случаѣ только онъ могъ отдѣлаться отъ своихъ безпокойныхъ союзниковъ Туркменъ, въ рукахъ которыхъ

совершенно находится, и содѣйствовать видамъ нашего правительства. Съ уходомъ нашей экспедиціи, онъ снова былъ предоставленъ въ руки Туркменъ, и потому весьма понятно, что онъ долженъ былъ подчиняться ихъ вліянію, а не нашему.

Туркмены, Ямуды ничѣмъ не обнаружили и малѣйшаго желанія принять Русское подданство. Народъ этотъ, привыкшій добывать себѣ хлѣбъ грабежомъ и войною, болѣе всего дорожитъ необузданной свободой и не промѣняетъ ее ни на какія блага, если съ ними связаны порядокъ и благоустройство. Менѣе чѣмъ гдѣ-либо они подготовлены къ принятію какого-либо гражданскаго устройства. Безплодныя, безводныя мѣста, ими занимаемыя, мало способствуютъ земледѣлію и скотоводству, а потому они существуютъ почти исключительно однимъ грабежомъ и торгомъ невольниками. Смуты, раздирающія Хивинское ханство, даютъ имъ возможность наниматься или у Хивинскаго хана для усмиренія его подданныхъ, или помогать послѣднимъ въ возмущеніяхъ противу хана; словомъ, это кондотьеры новыхъ временъ. Обѣщаніямъ и клятвамъ ихъ нельзя нисколько вѣрить. Они до тѣхъ поръ держатъ свое слово, пока надъ ними гроза или пока имъ это выгодно. У нихъ есть поговорка: Туркменъ на лошади не знаетъ отца и матери, характеризующая ихъ вполнѣ. Въ числѣ старшинъ помогающихъ Магомету-Фаны есть двое, Салакъ-Кычкара и Ижереле Адазмамберъ, которые поклялись Хивинскому хану доставить ему голову Магометъ-Фаны, получили за нее половину договорной платы впередъ, и первый изъ нихъ оставилъ даже своего сына заложникомъ. Они не признаютъ никакихъ властей, старшины ихъ имѣютъ очень мало вліянія, а Атамурадъ-ханъ еще меньше. Изъ всего этого видно, что депутація, присланная въ прошломъ году къ генералъ-губернатору и повторенная этой зимой, никакъ не можетъ служить выраженіемъ общаго желанія племени Ямудъ на принятіе Русскаго подданства. Депутація эта снаряжена была Атамуратомъ и небольшимъ числомъ его приверженцевъ, желающихъ посредствомъ насъ увеличить и упрочить свое вліяніе надъ соплеменниками. Когда капитанъ Бутаковъ сказалъ однажды старшинамъ, что Туркмены просили генералъ-губернатора о принятіи ихъ въ Русское подданство, то они отвѣчали: да, нѣкоторые этого хотѣли.

Самыя понятія ихъ о подданствѣ не сходны съ нашими. Подъ подданствомъ они разумѣютъ службу за опредѣленную плату, безъ всякаго вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла и распри. Эти понятія ясно выразили старшины ихъ во время сбора для примиренія съ Киргизами. Старшины сказали: когда мы служили Хивинскому хану, то получали

отъ него поденную плату и кромѣ того за подносимыя головы тоже самое давалъ намъ Магометъ-Фаны. Теперь у него ничего нѣтъ. Если Русское правительство будетъ платить намъ за то, чтобы мы защищали Кунградъ, то мы останемся, а въ противномъ случаѣ мы должны искать себѣ другой службы, потому что Туркменъ не сѣетъ и не жнетъ; чѣмъ же онъ будетъ существовать?

Узбеки и Каракалпаки составляли главную часть населенія, за исключеніемъ небольшого числа связанныхъ личными интересами съ Магометомъ-Фаны, и нисколько ему не сочувствуютъ. Есть даже поводъ думать, что они втайнѣ желаютъ возвращенія Хивинскаго владычества, чтобы избавиться отъ Туркменъ, которые безпощадно ихъ грабятъ.

Киргизы, кочующіе въ окрестностяхъ, въ открытой враждѣ съ Кунградцами и Туркменами. При осадѣ Кунграда Хивинцами, Киргизы съ своимъ предводителемъ Азбергенемъ и султаномъ Эстлау находились въ Хивинскомъ войскѣ. Прежде еще Ата-Мурадъ-ханъ осаждалъ Азбергеня съ 800 человѣкъ, но не имѣлъ успѣха.

Изъ этого обзора видно, въ какомъ шаткомъ положеніи находится правитель Кунграда и что ему нельзя придавать никакого значенія.

На другой день, 24 Іюня, мы поднялись на двухъ баржахъ бичевой и остановились у юго-восточнаго угла Кунградской стѣны. Когда мы снимались съ якоря, на баржу пріѣхалъ Шахъ-Ніязъ съ объявленіемъ, что Магометъ-Фаны прислалъ его, чтобы указать намъ мѣсто, гдѣ остановиться и чрезъ какіе ворота имѣть сообщенія съ городомъ. Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ ему, что онъ крайне удивленъ этимъ, тѣмъ болѣе, что Магометъ-Фаны не далѣе какъ вчера еще сказалъ, что въ нашей волѣ остановиться гдѣ намъ угодно, и потому мы и изберемъ себѣ мѣсто тамъ, гдѣ для насъ это удобнѣе.

Такъ какъ намъ не было извѣстно, долго ли мы здѣсь пробудемъ, то мѣсто это у Кунградской стѣны представляло наиболѣе выгодъ, потому что часть старой городской стѣны составляла для насъ нѣкоторую защиту, а возвышеніе у самаго берега представляло весьма удобное помѣщеніе для орудій, которыя въ случаѣ нужды могли дѣйствовать по городу.

Мы стали на якорь въ 8 часовъ утра. Отрядъ былъ высаженъ на берегъ, гдѣ и устроилъ себѣ навѣсъ отъ палящихъ лучей солнца изъ парусовъ. Для офицеровъ разбита была кибитка. На возвышеніи водру-

женъ былъ флагъ и поставлены два горныхъ орудія жерлами къ сторонѣ Хивы. Подлѣ флага стояла дежурная часть. Едва успѣли мы высадиться на берегъ, какъ толпы зѣвакъ окружили наши суда и отрядъ такъ, что мы вынуждены были разогнать любопытныхъ посѣтителей и поставить ихъ извнѣ, около лагеря, предоставивъ имъ право любоваться нами издали. Съ приходомъ нашимъ къ Кунграду многіе изъ Туркменъ начали удаляться въ свои кочевья, опасаясь, чтобы Кунградцы чрезъ насъ не отобрали у нихъ награбленнаго имущества, своихъ женъ и дочерей.

Нѣсколько старшинъ пріѣхали къ капитану Бутакову, который угостилъ ихъ чаемъ. Они пьютъ его не такъ охотно, но за то съ большимъ наслажденіемъ грызутъ сахаръ. Странно было смотрѣть на этихъ людей, вооруженныхъ съ головы до ногъ, съ звѣрскими лицами, грызущими сахаръ съ жадностью ребенка. На вопросъ объ Ата-Мурадъ-ханѣ, присылавшемъ два раза депутатовъ къ генералъ-губернатору съ изъявленіемъ желанія принять Русское подданство, они отвѣчали уклончиво, что онъ находится въ двухъ дняхъ пути отъ Кунграда и вѣроятно пріѣдетъ повидаться съ нами. Когда же капитанъ Бутаковъ сказалъ имъ, что Туркмены просили принять ихъ въ Русское подданство, то они отвѣчали: да, нѣкоторые этого желали.

На другой день нѣсколько Каракалпаковъ приходили просить нашей защиты противъ своеволія Туркменъ, которые отобрали у нихъ женъ и дочерей и увозятъ ихъ въ Туркменію. Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ имъ, что онъ во внутреннія дѣла ихъ не вмѣшивается и чтобы они обращались съ жалобами къ Магомету-Фаны.

Для осмотра и съемки окрестностей Кунграда намъ необходимо было достать лошадей. Сначала мы обратились къ Магомету-Фаны, прося его содѣйствія въ наемѣ 30 лошадей. Онъ отказалъ. Тогда капитанъ Бутаковъ отправилъ къ нему подпоручика Султана Сейдамена спросить, считаетъ ли онъ его врагомъ или другомъ. Магометъ-Фаны отвѣчалъ, что онъ потому запретилъ давать лошадей, что не надѣется на Туркменъ, которые могутъ что-либо предпринять противъ нашей съемочной партіи и тогда отвѣтственность будетъ лежать на немъ. Когда же Сейдаменъ сказалъ ему, что Туркмены будутъ отвѣчать сами за себя, тогда Магометъ-Фаны приказалъ объявить на базарѣ, что всякій, кто желаетъ, можетъ отдавать намъ въ наймы лошадей своихъ.

Туркменскій старшина Кычкара, еще до разрѣшенія хана пріѣзжавшій къ намъ въ лагерь, спрашивалъ Султана-Сейдамена, чѣмъ онъ

можетъ заслужить у Русскихъ; Сейдаменъ посовѣтовалъ ему на первый разъ дать лошадей. Цѣна объявлена 1 р. сер. за лошадь въ день, а потому Туркмены наперерывъ предлагали намъ свои услуги. Цѣна эта назначена была капитаномъ Бутаковымъ съ цѣлью привлечь Туркменъ къ исполненію нашихъ требованій. Такъ какъ охотниковъ нашлось слишкомъ много, то старшинамъ сказано было соблюдать между собою очередь. Вмѣстѣ съ тѣмъ для отвращенія всякихъ попытокъ со стороны Туркменъ противу нашей съемочной партіи старшины обязались сопровождать съемку. На другой день съ разсвѣтомъ приказано было привести 30 лошадей.

Вечеромъ того же дня мы узнали чрезъ Киргизъ, взятыхъ нами изъ Форта № 1, что у Магомета-Фаны было совѣщаніе съ Туркменами, которые предлагали напасть на насъ съ тѣмъ, чтобы завладѣть нашими орудіями. Они говорили, что Русскихъ всего 200 человѣкъ и что мы очень довѣрчивы и что на насъ можно было напасть врасплохъ и перерѣзать. Магометъ-Фаны противорѣчилъ имъ, говоря, что онъ обязанъ намъ своимъ спасеніемъ отъ Хивинцевъ и что если бы нападеніе и удалось, то впослѣдствіи они за это дорого поплатятся. Слухи эти подтвердилъ Персидскій невольникъ, выкупившійся на волю и просившій насъ, чтобы мы взяли его съ собой въ Оренбургъ, откуда онъ надѣялся пробраться на родину (онъ схваченъ былъ Туркменами, проданъ сначала въ Бухару, а оттуда ѣздилъ съ своимъ хозяиномъ въ Оренбургъ, Казань и Москву. Потомъ перепроданъ былъ въ Хиву и изъ Хивы попалъ въ Кунградъ).

Слухи эти могутъ показаться неправдоподобными для человѣка не знакомаго съ характеромъ Азіатцевъ вообще и Туркменами въ особенности. Какъ тѣ, такъ и другіе дѣйствуютъ по первому впечатлѣнію, нисколько не заботясь о послѣдствіяхъ.

Слухи эти заставили насъ усиливать на ночь караулъ, обрыть возвышенія, на которыхъ стояли орудія, чтобы къ нимъ нельзя было вскочить на лошади и вырыть небольшую траншею для стрѣлковъ. Наше положеніе было тѣмъ затруднительно, что толпы вооруженныхъ Туркменъ ежедневно пріѣзжали къ намъ и мы не могли бы знать, когда они рѣшились привести свои намѣренія въ исполненіе. Запретить же имъ пріѣзжать къ намъ въ лагерь тоже было неудобно въ томъ отношеніи, что мы показали бы имъ недовѣріе.

Въ 8 часовъ утра топографъ Журавлевъ отправился на съемку подъ прикрытіемъ 25 штуцерныхъ, вооруженныхъ револьверами. Съ

съемкой отправился также старшина отдѣленія Кычкара̀, названный Туркменами Клычогру, т. е. воровская сабля. Клычогру пріобрѣлъ вліяніе на соплеменниковъ удальствомъ въ набѣгахъ. Ему отъ 45 до 50 лѣтъ, росту высокаго, большая борода съ просѣдью оттѣняетъ лицо его, выражающее умъ и коварство. Нанявшись у Магометъ-Фаны защищать Кунградъ, онъ прежде далъ клятву Хивинскому хану доставить ему голову перваго, взялъ даже въ задатокъ половину условленной платы и оставилъ заложникомъ своего сына *). Вотъ образчикъ характера Туркменъ.

Часъ спустя я отправился вслѣдъ за съемочнымъ отрядомъ и нагналъ его версты за двѣ отъ нашего лагеря. Въ этотъ разъ снята была инструментально полоса на лѣвомъ берегу рѣки, вокругъ Кунграда шириною въ 3 версты. Все это пространство обработано и изрыто по всѣмъ направленіямъ ирригаціонными канавами. Двѣ изъ нихъ подъ названіемъ ханскихъ похожи на маленькія рѣки. Смотря на эти канавы, нельзя не удивляться трудолюбію жителей. Между полями разсѣяны фруктовые сады, контуры которыхъ ясно обозначаются пирамидальными тополями.

Старшина Клычогру, сопровождавшій съемку съ двумя своими товарищами, держалъ себя поодаль. Когда мы принялись завтракать, то онъ подошелъ къ намъ. Я пригласилъ его. Онъ отказался отъ сардинокъ и ростбифа и принялся за баранки и сахаръ. Чтобы закончить съемку этого дня, намъ нужно было дойти до батареи, построенной Хивинцами во время осады на самомъ берегу рѣки, противъ протока Кульденъ. Такъ какъ мѣстность изрыта была вся канавами, то я приказалъ казаку переводчику разспросить у работавшихъ вблизи Каракалпаковъ, какъ лучше проѣхать. Клычогру, узнавъ отъ переводчика въ чемъ было дѣло, самъ поѣхалъ къ Каракалпакамъ и требовалъ, чтобы одинъ изъ нихъ провелъ насъ. Но Каракалпакъ не хотѣлъ исполнить его требованія. Тогда онъ выхватилъ шашку и бросился на несчастнаго; но я закричалъ на него, тогда онъ вложилъ шашку въ ножны и взялъ нагайку. Каракалпакъ успѣлъ между тѣмъ отбѣжать довольно далеко. Въ безсильной злобѣ Клычогру уѣхалъ впередъ и долго ворчалъ про себя.

Часу въ восьмомъ вечера мы возвратились въ лагерь.

На другой день снята была такой же ширины полоса на лѣвомъ берегу, а на слѣдующій день перешли мы на правую сторону рѣки и

---

*) Свѣдѣнія эти переданы Султану-Сейдамену братомъ Магомета-Фаны.

сняли всю обработанную половину по этой сторонѣ рѣки. Возвращаясь въ лагерь, я увидѣлъ не вдалекѣ отъ мѣста расположенія Хивинцевъ человѣческій скелетъ, съ котораго хищныя птицы не успѣли еще снять все мясо. Голова этого скелета была въ сторонѣ отъ туловища.

По возвращеніи въ лагерь я узналъ, что отъ Киргизскаго батыря Азбергеня прибылъ посланный съ увѣдомленіемъ о томъ, что онъ самъ прибудетъ вечеромъ съ 40 человѣками своихъ приверженцевъ.

Для помѣщенія Азбергеня Магометъ-Фаны прислалъ нѣсколько кибитокъ. Едва успѣли разбить эти кибитки вблизи нашего лагеря, какъ явился отъ Магометъ-Фаны посланный, чтобы ихъ снять и разбить у воротъ крѣпости отдѣльно отъ насъ. Капитанъ Бутаковъ приказалъ посланному сказать, что Магометъ-Фаны можетъ взять свои кибитки, но что Азбергень пріѣхалъ къ Русскимъ съ повинной за сдѣланныя имъ преступленія, а не къ нему, а потому онъ долженъ остановиться среди насъ. Посланный болѣе не возвращался.

Часу въ шестомъ вечера къ противоположному берегу подъѣхало человѣкъ сорокъ всадниковъ. Къ нимъ выслали наши шлюпки, на которыя они сѣли сами, а лошадей переправили вплавь.

На другой день утромъ начальникъ экспедиціи потребовалъ Азбергеня и объявилъ ему прощеніе и позволеніе возвратиться въ Русскіе предѣлы. Тутъ же ему объявлено было, что онъ долженъ примириться съ Туркменами и Кунградцами. Вмѣстѣ съ Азбергенемъ прибылъ также и султанъ Эстлау *), принадлежащій къ бѣлой кости. Азбергень изъявилъ желаніе возвратиться на прежнія кочевья и просилъ начальника экспедиціи прикрыть перекочеваніе его отъ Туркменъ, на искренность которыхъ онъ не полагался. На другой день съемочный отрядъ отправился, но вслѣдствіе слуховъ о коварныхъ замыслахъ Туркменъ противъ Азбергеня былъ возвращенъ.

Слухи эти были весьма правдоподобны. Азбергень былъ въ союзѣ съ Кунградцами и Туркменами; но грабежъ и насилія послѣднихъ надъ Киргизами заставили его удалиться въ крѣпостцу, въ 25 верстъ разстоянія отъ Кунграда. Ата-Мурадъ-ханъ съ 800 всадниками обложилъ его, но не имѣлъ успѣха и удалился самъ въ свои кочевья. Азбергень, не будучи въ силахъ бороться долѣе съ Кунградцами и Туркменами,

*) Цвѣтъ аристократіи Киргизской причисляетъ себя къ бѣлой кости, остальные принадлежатъ къ черной кости. Султанъ Эстлау прозванъ у насъ слоновой костью.

помирился съ Хивинскимъ ханомъ и когда тотъ осаждалъ Кунградъ находился съ своими приверженцами уже въ его войскѣ. Туркмены были озлоблены на Азбергеня за понесенную ими неудачу и опасались, чтобы онъ посредствомъ насъ не вытребовалъ захваченныхъ ими Киргизъ. Поэтому Азбергень объявилъ капитану Бутакову, что онъ готовъ примириться съ Туркменами, но что на искренность этого примиренія не полагается.

Съ прибытіемъ Азбергеня Туркмены были постоянно въ сборѣ, выжидая случая схватить его съ его приверженцами.

Въ 6 часовъ вечера начальникъ экспедиціи приказалъ собраться старшинамъ Туркменскимъ, Узбекскимъ и Каракалпакскимъ для примиренія съ Киргизами. Къ назначенному времени прибыли всѣ за исключеніемъ Ата-Мурада и Андами-хана, брата Ата-Мурада, сказавшихся больными. Старшинамъ приказано было, оставивъ лошадей своихъ, придти въ лагерь пѣшкомъ. Не явившимся старшинамъ послано было сказать, что если они не прибудутъ, то это принято будетъ за недоброжелательство къ Русскимъ. Прибывшіе старшины обидѣлись тѣмъ, что ихъ заставляютъ ожидать Андами-хана, говоря, что и безъ него обойтись можно, что они всѣ равны между собою и что если семь старшинъ присутствуютъ, то одного нечего и спрашивать.

Шалашъ изъ парусовъ, въ которомъ помѣщался дессантъ, былъ устланъ коврами. У входа въ него былъ поставленъ караулъ. Въ 7 часовъ мѣстные старшины сошлись съ Киргизами и въ знакъ искренности примиренія обнялись. Съ прибытіемъ капитана Бутакова всѣ усѣлись и начали разсуждать объ устраненіи поводовъ къ неудовольствіямъ. Со стороны Туркменъ говорили за всѣхъ знакомецъ нашъ Клычогру и сѣдой старикъ Ауазманбетъ, со стороны Киргизъ Азбергень.

Объ управленіи Киргизскою ордою. (Писано ранѣе покоренія Туркестанскаго края).

1.

Для водворенія прочнаго спокойствія внутри орды и для обезпеченія пограничныхъ Киргизъ отъ вторженія грабительскихъ шаекъ изъ Средне-Азіатскихъ владѣній необходимо сдѣлать нѣкоторыя измѣненія по внутреннему управленію степью и придать болѣе самостоятельности Сыръ-Дарьинской линіи. Съ устройствомъ Оренбургскаго и Уральскаго

укрѣпленій въ восточной и средней частяхъ орды спокойствіе совершенно водворено, и всѣ правительственныя распоряженія приводятся безпрепятственно въ исполненіе. Въ Западной же части часто образуются мятежныя шайки, возбуждающія Киргизъ къ неповиновенію и грабежу тѣхъ, которые остаются намъ покорными. Кромѣ того купцы, кочующіе между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, много терпятъ отъ набѣговъ Туркменъ Хивинскихъ, и само Хивинское правительство нерѣдко посылаетъ собрать съ нихъ зякетъ, грозя въ случаѣ неповиновенія разграбленіемъ.

Не имѣя далеко позади себя никакой защиты, за которую могли бы они укрыться, Киргизы вынуждены бываютъ удовлетворять насильственнымъ требованіямъ и оказывать неповиновеніе, на которое сами никогда бы не отважились.

Для отвращенія по возможности безпорядковъ этихъ необходимо.

1) Устроить въ центрѣ Западной части орды третье укрѣпленіе, снабдивъ его гарнизономъ по примѣру Оренбургскаго и Уральскаго. Мѣсто для этого укрѣпленія предполагается у южныхъ скатовъ Мугоджарскихъ горъ, при урочищѣ Тасъ-Булакъ.

2) Султана-правителя Западной части орды, перемѣстить изъ окрестностей станицы Затонной къ устью Эмбы для ближайшаго надзора за подвѣдомственными ему Киргизами. Это урочье у устья Эмбы удобно для хлѣбопашества и можетъ служить впослѣдствіи для водворенія населенія.

3) Надъ Киргизами, кочующими между Каспійскимъ и Аральскимъ морями поставить особаго султана-правителя, присвоивъ ему названіе султана-правителя 4-й части орды и назначить ему мѣсто пребыванія въ Новопетровскомъ укрѣпленіи.

4) Съ устройствомъ рыбнаго промысла на Красноводскомъ заливѣ, необходимо имѣть тамъ укрѣпленіе, которое будетъ удовлетворять тремъ условіямъ: а) послужитъ защитою для промышленниковъ, б) предотвратитъ по возможности набѣги Туркменъ на подвластныхъ намъ Киргизовъ; в) находясь въ разстояніи десяти дней караваннаго хода отъ Хивы, будетъ служить передовымъ постомъ нашимъ для наблюденія за нею и доставитъ возможность утвердить наше законное вліяніе надъ Туркменами.

Для огражденія же границъ нашихъ на лѣвомъ флангѣ со стороны Кокана необходимо, выше, придать бо́льшую самостоятельность Сыръ-Дарьинской линіи, чего можно достигнуть занятіемъ Туркестана и продолженіемъ линіи до Ала-Тауских горъ на соединеніе съ Сибирской границей и водвореніемъ по Сыру военныхъ поселеній.

2.

Колонизація Сыръ-Дарьинской линіи обусловливается: безопасностью и систематическимъ орошеніемъ почвы. Для безопасности Акъ-Мечетскаго острова, способнаго къ воздѣлыванію, необходимо имѣть укрѣпленія близъ Длулека, а для устройства систематическаго орошенія нужно сдѣлать предварительную нивелировку бассейна Сыра.

По неимѣнію положительныхъ данныхъ трудно въ настоящее время опредѣлить, въ какомъ размѣрѣ можетъ быть здѣсь развито хлѣбопашество *); а потому поселенцевъ надо водворять постепенно въ небольшомъ числѣ, чтобы они не остались на рукахъ правительства.

При поверхностномъ обозрѣніи средствъ края, можно приблизительно заключить, что пространство понынѣ занятое на Сыръ-Дарьѣ можетъ прокормить негустое населеніе и обезпечить продовольствіе малочисленнаго отряда.

Заселеніе Сыръ-Дарьинскаго края можетъ принести важную пользу въ такомъ только случаѣ, если правительство предполагаетъ занять страну по Сыру вверхъ до Ала-Тау для соединенія Оренбургской съ Сибирской границей. Въ противномъ случаѣ самая Сыръ-Дарьинская линія кромѣ убытка казнѣ ничего не обѣщаетъ.

Съ устройствомъ дороги, которая, связавъ между собою форты, будетъ въ тоже время служить для защиты переселенцевъ, можно приступить къ постепенному заселенію всей Сыръ-Дарьинской линіи отъ оз. Катышимъ-Бащъ до Акъ-Мечетскаго острова, употребляя для этой цѣли женатыхъ солдатъ, обязанныхъ срочною службою на Сыръ-Дарьинской линіи, преимущественно изъ желающихъ. Если бы попытка оказалась неудачною, то, присоединивъ посланныхъ солдатъ къ своимъ частямъ, не нужно будетъ напрасно кормить ихъ, а препровождать изъ Оренбурга на линію и обратно.

Цѣль заселенія можетъ быть троякая: 1) Упроченіе завоеванія водвореніемъ Русскаго элемента; 2) Оборона края; 3) Доставленіе войскамъ средствъ къ заготовленію снабженія на мѣстѣ.

Къ исполненію предложеннаго заселенія можно приступить въ слѣдующемъ порядкѣ.

1) Близъ фортовъ и пикетовъ устраивать небольшія поселенія отъ 10 до 15 семей.

---

*) Киргизы производятъ просо, ячмень и огородныя овощи. Обработка земли сопряжена съ большими трудами и производится въ малыхъ размѣрахъ на земляхъ, удобряемыхъ иломъ рѣки послѣ ея разливовъ.

2) Поселеннымъ солдатамъ предоставить право пользоваться всѣми правами на отставку, безсрочный отпускъ, возвращеніе на Оренбургскую линію наравнѣ съ прочими.

3) Освободить ихъ отъ всякой служебной обязанности, но обязать обработывать извѣстный участокъ земли и огорода.

4) Предоставить имъ пользоваться полнымъ содержаніемъ и обмундированіемъ въ продолженіе всего времени нахожденія на службѣ. Въ первое двухлѣтіе отпускать полную дачу провіанта, во второе половинную дачу, въ послѣднее четырехлѣтіе вовсе не отпускать провіанта.

5) Произведенія земли и огорода предоставить имъ въ полную собственность.

6) По выслугѣ срока солдатъ, если пожелаетъ возвратиться на постоянное мѣсто жительства, то записывать его со всѣмъ потомствомъ въ Сыръ-Дарьинское казачье сословіе.

7) Убѣдясь въ возможности дальнѣйшаго распространенія земледѣлія и заблаговременно приготовивъ все для водворенія поселенцевъ, дозволить переселяться изъ Россіи.

8) По мѣрѣ увеличенія числа переселенцевъ изъ Россіи прекратить заселеніе края служащими солдатами, но дозволить селиться выслужившимъ сроки.

9) Соображаясь съ числомъ станичнаго населенія возложить уже на мѣстныхъ казаковъ охраненіе своихъ станицъ, занятіе карауловъ на ближайшихъ пикетахъ, содержаніе почтовой гоньбы. Затѣмъ, по мѣрѣ возможности, освобождать Уральскихъ казаковъ отъ кордонной службы.

3.

Земляныя укрѣпленія, получившія громкую извѣстность во время и послѣ осады Севастополя въ примѣненіи ихъ къ Сыръ-Дарьинской линіи весьма неудобны.

Чтобы доказать справедливость сказаннаго, необходимо бросить взглядъ на вооруженіе и образъ дѣйствій противниковъ могущихъ у насъ быть и на свойства мѣстности.

Сыръ-Дарьинская линія можетъ имѣть столкновеніе съ четырьмя противниками: Киргизами, Хивинцами, Бухарцами и Коканцами. Киргизы могутъ имѣть значеніе противника только по своей многочисленности и отдаленію Сыръ-Дарьинской линіи отъ Оренбурга, откуда войска здѣшнія получаютъ все до послѣдней мелочи.

Огнестрѣльное оружіе ихъ состоитъ изъ длиннаго ружья съ придѣланными къ нему сошками. Огонь сообщается заряду посредствомъ фитиля. Хотя Киргизы дѣйствуютъ изъ мушкетовъ своихъ на значи-

тельное разстояніе и довольно мѣтко, но они такъ мало распространены между ними, что существеннаго вреда огнестрѣльнымъ дѣйствіемъ нанести не могутъ. Холодное оружіе наиболѣе распространено между Киргизами. Оно состоитъ изъ длинной пики и изъ шашки и могло бы быть для насъ болѣе страшно, если бы скопища эти обладали моральными силами, столь необходимыми для рукопашнаго боя.

Собравшись въ значительныя скопища, они могутъ дѣйствовать только непродолжительное время; за неимѣніемъ съ собою запасовъ продовольствія они такъ же скоро расходятся какъ и собираются. Киргизы сѣютъ очень мало и продовольствуются почти однимъ скотомъ. По этому многочисленныя толпы ихъ могутъ дѣйствовать только налетомъ, а затѣмъ дѣйствія ихъ будутъ ограничиваться прекращеніемъ сообщенія между фортами и съ Оренбургомъ, поджогами сѣна, составляющаго жизненный вопросъ для казаковъ нашихъ, и такъ далѣе.

(Сообщено Антониною Михайловной Черняевой).

М. Г. ЧЕРНЯЕВЪ ВЪ МОСКВѢ. 1876.

Современная запись.

Я сегодня была свидѣтельницей въ высшей степени знаменательной и трогательной сцены, краснорѣчиво указывающей, какъ сильно принимаетъ къ сердцу Русскій народъ дѣло освобожденія Христіанъ и какою полнотою любви своей окружаетъ онъ подвижниковъ этого дѣла. На молебствіи, по случаю полной побѣды Черногорцевъ надъ Турками, множество народа наполняло Казанскій соборъ. Войдя въ церковь, я увидѣла И. С. Аксакова, нѣсколько членовъ Славянскаго Общества и М. Г. Черняева. Прочли акаѳистъ. Акаѳистъ кончился. Черняевъ подошелъ ко кресту, и священникъ сказалъ ему: «Желаю вамъ счастливаго пути, Михаилъ Григорьевичъ, и славныхъ подвиговъ; Господь да сохранитъ васъ». Какъ только услышано было имя Черняева, по церкви пошелъ шепотъ: «Черняевъ, Черняевъ!» Тогда крестьянинъ лѣтъ сорока, протѣснившись, поцѣловалъ руку Михаила Григорьевича. «Ты доброволецъ?» спросилъ Черняевъ.—Нѣтъ, батюшка, нѣтъ. Дайте поцѣловать дорогую намъ руку.—Масса народа бросилась цѣловать руки Михаила Григорьевича и обнимать его. Онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Я стояла близко и видѣла, какъ одинъ старикъ припалъ къ его плечу и, заплакавъ, сказалъ: «Ты, батюшка, второй Мининъ». Въ народѣ слышались возгласы: «Заступникъ за православныхъ христіанъ,

храни тебя Господь!» Этой сцены нельзя было видѣть безъ умиленія. Черняевъ былъ тронутъ до слезъ, и хотя спѣшилъ уйти, но съ трудомъ могъ высвободиться изъ толпы и быстро удалился въ алтарь боковой дверью. По окончаніи богослуженія, народъ восторженно проводилъ его на паперть церкви, передъ которою встрѣтила его цѣлая масса народа криками *ура*, продолжавшимися до тѣхъ поръ, пока не скрылась изъ глазъ коляска, въ которой онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ И. С. Аксаковымъ.

*

Отецъ М. Г. Черняева, Григорій Никитичъ, владѣлецъ 200 душъ крестьянъ подъ Могилевомъ на Днѣпрѣ, въ 1814 году былъ комендантомъ города Валансьена въ сѣверовосточой Франціи и женился на дочери тамошняго мера (écuyer). По матери своей, М. Г. Черняевъ былъ въ родствѣ съ Буланже. Князь М. С. Воронцовъ поручалъ Г. Н. Черняеву вызывать бѣглыхъ изъ Турціи, а потомъ строить городъ Бердянскъ. П. Б.

*

Черняеву.

Едва побѣдный кликъ враговъ
Раздался надъ вождемъ печальнымъ,
И легіонъ клеветниковъ
Врагамъ ужъ вторитъ эхомъ дальнимъ:
Не понимая торжества
Тобой прославленной идеи,
Вокругъ израненаго льва
Шипятъ озлобленныя змѣи...

О, тотъ герой, кто въ морѣ бѣдъ
Держалъ такъ твердо знамя наше...
Иной уронъ славнѣй побѣдъ,
Иныя раны лавровъ краше!
И вѣрь—другой есть легіонъ;
Онъ заглушитъ слова пустыя,
Въ тебя, какъ прежде, вѣритъ онъ,
И легіонъ тотъ—вся Россія!..

А.

Октябрь. Петербургъ.

ДОМИКЪ, ГДѢ ЖИЛЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ГОЛЛАНДІИ.

Многолюдное Московское посольство въ Голландію, въ которомъ ѣхалъ подъ чужимъ именемъ Петръ учиться морскому дѣлу, двигалось медленно, съ соблюденіемъ разнаго рода околичностей, до которыхъ молодой царь вовсе не былъ охотникомъ. По своей нетерпѣливости и чтобы не тратить понапрасну времени, Петръ отдѣлился отъ него и, поѣхавъ впередъ, нѣсколько дней прожилъ въ Саандамѣ, гдѣ и дожидался прибытія посольства въ Амстердамъ. Его плотническія занятія въ этомъ городѣ разгласились повсюду, многократно описаны и воспѣты какъ нѣчто безпримѣрное. Впослѣдствіи, когда нашимъ посланникомъ въ Голландіи былъ графъ А. И. Морковъ, владѣлецъ домика предлагалъ нашему правительству купить домикъ; но Екатерина нашла это излишнимъ. При Александрѣ Николаевичѣ домикъ былъ купленъ, и содержаніе его теперь стоитъ денегъ, тогда какъ прежде сохранность его обезпечивалась выгодою владѣльца, получавшаго деньги за его осмотръ отъ путешественниковъ. Приводимъ любопытную статью объ этомъ домикѣ изъ статьи „Чрезъ Сербію въ Голландію", напечатанной въ „Новомъ Времени" отъ 20 Февраля 1906 г. П. Б.

Саардама нѣтъ, а есть Саандамъ, тотъ городокъ, куда Петръ пріѣхалъ раньше всего въ Голландіи и гдѣ сохранился его знаменитый домикъ. О пребываніи въ немъ Петра у насъ тоже имѣютъ совершенно превратныя понятія, вбитыя намъ въ голову нашими плохими историческими учебниками и анекдотическими лѣтописцами жизни Петра. Преобразователю Россіи было 25 лѣтъ отъ роду, когда впервые онъ отправился за границу. Въ Нѣмецкой Слободѣ и въ Воронежѣ, отъ Голландскихъ плотниковъ, случайно уроженцевъ Саандама, онъ наслышался объ этомъ городкѣ (всякій куликъ естественно хвалитъ свое болото). Петръ былъ такъ еще мало освоенъ съ Европейскою жизнью и ея культурою, что онъ не дѣлалъ различія между плохимъ и хорошимъ, между важнымъ и неважнымъ, чего уже не было при вторичномъ его посѣщеніи Европы и Голландіи, спустя 20 лѣтъ, въ 1717 году. Судостроительная дѣятельность въ Саандамѣ тогда была, разумѣется, нѣсколько больше, чѣмъ теперь, когда она ничтожна, благодаря водоизмѣщенію теперешнихъ судовъ. Но и тогда, во времена Петра, настоящія

морскія верфи были именно въ Амстердамѣ, гдѣ находилась и знаменитая верфь Остъ-Индской компаніи. На ней потомъ Петръ и работалъ слишкомъ 4 мѣсяца. Въ Саандамъ какъ и въ домикъ кузнеца Киста, котораго онъ зналъ еще по Москвѣ, онъ попалъ по недоразумѣнію, что̀ совершенно ясно видно изъ всѣхъ обстоятельствъ его появленія въ этомъ городкѣ. Не столько онъ работалъ въ Саандамѣ, сколько катался на буэрахъ по заливу и по каналамъ, или по крайней мѣрѣ посвящалъ рѣчнымъ прогулкамъ и работѣ на верфи одинаковое время. Еще важнѣе то, что̀ всегда упускаютъ изъ вида: кратковременность его пребыванія въ Саандамѣ. Онъ оставался тутъ всего недѣлю, съ 8 по 15 Августа 1697 года. Въ недѣлю много не наработаешь при всемъ желаніи. Поэтому совершенно нелѣпы стихи Вяземскаго и еще болѣе нелѣпы стихи Жуковскаго, посвященные Саандамскому домику («Надъ бѣдною хижиною сей» и т. д.). Вовсе не въ Саандамскомъ домикѣ «колыбель Имперіи» и не здѣсь «родилась великая Россія». Колыбель Русской Имперіи все-таки въ Москвѣ, въ Преображенскомъ, гдѣ у Петра явилась мысль и желаніе ознакомиться съ Европою. А если уже надо отмѣчать въ нашей памяти первое мѣсто ученія Петра кораблестроенію и мореходству, то это долженъ быть Амстердамъ, гдѣ онъ работалъ на верфяхъ Остъ-Индской компаніи. Да и то, собственно говоря, настоящій теоретическій курсъ кораблестроенія имъ пройденъ уже въ Англіи, на верфяхъ Дептфорда, куда онъ отправился изъ Амстердама въ концѣ Января 1698 года и откуда вернулся черезъ три мѣсяца, въ концѣ Апрѣля.

Свое пребываніе въ Англіи и пользу, извлеченную имъ тамъ, онъ цѣнилъ всего болѣе, что̀ и выразилъ ясно въ словахъ, сказанныхъ имъ по возвращеніи въ Амстердамъ: «Навсегда остался бы я плотникомъ, если бы не побывалъ въ Англіи». Эти слова именно показываютъ разницу въ сознаніи Петра между только практическими знаніями тогдашнихъ Голландцевъ по судостроенію и теоретическими основами Англичанъ. Этого забывать не слѣдуетъ.

О значеніи Саандама въ жизни Петра, по моему, не сто̀итъ разговаривать. Мало ли въ какихъ мѣстахъ Россіи, напримѣръ, не останавливался Петръ для своихъ работъ. Только жилищъ его мы не умѣемъ охранять: въ Архангельскѣ, наприм., одинъ изъ моихъ пріятелей видѣлъ въ прошломъ году домикъ Петра заколоченнымъ, съ разбитыми стеклами и съ кучами навоза вокругъ. На Западѣ люди внимательнѣе къ прошлому даже чужихъ великихъ людей: Саандамскій домикъ сохранился, можетъ быть, и по случайности. До конца XVIII-го вѣка онъ

былъ еще въ рукахъ потомковъ Киста, но память о немъ стала исчезать. Въ 1782 году его разыскалъ великій князь Павелъ Петровичъ. Это посѣщеніе послужило толчкомъ тому, что какой-то аферистъ, нѣкто Бульзингъ, купилъ домикъ за 200 флориновъ у нуждавшагося его собственника. Голландскій король Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ [1]) способствовалъ сохраненію домика и даже собирался было поставить обелискъ въ Саандамѣ въ память пребыванія Петра. Александръ I послѣ 1814 года посѣтилъ домикъ, но его посѣщеніе осталось безрезультатнымъ, кромѣ появленія въ сущности довольно тщеславной для Александра надписи на мраморной доскѣ (очень небольшой): «Petro Magno Alexander I».

Судьба историческаго домика была обезпечена только съ 1817 года, когда новый Голландскій король Вильгельмъ I купилъ его уже за 20 тысячъ гульденовъ и подарилъ своей невѣсткѣ, будущей королевѣ Нидерландской, Аннѣ Павловнѣ. Въ настоящее время домикъ принадлежитъ Государю Императору Николаю II, приказавшему принять всѣ мѣры, чтобы охранить его какъ слѣдуетъ. Домъ поднятъ на каменный фундаментъ, обведенъ каменною стѣною вокругъ, покрытъ стеклянымъ навѣсомъ, сдѣлана рѣшетка вокругъ всего мѣста, принадлежащаго къ домику, построено особое помѣщеніе для сторожа и устроенъ маленькій садикъ во дворѣ, выходящемъ на другой каналъ. Получилось хоть что-то въ родѣ открытаго вида на небольшое поле, прилегающее сюда.

Саандамъ и теперь не великъ. При Петрѣ онъ долженъ былъ быть еще незначительнѣе. Кистъ, бѣдный купецъ, имѣлъ домишко на окраинѣ города, оставшейся и теперь окраиною. Домикъ, построенный въ 1632 году, находится на берегу какой-то узкой и грязной канавы. Если представить себѣ задворки Новой Деревни [2]), съ ея грязною рѣченкою и сидящими одна на другой избами, то получишь совершенно вѣрное понятіе и о мѣстѣ, гдѣ находится домикъ Петра, и даже о внѣшнемъ видѣ всего этого закоулка, за исключеніемъ конечно разницы между Голландскою и нашею архитектурою. Домикъ во время Киста былъ иной; теперь сохранена только задняя его половина, гдѣ жилъ Петръ. О прежнемъ домикѣ можно имѣть понятіе только по старымъ гравюрамъ, гдѣ онъ изображенъ въ цѣлости. Петръ помѣщался въ двухъ очень небольшихъ комнатахъ; чтобы взойти въ дверь или переходить въ другую комнату, онъ, при его ростѣ, долженъ былъ нагибаться. Какъ онъ укладывался въ альковѣ, понять трудно. Небогатые Голланд-

---

[1]) Дружившій съ супругою нашего посланника, княгинею Долгорукою. П. Б.

[2]) Подъ Петербургомъ. П. Б.

цы, да и вообще весь бѣдный людъ Европы того времени, спали въ шкафахъ, либо въ крошечныхъ чуланчикахъ, выгороженныхъ въ горницѣ особою перегородкою. Такой же чуланчикъ-альковъ (или шкафъ, если хотите) былъ и у Киста, и въ немъ спалъ великій преобразователь Россіи. Здѣсь же въ комнатѣ каминъ съ очагомъ для стряпанья и нѣсколько треножныхъ стульевъ. Сторожиха предложила намъ посидѣть на этихъ стульяхъ; мы конечно отказались.

Вообще домикъ—типичный домикъ бѣдняка XVII-го вѣка. Тутъ можно представить себѣ ярко бытъ того времени.

Первая комната, освѣщаемая только дверями, достаточно покосилась и вѣроятно бы свалилась, не имѣй она каменныхъ подпоръ и устоевъ. Вторая комната держится крѣпко. Въ ней находятся портреты Петра во весь ростъ (въ костюмѣ рабочаго) и поясной (въ военныхъ доспѣхахъ). Здѣсь же портретъ Екатерины, подаренный вѣроятно во время второго посѣщенія Петромъ Голландіи, когда онъ тамъ былъ уже съ женою и когда онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ съ нею въ Саандамъ. Екатерина, по словамъ современниковъ, поражала Саандамцевъ своими бриліантами и любезностью, чѣмъ отличалась отъ своего знаменитаго супруга.

Тутъ же виситъ небольшая картина, подаренная въ 1856 году А. Демидовымъ, изображающая Петра съ топоромъ въ рукахъ (напыщенная фигура), диктующаго Меншикову какія-то вычисленія. Картина фальшивая и неестественная. Стѣны домика сплошь исписаны именами и фамиліями посѣтителей, при чемъ преобладаютъ иностранныя.

Разочаровавшись въ Саандамѣ, Петръ перебрался въ Амстердамъ, гдѣ уже объ incognito не было и рѣчи, хотя продолжалъ оставаться подъ принятою имъ фамиліею Михайлова. А фактомъ нельзя считать увѣреніе очень длиннаго стихотворенія на Голландскомъ языкѣ, которое цитировали намъ въ одномъ Голландскомъ семействѣ. Это стихотвореніе увѣряетъ, будто бы Петръ цѣлую жизнь жалѣлъ о томъ, что не женился на красивой, стройной Саандамочкѣ.

М.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ИСТОРІИ БЕЗПОПОВЩИНЫ.

Къ концу второй половины XVII вѣка безпоповщинская секта распалась на двѣ части, Русскую и Польскую. Русскіе безпоповцы по преимуществу гнѣздились въ Поморьѣ, по р. Выгу, Польскіе—за сѣверозападной Польской границей, вблизи которой вскорѣ образовались знаменитые Вѣтковскіе и Стародубскіе скиты или монастыри, изъ которыхъ два были безпоповщинскаго толка.

Въ Поморьѣ, по рѣкѣ Выгу, образованію раскольническихъ поселеній немало способствовали Соловецкіе выходцы, какъ то краснорѣчивый дьяконъ Игнатій, инокъ Германъ, инокъ Іосифъ и Повенецкій выходецъ Петръ Прокофьевъ. Четыремъ ученикамъ этихъ выходцевъ принадлежитъ основаніе въ суровыхъ краяхъ Петрозаводской губерніи раскольническихъ скитовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Выгорѣцкихъ, мужскаго и женскаго, общежитій. Таковыми основателями были дьячекъ одного погоста Данила Викуловъ, эклесіархъ Петръ Прокофьевъ и особенно братья Андрей и Семенъ Денисовы съ своей сестрой Соломоніей, изъ рода князей Мышецкихъ; старшій братъ Андрей, былъ ученикомъ и слушателемъ пламенныхъ рѣчей дьякона Игнатія, называемаго также то Соловецкимъ, то Палеостровскимъ старцемъ, даже иногда священникомъ.

За сѣверозападной границей Польши у безпоповцевъ также образовались двѣ общины: одна мужская, другая женская. Во главѣ ихъ, какъ основатель и руководитель, видавшій виды и въ Твери, и въ Новгородѣ, и въ Поморьи, былъ дьячекъ Крестецкаго яма Ѳеодосій Васильевъ, происходившій изъ рода бояръ Урусовыхъ.

Раскольники Выгорѣцкихъ общежитій по имени своего основателя Даніила стали называться Даниловцами, а толкъ ихъ даниловщиной, по мѣстожительству же—Поморцами и Выговцами. Въ отличіе отъ нихъ раскольники жившіе за Польской границей стали именоваться по жительству Польскими, Рижскими, а по основателю—Ѳедосѣевцами. Впослѣдствіи въ Москвѣ также образовалась Ѳедосѣевская община на Рогожскомъ кладбищѣ, которая впрочемъ не особенно дружила съ заграничными. Формальное основаніе Поморской общины исторія относитъ къ

1694 г., а раздѣленіе ея на мужскую и женскую къ 1706 г., въ томъ же году сформировался вполнѣ и Ѳедосѣевскій толкъ. И Даниловцы и Ѳедосѣевцы въ настоящемъ 1906 году могутъ отпраздновать свои двухсотлѣтніе юбилеи.

Поморскіе Даниловцы и Польскіе Ѳедосѣевцы сначала жили между собою дружно: какъ единомышленники по вѣрѣ, тѣ и другіе проповѣдывали ученіе о духовномъ воцареніи съ 1666 г. Антихриста, который де потребилъ древнее православіе, осквернилъ таинства, далъ богопротивное направленіе духовнымъ и гражданскимъ властямъ. Тѣ и другіе чтили крестъ осмиконечный, а не четвероконечный, называя послѣдній Латинскимъ крыжемъ, троеперстіе называли щепотью, которою берутъ табакъ, и печатью Антихриста. Въ имени Господнемъ писали одно І (Ісусъ), такъ какъ Онъ Единородный, а въ начертаніи Іисусъ видѣли почему-то поклоненіе сыну погибели, а не Сыну Божію. Этого погибельнаго сына, т. е. Антихриста, раскольники сначала видѣли царемъ на престолѣ ветхаго Рима, затѣмъ на престолѣ въ Константинополѣ и наконецъ усмотрѣли его на престолѣ въ Москвѣ (въ третьемъ Римѣ). Такое ученіе особенно усилилось подъ вліяніемъ нововведеній Петра I. Принятый имъ титулъ Императора они писали Іператоръ и, переводя литеры этого слова на ихъ ариѳметическое значеніе, находили въ Іператорѣ апокалипсическое звѣриное число 666, означающее имя Антихриста. Въ народной записи раскольниковъ въ двойной подушный окладъ раскольники видѣли присоединеніе ихъ къ Антихристову стаду, и потому многіе бѣжали за границу или сожигали сами себя. Чáю безпоповцы не пили, чтобы не впасть въ отчаяніе; кофею тоже, чтобы не впасть въ ковы лукаваго; картофель не ѣли, считая его срамными удами Антихриста, похотью. Съ воцареніемъ Антихриста въ третьемъ Римѣ, т. е. въ Москвѣ, раскольники отвергли царскую власть, церковную іерархію и самую церковь назвали «еретическою, Латынскою». «Нынѣшняя церковь, говорятъ они, нѣсть церковь, тайны божественныя не тайны, крещеніе не крещеніе, архіереи не архіереи, писаніе лестное, ученіе неправедное и вся скверна и не благочестна. Въ нынѣшнее, послѣднее время овца овцу паси, сама себя паси!»

Безпоповцы такъ и дѣлаютъ: пасутъ сами себя безъ пастырей (церковное самоуправленіе). Всѣхъ поступающихъ въ ихъ толкъ перекрещиваютъ, даже поповъ. Отвергая православную церковь и ея іерархію, безпоповцы перенесли свой протестъ и на царскую власть, на законы, судъ и всѣ правительственныя учрежденія; на всемъ-де лежитъ печать Антихриста, все государство опутано сѣтями богоборнаго духа, кромѣ ихъ самихъ, а потому они за предержащую власть не молились

и побѣды благовѣрному императору на сопротивныя (въ томъ числѣ на себя) не просили, словомъ, жили какъ анархисты. Но, какъ фанатичные деисты, они молились Богу и молились ревностно даже не по разуму. Часовенныя службы и христіанскія требы исправляли сами міряне не только мужчины, но и женщины безъ поповъ, «за молитвъ святыхъ отецъ нашихъ», какъ они начинаютъ всякую общественную службу. Самодѣльные ихъ заправилы, отцы, наставники, старцы благословлялись на служеніе такими же молодцами, т. е., какъ они выражаются, не простецами, а отцами, получившими якобы преемственно благословеніе отъ Павла епископа Коломенскаго, бывшаго въ ссылкѣ на Онежскомъ озерѣ. Такимъ образомъ безпоповцы въ описываемое время были полные самоуправцы, самосуды и въ нѣкоторой степени республиканцы, отражавшіе отъ себя всякое давленіе «слугъ Антихриста» военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ съ оружіемъ въ рукахъ (Соловецкій мятежъ). Когда безпоповцы не могли выдержать осады, то они, чтобы не отдаться слугамъ Антихриста или скрывались за границу, или на глазахъ своихъ преслѣдователей массами сожигали себя.

Однако, не смотря на принадлежность Поморцевъ и Польскихъ раскольниковъ къ одной безпоповщинской сектѣ, вскорѣ между тѣми и другими обнаружились значительныя разногласія касательно брака, покупаемой на рынкахъ пищи, иноковъ Великороссійской церкви, молитвы за царя и наконецъ титла на крестѣ.

1) Поморцы иногда принимали въ свой толкъ лицъ, повѣнчавшихся въ православной церкви, въ видѣ исключенія, по впослѣдствіи эти исключенія вошли въ правило; Ѳедосѣевцы, напротивъ, проповѣдуя дѣвство, допускаютъ браки въ своемъ толкѣ, и то чрезвычайно рѣдко, какъ неизбѣжное зло, и потому за рожденіе дѣтей староженами, т. е. повѣнчавшимися по православному до перекрещиванія въ ихъ толкъ, супруги наказывались отлученіемъ отъ общенія съ прочими, за рожденіе перваго ребенка на полгода, за второго на годъ, за третьяго на два года. А новожены, т. е. вступившіе въ брачное житіе по своемъ перекрещиваніи въ толкъ, наказывались наставниками еще строже: и отъ общаго моленія, и отъ житья въ одной храминѣ, даже отъ общей трапезы, отъ бани, отъ покаянія передъ смертью, отъ крещенія своихъ дѣтей и наконецъ отъ помощи при мукахъ рожденія.

2) Поморцы пищу покупаемую на торгу не считали оскверненной Антихристовой прелестью и ѣли безъ очищенія ея молитвою; Ѳедосѣевцы же все съѣстное съ базара считали нечистымъ и ѣли только по освященіи молитвою.

3) Поморцы иноковъ православной церкви по перекрещиваніи ихъ въ свой толкъ признавали попрежнему за иноковъ и предоставляли

имъ право быть наставниками и совершителями требъ и службъ; Ѳедосѣевцы же приходящихъ иноковъ по принятіи чрезъ перекрещиваніе въ свой толкъ лишали иноческаго чина и всякихъ правъ на совершеніе требъ и моленій.

4) Касательно молитвы за царя Поморцы были непостоянны: вообще они не молились, но когда за это угрожала имъ бѣда, то начинали молиться, а по миновавіи опасности снова бросали. Такъ напримѣръ было во время коммиссіи Самарина. Они тогда прибѣгли къ хитрости; написавъ тропарь «Спаси Господи люди Твоя» въ нѣсколькихъ экземплярахъ, разложили ихъ по всѣмъ окнамъ моленныхъ и своихъ келій, за что и получили отъ другихъ толковъ прозвище: тропарщики. Ѳедосѣевцы между тѣмъ измѣны своему понятію о томъ, что царь находящійся въ Антихристовой прелести не заслуживаетъ молитвы, никогда не допускали и не молились.

5) Наконецъ, касательно титла на крестѣ дѣло обстояло и обстоитъ въ слѣдующемъ. Поморцы учили, что на крестахъ не должно дѣлать титлы І. Н. Ц. І. (Іисусъ Назарянинъ Царь Іудейскій) и такимъ крестамъ не молились, говоря, что титла въ четыре литеры Латинская ересь, Никономъ нововведенная; надписывати же подобаетъ кресты сице: Ц. С. І. Х. С. Б. (Царь Славы Іисусъ Христосъ Сынъ Божій) или въ родѣ того: Царь Славы Іс. Хс. Ника, какъ писали во время благочестія въ древнемъ Новгородѣ до патріарха Никона. Ѳедосѣевцы же согласно Евангелію употребляли кресты съ четырехлитерною титлою и возставали противъ титлы принятой Поморцами.

Это разногласіе о титлѣ служило гвоздемъ раздора. Чтобы примирить враждующія стороны, дьячекъ Ѳеодосій съ шестью товарищами отправился къ Поморцамъ на Выгъ; но здѣсь вмѣсто мира произошелъ раздоръ. Поморскіе наставники въ пылу спора сказали Ѳедосѣевцамъ: «Намъ вашъ Назарянинъ не надобенъ!» Оскорбленные Ѳедосѣевцы отвѣтили наставникамъ: «Вы Поморцы-Іудеи и Христоборцы!» Дѣло кончилось тѣмъ, что Ѳедосѣевцы при выходѣ изъ Поморскаго скита отрясли прахъ отъ ногъ своихъ и сказали Поморцамъ: «Не буди намъ съ вами имѣти общеніе ни въ семъ вѣцѣ, ни въ будущемъ!» Съ того времени началась между ними открытая вражда и нескончаемые споры, въ которыхъ Поморцы, какъ болѣе начитанные и просвѣщенные своею «Четверицею Богосочетанною» (Дан. Викуловъ, П. Прокофьевъ, Анд. и Сем. Денисовы) всегда одерживали верхъ, и если не присоединяли къ своему толку, то колебали мнѣніе Ѳедосѣевцевъ.

Вслѣдствіе этого, спустя со времени разрыва сорокъ пять лѣтъ, т. е. въ 1751 году, одинъ Ѳедосѣевскій монахъ по имени Титъ, убѣдившись доводами Поморцевъ о четырехбуквенной титлѣ, что она хотя

и Евангельская, но не древне-русская, что появилась на крыжахъ отъ папы Римскаго со времени патріарха Никона, самъ отвергъ титлу и присоединилъ къ себѣ многихъ Өедосѣевцевъ. А такъ какъ онъ Титъ кромѣ титлы расходился съ Поморскими Даниловцами и во многихъ другихъ предметахъ ученія, то и образовалъ свой толкъ, извѣстный нынѣ подъ именемъ Титловщины.

Однако на этомъ дѣло не остановилось. Теперь Поморяне-Даниловцы и послѣдователи Титловщины дѣйствовали противъ Өедосѣевцевъ за одно и при каждомъ удобномъ случаѣ продолжали вести на собраніяхъ нескончаемые споры о томъ, какая титла иста и какая не иста, «гаждая» притомъ другъ-друга и особенно Өедосѣевца Соловецкаго выходца старца Игнатія «нестерпимыми хулами». Одинъ изъ такихъ споровъ сохранился въ раскольнической рукописи и пріобрѣтенъ мною въ г. Казани у букиниста. Рукопись эта въ 16 долю листа писана церковными буквами на старинной грубой бумагѣ синяго цвѣта.

Согласно съ евангельскимъ повѣствованіемъ титла на крестѣ съ изображеніемъ распятія Господа Нашего Іисуса Христа должна состоять изъ монограммъ I. Н. Ц. I. Между тѣмъ на нашихъ древнихъ крестахъ она обыкновенно встрѣчается состоящею изъ словъ Іс. Хс. или Царь Славы Іс. Хс. и съ дополненіемъ къ нимъ: НИКА. Что касается до сокращенной титлы: I. Н. Ц. I., то она на древнихъ Новгородскихъ крестахъ нигдѣ не встрѣчается, кромѣ крестовъ XVII и XVIII вѣка.

Отъ XII в. остался въ Хутынскомъ монастырѣ мѣдной литой крестъ преп. Варлаама Хутынскаго († въ 1193 г.), на крестѣ надпись: Цр҃ь Сл҃вы Ісъ Хс. Нк҃а, а внизу надъ Голгоөою лобъ. Въ Клопскомъ монастырѣ на мѣдномъ посеребренномъ крестѣ 1587 г. кромѣ надписи Іс҃. Хс҃. внизу находятся сокращенныя слова: М. Л. Р. Б., означающія по объясненію однихъ: мѣсто лобное—рай бысть, а по другимъ «распятъ бысть».

Кромѣ описанныхъ древнихъ крестовъ много такихъ же и въ другихъ соборахъ и монастыряхъ, наприм. въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, устроенномъ при Алексіи митрополитѣ Московскомъ, освященномъ въ 1354 г., и деревянный крестъ въ Сковородскомъ монастырѣ (съ нимъ былъ погребенъ святитель Моисей въ 1362 г.). Что въ древности не употреблялась титла изъ буквъ I. Н. Ц. I. или I. N. R. I., а употреблялась изъ словъ Іс҃. Хс҃ Царь Славы НиКа, видно также въ изображеніи крестовъ на ризахъ, панагіяхъ и антиминсахъ; титла же съ Латинскими литерами I. N. R. I. находится только на крестахъ, сдѣланныхъ западными мастерами, и при томъ не древнихъ.

Александръ Можаровскій.

вольно содѣйствовалъ и Панинъ (уроженецъ города Перпова) и умышленно его супруги. Не могла же Екатерина не противодѣйствовать его увлеченію Прусскимъ дворомъ. Пора прекратить толки о томъ, будто Павла обижали и тѣснили. Гатчина, Павловскъ, содержаніе собственнаго войска (слишкомъ въ 2 т. человѣкъ) наглядно свидѣтельствуютъ, какъ много предоставляли ему денежныхъ средствъ; но ихъ все было мало для отсылки роднымъ за границу. Точно также, не могла Екатерина, говорившая про себя, что она не „изъ числа змѣй, вскормленныхъ за пазухой", допустить, чтобы внуки ея не умѣли говорить по-русски, что воспослѣдовало бы, оставайся они жить съ своею матерью, которая до конца дней не выучилась Русскому языку и говорила на немъ такъ, что, по свидѣтельству Жуковскаго, нельзя было понять ее, въ первую ея съ нимъ бесѣду.

Большая часть біографій составлена превосходно; въ числѣ ихъ немало совершенно новыхъ, какъ напр. княгини Багратіонъ, Обольяниновыхъ (мужа и жены), матери Аракчеева, графини Коновницыной, И. А. Нарышкина, князя Б. В. Голицына. Другія написаны съ сообщеніемъ подробностей неизвѣстныхъ въ печати, даже напр. Державина, графа Литты, графа Н. П. Панина (котораго непривлекательныя свойства изображены и въ письмахъ князя А. Б. Куракина, въ „Архивѣ Князя Ѳ. А. Куракина"), великой княгини Екатерины Павловны, баронессы Крюднеръ, и пр. и пр. Очевидно, что составители пользовались бумагами и записками доселѣ неизданными. Честь имъ и слава! П. Б.

КАПИЩЕ МОЕГО СЕРДЦА.

Словарь всѣхъ тѣхъ или лицъ, съ коими я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіе моей жизни. Сочиненіе князя Ивана Михаиловича Долгорукова. Новое *полное* изданіе. Москва. 1890. 8-ка, 403 стр.

Цѣна 75 к., съ пересылкою 1 рубль.

Получать можно въ Конторѣ «Русскаго Архива» (Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175-й).

ПОПРАВКА.

На стр. 313-й, въ строкѣ 7-й, не нужны слова: *имѣлъ успѣхъ*

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906 года.

(Годъ 44-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1906 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять рублей**, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать рублей**.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

☞ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: **1874** годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы **1877, 1879, 1884** и **1886—1889** по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы **1890 — 1892, 1894** и **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы **1898—1905** по 8 р., съ пересылкою по 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно съ 9 часовъ утра до 5-ти пополудни; для переговоровъ съ издателемъ—Четвергъ; отъ 1 до 5-ти часовъ.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» *прежнихъ* годовъ можно получать по 1 рублю.

Московскіе подписчики 1906 года, покупая вмѣстѣ и весь 1905 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.— 17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**